

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХАНГЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

РУССКОГО ДЕРЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Составитель и ответственный редактор
Л. Д. Попова*

Архангельск
Издательство Поморского государственного
университета имени М. В. Ломоносова
1998

РУССКОЕ СЕВЕРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И КНИЖНОЕ

УДК 72.03
ББК 85.113 (2Р1)
П 159

Рецензент:

Академик архитектуры РААСН, профессор Петрозаводского государственного университета имени О. В. Куусинена
В. П. Орфинский

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Поморского государственного университета

П 159 **Памятники архитектуры Русского Севера: Сб. статей /**
Сост. и отв. ред. Попова Л.Д.— Архангельск: Изд-во По-
морского госуниверситета, 1998.—304 с.

ISBN 5-88086-157-0

Сборник посвящен архитектуре Русского Севера. В ряде статей представлены Архангельск, Каргополье, Соловки, Кий-остров. Рассматриваются материалы по истории пропорционирования, типологии северного зодчества, а также процесс отражения образа Петра I, идеологии и мифологии петровских преобразований в ономастике сакральной архитектуры Русского Севера. Исследования базируются на архивных разысканиях и глубоком анализе документов.

Для историков, архитекторов, культурологов и всех, кто интересуется архитектурой Севера.

ББК 85.113 (2Р1)

ISBN 5-88086-157-0

- © Попова Л. Д. Составление, 1998
- © Климов Р. С. Оформление, 1998
- © Издательство Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 1998
- © Архангельский центр Русского географического общества, 1998

К ЧИТАТЕЛЮ

Представляя новую книгу о севернорусской архитектуре, я хотел бы отметить ее главное достоинство — историчность. Дело в том, что современная историческая наука, в том числе североведческая, исследует не только письменные источники (повествовательные "тексты", актовые документы), но и другие исторические материалы (археологические, этнографические, фольклорные, лингвоисторические), составляющие в своей совокупности единый источниковый фонд. В это собрание исторических источников правомерно входят памятники градостроительства и архитектуры.

Статьи сборника "Памятники Русского Севера" в полной мере отражают интеграционный подход к анализу проблем севернорусского зодчества. Эмпирическое описание памятников не снижает теоретический уровень исследовательских методов. Авторы базируются не только на результатах натурных наблюдений (изобразительная фиксация, обмеры, расчеты свойств пропорций памятников), они провели значительные по объему разыскания архивных документов. Некоторые из них (например, "память" И. В. Милюкова 1597 года, "роспись" церковного имущества Воскресенского храма 1643 года) археографически исследованы и полностью

опубликованы. Ценный архивный материал использован при описании культовых памятников приходов Кеврольского уезда (XVI—XVII вв.), монастырских строений на Соловецких островах, градостроительных комплексов Архангельска и т. д. В книге применены и методы искусствоведения (например, в ходе изучения "строительной истории" Крестного (Онежского) монастыря (XVII—XIX вв.)). Интересен культурологический аспект в исследовании ономастики сакральной архитектуры Русского Севера. Авторы прослеживают динамику в развитии градостроительных традиций и архитектурных стилей, обобщают творческие достижения архитекторов Севера (Г. К. Иванов, Н. А. Каретников, А. Андросов, А. Вахрушев, М. А. Ильин, Г. В. Алферова и др.).

Не сомневаюсь в том, что книга вызовет интерес у северного читателя.

Анатолий Куратов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый читателю сборник статей и материалов по архитектуре Русского Севера состоит из трех основных разделов. В первый входят исследования, посвященные самому Архангельску. В статье Л. Д. Поповой предпринята попытка проанализировать развитые видоизменения общерусских стилей в архитектуре города. Публикуются также архивные находки З. В. Дмитриевой, М. И. Мильчика, А. Н. Чистикова о старинной архангельской крепости и Воскресенской церкви.

Второй раздел сборника имеет типологическую направленность. Его составляют результаты исследований по деревянной архитектуре. П. П. Медведев обстоятельно классифицирует систему типов, форм и деталей северного зодчества. Н. Н. Уткин определяет подтипы теплых церквей и впервые публикует обмерные планы некоторых сооружений. В. А. Крохин подробно излагает малоизвестный материал по истории пропорционирования. Статья Н. П. Воскобойниковой впервые с такой полнотой раскрывает архивные источники по истории Кеврольского уезда Архангельской губернии XVI—XX вв. Завершается раздел небольшой статьей У. К. Брумфилда — профессора Тулейнского университета о памятниках Каргополя. Его труд (подготовленный на английском языке для читателей Америки) снабжен весьма ценными фотографиями, и мы сочли уместным, заручившись любезным согласием автора, напечатать материал в нашем сборнике.

Третий раздел посвящен Соловкам. В статье А. Г. Мельника по иконографическим источникам рассмотрены некоторые приемы трансформации архитектуры Соловецкого монастыря. Д. А. Петров показывает уникальность архитектуры Преображенского собора и определяет его отношение к новгородской

архитектуре первой половины XVI в. Данные о соловецких часовнях, до сего времени находившихся за пределами исследовательского внимания, приведены в статье В. В. Скопина. В третий раздел помещена также статья Н. М. Теребихина, в которой рассматривается процесс отражения образа Петра I, идеологии и мифологии петровских преобразований в ономастике сакральной архитектуры Русского Севера. К архитектуре автор относит православные храмы и монастыри, древние культовые памятники Поморья (лабиринты) и корабли, построенные на северных верфях. Включение корабля в разряд сакральной архитектуры основано на хорошо известном явлении изоморфизма храма и корабля, который, с одной стороны, в своем архитектурном облике воплощает религиозно-мифологический образ мироздания, а с другой — после совершения православного "Чина благословения нового корабля или лодии" становится "освященным домом для христиан". Исследование Н. М. Теребихина выявляет тот общий генетический фонд идей, символов, сюжетов, образов, имен, который определил центр всего ономастического пространства сакральной архитектуры Русского Севера периода петровской реформации. Заканчивается этот раздел статьей Т. М. Кольцовой на основе обширного архивного материала, уточняющей выводы, сделанные исследователями Крестного монастыря.

В целом материалы сборника, "учитывая недостаточную степень изученности архивного наследия Российского Севера, вносят заметный вклад в историко-архитектурную науку" (В. П. Орфинский).

Сборник представит интерес не только для историков науки и культуры, культурологов, архитекторов, но и для всех тех, кого привлекают история и архитектура Севера.

На ранней стадии подготовки сборника в редактировании статей принимал участие М. И. Мильчик.

Л. Д. Попова

Часть
первая

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕРУССКИХ СТИЛЕВЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ В АРХИТЕКТУРЕ
АРХАНГЕЛЬСКА XVI — НАЧАЛА XX в.

АРХИТЕКТУРНОЕ наследие указанного периода в Архангельске только начинает изучаться. В настоящей статье архитектура города рассматривается лишь в одном аспекте: нас интересуют особенности использования стилевых приемов в рядовой застройке, поэтому показаны только те из сохранившихся зданий, которые наиболее полно выразили основные стилевые тенденции. В отдельных случаях привлекаются для анализа и утраченные памятники, часто наиболее значительные в художественном отношении, ибо без них невозможно показать эволюцию архитектурного развития города.

Архитектурная история Архангельска начинается с первого его сооружения — деревянной крепости 1583—1584 г., производившей сильное впечатление на иностранцев, прибывавших торговать в северный порт. Крепость представляла собой величественный ансамбль. Ее стены, составленные из срубов — городней, замыкались на четырех углах шатровыми башнями. Кроме того, между ними стояли три наиболее высоких воротных башни со смотровыми вышками — башенками. С трех сторон крепость окружал более низкий острог "на иглах" — вертикально вкопанных бревнах со своими шестью башнями. Перед острогом — ров, по дну которого шел подобный острожным стенам тын. Обруб, укрепивший берег, воспринимался с реки как основание всей крепости. Два яруса шатровых башен, из которых во втором

три воротных выделялись своей высотой, создавали выразительный и хорошо видимый с водных далей Северной Двины силуэт.

Первые церкви в Архангельске также построены в традициях русской деревянной архитектуры. Умело однажды выбранные места оставались неизменными на протяжении более трехсот лет.

В конце XVI — начале XVII в. все церкви, кроме клетских Богоявленской и Пятницкой, были шатровыми, а монастырская Михайло-Архангельская венчала собой великолепную пространственную композицию, ибо была "древяна вверх о девяти верхах", то есть имела девять шатров.

Шатровые церкви Архангельского города, по всей вероятности, имели в своей основе восьмериковый сруб с двумя или более прирубями. Примером такого типа является ныне существующая шатровая Никольская церковь в селе Лявля, построенная в 1584 г. Если эта церковь, стоящая поодаль от берега Северной Двины, все же хорошо видна с реки, то можно представить, какой внушительной выглядела Михайло-Архангельская церковь, девять шатров которой были окружены башенными шатрами крепости и острога.

В основе клетских церквей был прямоугольный сруб — "клеть". Эти церкви имели высокие двускатные кровли. Примером таких храмов может служить Васильевская церковь в селе Чухчерьма на Северной Двине (XVII в. — 1824 г.).

В середине XVII в. при патриархе Никоне строительство шатровых церквей стали запрещать. Так, митрополит Питирим в 1661 г. давал благословение на строительство Владимирской церкви в Архангельске с условием, чтобы "...главы б на оной церкви и на пределах были круглые, а не шатровые, а пределы прирубить к той церкви с сторон особою статью, чтоб вход в пределы были и с паперти, а с церкви б в пределы не было, а олтари велеть делать круглые, тройные..."¹. Шатровые церкви в Архангельске после их запрещения и неоднократных пожаров к концу XVII в. были почти все перестроены. Кроме монастырской

Архангельской и Рождественской, все церкви имели по одной главе, помещенной на бочках, а Успенская, Богоявленская и Преображенский собор были пятиглавыми с "круглыми" тройными алтарями². Шатровая же форма сохранилась на многочисленных колокольнях, срубленных в лучших традициях северного зодчества.

Жилые строения города имели традиционную планировку русской избы. Из записной книги "богаделенного строения" 1710 г. мы узнаем, что казенные и жилые дома строились из круглого леса, перекрывались тесовыми двускатными кровлями — "по курицам и потокам" (курицы еловые, а тес желобленный). Так была построена женская деревянная богадельня, стоявшая около Русского гостиного двора³.

Каменное строительство в Архангельске началось как результат экономического и культурного подъема города во второй половине XVII в. Оно было оригинально и вместе с тем ориентировалось на традиции общерусского градостроительства. Первым каменным сооружением стал грандиозный комплекс Гостиных дворов, включивший в себя и крепость. Он вытянулся вдоль реки на 480 м, и эта протяженность его главного фасада, отвечавшая широте водного пространства, и подчеркнутая повторяемость основных элементов стали главными выразительными чертами его архитектуры. Гладь стен, лишь слегка подчеркнутых скромным декором, контрастировала с дворовыми фасадами. Главный мотив последних — двухъярусная аркада с галереей по второму этажу, глубокие ширинки столбов.

Внешний фасад — неприступность и суровость, выражавшие военно-оборонительный характер сооружения, здесь — защищенность замкнутого пространства, связь с интерьером, богатая игра светотеней отвечали второй функции этого комплекса — торговой. При родственности как самих построек, так и декора архитектуры XVII в. соединение крепости и Гостиных дворов в единый комплекс было новым словом в истории древнерусского зодчества.

Ярким воплощением традиции русского зодчества являлся собор Михайло-Архангельского монастыря, по-

строенный в конце XVII в. Он сооружался по типу московского Успенского собора, о чем прежде всего свидетельствовали близкий к квадрату план, пятиглавие, членение фасада лопатками, выделение цоколя. Это лишь далекий прототип. Скупой декор, превалирование глади стен, простые оконные ниши заставляют вспомнить монастырские храмы XVI в. В то же время отсутствие закомар, наличники, состоящие из полуколонн, перехваченных бусинками, и кокошников с килевидными завершениями, наконец, более богатый декор мощных барабанов заставляют вспомнить архитектурное узорочье каргопольских храмов, возведенных почти в ту же эпоху. Так в первом каменном храме Архангельска переплелись черты общерусской и местной школ каменного зодчества XVII в.

Почти семь лет монастырский собор оставался единственным каменным храмом города. Уже в конце столетия — 1692 г. — стрельцы заложили вместо двух своих деревянных церквей одну каменную, строительство которой растянулось на целых 30 лет: остановка произошла сначала из-за Северной войны, затем из-за запрета каменного строительства в связи с возведением новой столицы. Освящение этой церкви состоялось в 1729 г.⁴ Ее архитектура была ориентирована на деревянные храмы. Достаточно сказать, что это была единственная каменная шатровая церковь Архангельска, имевшая к тому же с трех сторон галерею. В 1746 г. к ней была пристроена двухъярусная колокольня, завершавшаяся шатром. В результате позднейших перестроек Рождественский храм утратил первоначальный облик. Во второй половине XIX в. он представлял собой четверик, окруженный двухэтажной галереей. Завершалась церковь четырехскатной железной кровлей с круглым световым фонарем, покрытым куполом. Мощный междуэтажный пояс, переходящий на апсиду, многопрофильный карниз из зубчиков, лучковые завершения оконных проемов и наличники в виде тонких колонок говорили о том, что неизвестный архитектор использовал мотивы архитектурного декора XVII столетия.

Начало XVIII в. в архитектуре города связано с

*Ил. 1. Кафедральный собор. 1709—1765 гг.
Фото ИАК. П. 92149*

утверждением барокко, несшего черты западноевропейской, в частности — голландской, архитектуры. Для Архангельска, где постоянно жило множество иностранцев, существовала Немецкая слобода, лютеранский и англиканский храмы, было привычным использование

форм и мотивов западноевропейского зодчества. Однако мотивы барокко, ограниченные здесь главным образом декором, встречались в культовой архитектуре Архангельска вплоть до второй половины XVIII в. В этом отношении особое место занимал Троицкий собор (1709—1743 гг.). В его основе — могучий трехсветный четверик на высоком подцерковье, которое благодаря отделяющей его богато профилированной тяге воспринималось как цоколь. Превалирование глади стены, расчлененной слабовыступающими пилястрами, развитый карниз с зубчиками — сухариками и высокие пять световых барабанов, до 1793 г. имевших луковичные главы, заставляют вспомнить архитектуру Михайло-Архангельского собора. Черты барокко можно увидеть в овальных окнах верхнего света и наличниках окон северного и южного фасадов (ил. 1).

В облике остальных каменных церквей, построенных в середине XVIII в., также можно было видеть черты барокко, воспринятые, как правило, через архитектуру Троицкого собора. Примером этого являлась и Успенская церковь (1742—1744 гг.). Она была более призе-

*Ил. 2. Успенская церковь. Мореходное и Техническое училище
(б. сахарный завод).
Почтовая открытка нач. XX в.*

миста по сравнению с собором, и это впечатление усиливала низкая трапезная, соединявшая храм с колокольней. Тонкие колонки наличников и навершия их с характерными "ушами" напоминали о чертах провинциального барокко рубежа XVII—XVIII вв. Колокольня с двумя ярусами звонов (1752—1753 гг.) имела вытянутые пропорции и своим силуэтом напоминала голландские, в то же время отличаясь от них отсутствием шпиля (ил. 2).

Сохранившаяся Троицкая церковь (1742—1745 гг.) повторяет структуру предыдущих храмов и с точки зрения объемно-планировочного решения, и по решению фасадов, на которых присутствовали ставшие почти обязательными для архангельской церковной архитектуры овальные окна третьего света. В то же время она имеет профилированные наличники с "ушами" более строгих начертаний, нежели в предыдущих случаях. Завершалась церковь четырехскатной кровлей, увенчанной главою с восьмиконечным прорезным крестом (ил. 3).

*Ил. 3. Южный фасад Троицкой церкви. 1745 г.
Снят с натуры в 1879 г.
ГААО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 127. Л. 1*

Первый этаж перекрыт сводом. Три проема соединяют храм с алтарем. Белокаменная лестница, устроенная в первом ярусе колокольни, ведет на второй этаж паперти, с которой через арочный же вход попадают в верхнюю трапезную, а тройная арка соединяет трапезную и саму церковь.

Построенная над входом в верхнюю церковь колокольня внизу имеет скромное убранство. Ее четверик подчеркивают угловые пилястры. Базы второго, восьмигранного, яруса выделены ширинками. В третьем ярусе над арочными проемами звонов — многопрофилированный карниз с раскреповками по углам. Таким образом, барочные черты в этом храме выражены слабее, нежели в других, и проявились в усилении роли декора на верхних ярусах и нарастании динамичности, что способствовало созданию выразительного силуэта.

В типологическом отношении городская Архангельская (1742—1743 гг.) и Воскресенская (1699—1715 гг.) церкви продолжали ту же линию, но по своим формам были более строгие. Тем более что после пожара 1793 года они утратили свои барочные детали.

Особое место в культовой архитектуре города занимала Благовещенская церковь (1759—1764 гг.). Большой купол со световым фонарем, покрывавший низкий восьмерик, а также фронтоны северного и южного фасадов говорили о наступлении эпохи классицизма. Появление западной и других пристроек в начале XIX в. во многом скрыло присущие храму черты раннего классицизма.

Влияние западноевропейского барокко сказалось в Лютеранской кирхе, построенной "кораблем", и в архитектуре Евангелической церкви в Соломбале. Особенностью последней были башенки по углам.

Кирха св. Екатерины построена в 1768 г. Архитектура ее была близка к западноевропейским образцам и резко отличалась от современных ей православных храмов города. Здание кирхи представляет собой однефную базилику, выложенную из кирпича, оштукатуренную и частично облицованную белым камнем. Внешний облик храма претерпел большие изменения, так как церкви пришлось пережить четыре пожара⁵. К настоящему вре-

мени барочный декор почти утрачен, сохранилось лишь окно над входом в форме квадрифолия (ил. 4).

*Ил. 4. Кирха св. Екатерины. 1768 г.
Вид с юго-запада. АОКМ. № 3913/3*

Если с конца XVII до середины XVIII в. архитектуру города определяли главным образом культовые сооружения, то с последней четверти XVIII в.— казенные и общественные здания.

Начинается новый этап архитектуры Архангельска, связанный с утверждением классицизма и окончательным формированием системы губернского правления. Первые классицистические строения в Архангельске были возведены в восьмидесятые годы. Это были казенные и частные дома, созданные по типовым столичным образцам.

Одним из первых строений в новом стиле стал возведенный в 1779—1784 гг. архиерейский комплекс. До настоящего времени сохранились лишь один из трех флигелей (1792 г.) и главный корпус (ул. Урицкого, 8), состоящий из архиерейского дома и духовного училища.

Фасад архиерейского дома построен на основе ордера. В нем ясно выделен цоколь, пилястры объединяют два этажа, подчинив себе горизонтальные мотивы, выраженные лишь филёнками между верхними и нижними окнами. В Архангельске подобные здания были редкостью, ибо здесь отдавали предпочтение образцовым проектам, отличавшимся простотой и даже скупостью фасадов. Примером является каменный двухэтажный дом Банковой конторы 1786 г. (наб. Сев. Двины, 79). Каким он был в самый начальный период — трудно сказать. Во время пожара 1793 г. здание сильно пострадало, но ремонт его в 1794 г. был выполнен на основе "образцового" проекта. Фасад не имеет ни пилястр, ни затейливых наличников. Главный фасад лишь выделен незначительным ризалитом, завершённым фронтоном, выполнена рустовка первого этажа.

В стиле раннего классицизма были построены здания Почтовой конторы (1780-е гг.) и Коммерческого банка (1786 г.). Однако же после пожаров в 1847 и 1851 г. их фасады приобрели черты позднего классицизма.

Наиболее распространёнными домами второй половины XVIII в. стали дома с мезонинами. В основном это были казенные дома, строго симметричное построение которых выявлялось с помощью центральных ризалитов.

К числу таких зданий следует отнести прежде всего Присутственные места (позднее Городское училище). В 1936 г. здание соединено с Благородным собранием (наб. Сев. Двины, 82/2).

Середина уличного и дворового фасадов здания подчеркнута ризалитами, которым соответствует двухсторонний мезонин под двускатной крышей. Окна ризалита главного фасада заключены в неглубокие арочные ниши и имеют рамочные наличники с характерными для классицизма сандриками.

Центральные ризалиты главных фасадов подобных зданий часто завершались треугольными фронтонами. Таких домов в Архангельске было довольно много.

Образцами архитектуры зрелого классицизма могут служить здания, перестроенные в конце XVIII в., построенные в начале и даже в третьей четверти XIX в.

В 1780—1790 гг. все здание Гостиных дворов подверглось значительной перестройке в стиле классицизма (ил. 5). В 1789 г. к центральной части пристроена

*Ил. 5. Гостиный двор.
Окружной суд (слева) и портовая таможня.
Почтовая открытка нач. XX в.*

биржа. Арочные проемы (заложенные в XIX в.) фланкировались спаренными тосканскими полуколоннами.

За биржей возвышается восьмигранный ярус башни с полуциркульным архивольтом на широкой грани. Северное крыло имеет на углу многогранную башню, фасады которой расчленены на три яруса. Два нижних обработаны квадратным рустом. Первый прорезан арочными окнами с наличниками. Второй опоясан ложными машикулями с поясом поребрика над ними. Завершается башня впусченной кровлей.

С севера к корпусу Гостиного двора примыкает кирпичный одноэтажный объем винных и соляных складов, декорированный довольно скупо. Проемы с лучковыми и прямыми перемычками заключены в ниши прямоугольной и арочной формы. Венчающий карниз образован двухступенчатым непрофилированным кирпичным поясом.

Важня — одноэтажное кирпичное оштукатуренное здание — расположена в глубине Гостиного двора, в юго-восточной его части.

Центральное ядро здания с восточного фасада выделено небольшим ризалитом на три оси. Оно фланкируется галереями, в прошлом открытыми, украшенными массивными клинчатыми замками. После закладки они превратились в ниши с прямоугольными окнами в них. Венчает стены скромный профилированный карниз.

Дома первой четверти XIX в. выглядели более разнообразными по решению и оформлению фасадов, нежели памятники предыдущей эпохи.

Определяющую роль в композиции фасадов дома губернатора (1819—1821 гг.) и присутственных мест (1821—1825 гг.), например, играли шестиколонные портики (ил. 6). Поднятый на высокий цокольный этаж портик дорического ордера в доме губернатора акцентировал центр главного фасада. Ионический портик в доме присутственных мест выделял парадный вход. А в целом оба здания отличались классической ясностью архитектурных форм, изысканно сдержанным декором.

Одним из лучших частных домов Архангельска, построенных в стиле классицизма, был двухэтажный дом братьев Мерзлютиных. Им завершалась застройка На-

*Ил. 6. Присутственные места.
Почтовая открытка нач. XX в.*

бережной перед Михайло-Архангельским монастырем. И эта градостроительная функция здания была подчеркнута полуротондой, которая как бы замыкала собою один фасад, обращенный к Набережной, и другой, выходящий на перпендикулярную Архиерейскую улицу (ныне ул. Урицкого). Цокольный этаж был выделен с помощью крупного руста и львиных масок на замковых камнях оконных перемычек (ил. 7). В известной мере этот особняк наряду с присутственными местами и домом губернатора являлся эталоном классицизма.

Типичным для зрелого классицизма является сохранившееся здание сахарного завода (наб. Сев. Двины, 112/1), построенного в 1826 г.

Объем его решен в виде замкнутого каре, с большим внутренним двором. Необычен для архангельской архитектуры и главный фасад дома. Почти все его пространство занято сильно выступающим ризалитом — в виде лоджии с массивным портиком во втором и третьем

*Ил. 7. Дом братьев Мерзлютиных.
ГАО. № 0-115*

этажах, обработанным по углам пилястрами, а в центре выделенным колоннами дорического стиля (ил. 2).

В этот период полуподвальные этажи многих зданий обычно были трактованы в виде цоколя и обработаны рустом, как, например, у дома дес Фонтейнес (наб. Сев. Двины, 109). Нередко здания имеют междуэтажный карниз в виде простейшей тяги, большое распространение получил прием заглабления окон в стену, как, например, у нового архиерейского дома (1819 г., наб. Сев. Двины, 23), берущий свое начало в архитектуре предыдущей эпохи. Ниши здесь завершены архивольтами с замковым камнем.

В композиции фасадов определяющую роль играют большие окна второго, парадного, этажа, а в их наличниках сосредоточено основное убранство дома. Дополняет их декор: карнизные, подоконные и надоконные лепные вставки. В единственном случае — в здании Духовной консистории (наб. Сев. Двины, 34) — встречается междуэтажный пояс с меандром.

Встречаются дома и с развитым фасадным декором. Обычно они в центре главного фасада подчеркнуты ризалитом слабого выноса, который на втором этаже выделен пилястрами. Стены опоясаны междуэтажной тягой и завершаются антаблементом.

В Архангельске, как и повсюду в российской провинции, классицизм оказался на редкость живуч и оставался типичным в особняках не только середины, но и второй половины XIX в. В его традициях выстроено большое количество как деревянных, так и каменных особняков, причем тогда, когда этот стиль уже давно сошел со столичной сцены. Эти здания довольно лаконичны и почти лишены декора. Почти единственными их украшениями являются междуэтажные пояса и карнизы несложного профиля, скромные сандрики над окнами второго этажа, как в доме Р. Вайтед (ул. Попова, 2).

Лишь немногие купеческие дома были нарядно декорированы. В доме И. Торопова (пр. Троицкий, 53) окна во втором этаже выделены полуциркульными нишами, над которыми имеется лепной растительный орнамент (ил. 8). Подоконные ниши здесь также украшены расти-

*Ил. 8. Фрагмент западного фасада дома И. Торопова.
Фото Т. Ишениной. 1979 г.*

тельным орнаментом. Междуэтажные карнизы представляют собой лепные фризы в виде круглых розеток, состоящих из повторяющихся растительных мотивов. Венчающий карниз, как и в доме А. Ананьина (Бан-

ковский пер., 3), украшен модульонами и розетками (ил. 9).

*Ил. 9. Дом А. Ананьина.
Фото С. Ярыгина. 1987 г.*

Лепной декор, как видим, встречается на фасадах архангельских домов в системе разных стилей: чаще в классицизме, особенно часто встречается в модерне. Но мотивы лепного декора в Архангельске скупы: маски

над окнами в одном случае, чаще венки, гирлянды, декоративные завитки, карнизные розетки.

Большое распространение получили жилые дома с мезонинами со стороны двора, с главного же фасада центр выделен небольшими ризалитами с аттиками, как, например, у дома Лемяхова (пр. Троицкий, 62).

Внутренняя планировка таких домов по-прежнему имела анфиладный характер, причем в основной части здания поперечные стены соответствуют ризалиту, в котором размещалась самая просторная комната — "зало", а перпендикулярные им выделяют коридор в середине здания. Убранство интерьеров скромное: побеленные голландские печи, изредка отделанные изразцами, филенчатые с застеклением двери, тянутые карнизы, лепные розетки в центре потолков.

Для культовых сооружений первой половины XIX в. характерны слабо выраженные черты классицизма. Так, в Ильинской церкви 1809 г. (ул. Металлистов, Городское кладбище) это арочные окна с нишами в средней части северного и южного фасадов. Стены храма завершает крупная аркатура.

Четверик Всехсвятской церкви (1840—1843 гг.) завершается аттиковым ярусом, восточный фасад апсиды — треугольным фронтоном (ул. Вологодская, Кузнечевское кладбище).

Основной объем церкви св. Мартина 1806 г. (ул. Терехина, Соломбальское кладбище) завершается широким антаблементом, опирающимся на пилястры, а западный фасад первого яруса колокольни украшает фронтон.

Лишь к концу XIX в. классицизм в архитектуре города сменяется эклектикой с ее многообразием внутристилевых направлений. Среди них самостоятельную группу составляют здания, выполненные в "русском" стиле. Это направление поддерживалось и государством, и церковью. Поэтому к нему относятся в основном культовые и общественные здания.

Самым характерным примером интерпретации русского стиля в Архангельске была церковь Всех Скорбящих Божьей Матери (1910 г., не сохранилась). Художественный образ ее определяло исключительное богатство декора-

*Ил. 10. Соловецкое подворье. Фрагмент западного фасада.
Фото Т. Ишениной. 1979 г.*

тивных мотивов, ориентированных на ярославскую архитектуру XVII столетия (ил. на шмуцтитуле).

При строительстве церковей Введенской (1905 г., архитектор Г. К. Иванов, не сохранилась), Иоанна Рыльского (1896 г., не сохранилась) и домовых церковей Соловецкого подворья (1900 г.), Николо-Корельского подворья (1904 г.)

специфическими формами, придающими "национальный" характер, стали шатрообразные формы.

Домовая церковь Соловецкого подворья имела три главы с барабанами, окруженными кокошниками, колокольню с шатровым завершением, как и у Никольской церкви. До нашего времени у последней шатровая колокольня не дошла. Окна второго этажа домово́й церкви с развитыми наличниками выполнены в традициях русской архитектуры, как и верхний ярус самой церкви (ил. 10).

Конкретным прототипом для церкви Николая Чудотворца на подворье Николо-Корельского монастыря (1904 г., архитектор Н. А. Каретников) послужила Знаменская церковь — характерный памятник "ярославского узорочья"⁶. Храм мыслился его создателями как часть древнего ансамбля и благодаря своей приземистости хорошо вписался в уличную застройку. Компактный объем его выделен в центре ризалитом с тройным арочным окном, завершенным шипцовым фронтоном. Окна церкви обрамляют трехчетвертные колонки с базами и капителями. Особую нарядность придают цветные детали: архивольты окон украшены зубчатым орнаментом, фриз из греческих крестов, выполненных в виде нишек, аркатурный пояс и венчающий карниз из сухариков (ил. 11).

*Ил. 11. Церковь Николо-Корельского подворья. 1904 г.
Фото 1980-х г.*

В богато декорированной Кузнечевской богадельне (ул. Суворова, 35б), построенной архитектором Г. К. Ивановым в 1905—1906 гг., элементы русского стиля более выражены в пятиглавой церкви: лопатки с ширинками, арочные окна, граненый купол слегка напоминает кубоватые покрытия. В фасадах самой богадельни основным стал руст⁷ (ил. 12).

*Ил. 12. Церковь Кузнечевской богадельни. 1905—1906 гг.
Фото Ю. Г. Поршнева*

В русско-византийском стиле построено подворье Сурского Иоанна Богословского монастыря (наб. Сев. Двины, 47). В 1905 г. проект этого здания, разработанный архитектором Ермолиным, был одобрен Иоанном Кронштадтским, основавшим перед тем монастырь на своей родине — в Суре на Пинеге.

Подворье с архитектурной и градостроительной точек зрения оказалось лучшим зданием Архангельска начала XX в. Классицистический прием выделения средней части в виде ризалита, рустованного по углам, архитектор соединил с тремя повышенными закомара-

ми, характерными для домонгольской архитектуры Древней Руси, и тремя главами, имеющими в основе два яруса кокошников — черта, характерная для архитектуры XV—XVI веков (ил. 13).

*Ил. 13. Сурское подворье. 1907 г.
Почтовая открытка нач. XX в.*

В фасадах духовной семинарии (пр. Ломоносова, 4), построенной в 1908—1910 гг. архитектором А. Андросовым, использованы мотивы новгородско-псковской архитектуры. Домовая церковь во имя Иоанна Богослова с тремя главками и трехпролетной звонницей выявляла ось симметрии (не сохранились). Поясок из бегунца отделяет первый этаж, окна которого расположены в нишах, как бы указывающих на значительную толщину стен.

Декор здания железнодорожного вокзала (ул. Исакогорская, 24) дополнен плоскими нишами с трехлопастным и двухлопастным завершением, форма которых заимствована из церковной архитектуры древнего Новгорода. Орнамент в виде бегунца проходит под карнизами обоих выступов, средние ниши также украшены бегунцом.

Среди общественных зданий этой поры особенно был примечателен Народный дом в Соломбале, создан-

ный по проекту А. Каретникова в 1911—1912 гг. с использованием приемов деревянного зодчества (не сохранился).

Фасады Ольгинской гимназии (наб. Сев. Двины, 123), построенной в 1914 г. по проекту инженера Л. Шишко, и Макаровских бань (наб. Сев. Двины, 62), построенных в 1900—1904 гг. по проекту инженера В. А. Никитина, выполнены с ориентацией на средневековые прототипы. Угловые аттики гимназии увенчаны щипцовыми завершениями, в поле щипцов — накладные круги. В парапетных аттиках бань использованы стрельчатые арки с колокольцами, спускающиеся ступенями накладки, фигурные кронштейны, башнеобразные завершения.

Таким образом, русский стиль, получивший, как видим, широкое распространение в Архангельске, отвечал его древности, отчасти восполняя отсутствие храмов ранней поры существования города.

Рационалистическое направление эклектики проявилось в так называемом кирпичном стиле, который в Архангельске наиболее полно выражен в промышленной и складской архитектуре.

Воплощением принципов архитектурного рационализма является старый корпус пивоваренного завода А. Суркова (ул. Попова, 3). Его композицию определяют пристроенные в 1883—1913 гг. друг к другу ступенчато возвышающиеся объемы, соответствующие различным промышленным процессам. Фасад, выходящий на улицу Попова, расчленен пилястрами, как бы поддерживающими простой ступенчатый карниз. Несмотря на это, выделен угловой объем, решенный в виде башни под двускатной крышей, который завершается круглой кирпичной трубой. Особенно выразительным стал речной фасад, где в 1891 г. по проекту А. Вахрушева был пристроен корпус с ветряным двигателем.

Аналогичный декор встречается на многих зданиях города, построенных в кирпичном стиле, он был характерен и для ряда складских корпусов.

Главное здание казенных винных складов (наб. Сев. Двины, 120) имеет развитую объемно-пространственную композицию и более интенсивный фасадный декор, в

котором преобладают горизонтальные членения: карниз со ступенчатыми сухариками, пояс с мотивами городков и поребрика. Выступающие объемы северного ризалита, лестничных клеток и аттикового яруса завершены аркатурой. В аттиковом ярусе аркатура имеет вид машикулей (ил. 14). Сам же ярус имеет аналогию башнеобразных объемов. Раньше он в средней части еще завершался полукруглым щипцом. Накладки на углах его дополнены нишами в виде латинских крестов, как и в двухэтажном доме, что стоит на Троицком пр., 135. Стены последнего покрыты сплошным ковром декоративной кладки, как и пояски с карнизами и венчающий карниз.

*Ил. 14. Казенные винные склады. Фрагмент юго-западного фасада.
Фото И. Дейнеко. 1991 г.*

Другое направление эклектики — неоклассицизм — также встречается в архитектуре Архангельска. Примерами могут служить корпус Приказа Общества Призрения (ул. Суворова, 3), вытянувшийся вдоль улицы, и Русский банк (ул. К. Либкнехта, 4). Фасады больничного корпуса симметричны. Первый этаж имеет руст с выделением клинчатой перемычки. В композицию

главного фасада вертикальные акценты вносят пилястры, поддерживающие развитый междуэтажный карниз.

Русский банк, построенный по проекту инженера Э. Гензеля в 1900—1904 гг., имеет довольно сложную композицию плана, в основе которой лежит Т-образная форма. В объемной композиции доминирует главный одноэтажный корпус, часть которого утрачена. Восточное крыло — разноэтажное. Его меньшая южная часть понижена и имеет округленные углы.

Фасады имеют четкие горизонтальные членения: подоконный и междуэтажный карнизы, тяги. Стены одноэтажной части членят лопатки, которые ограничивают ниши вокруг окон. Арочные окна в западной части здания завершены архивольтами. Под окнами — "фартуки".

В формах неоклассицизма строились и деревянные дома. Примером тому могут служить дома М. З. Ишмятова (ул. Свободы, 55) и И. В. Прокопьева (пр. Советских космонавтов, 100). Их крайне скромный декор по-прежнему использует традиции классицизма.

Два других дома, близкие к названным в стилевом отношении, тяготеют к псевдобарокко. Это каменные дома Н. Буторова (ул. Поморская, 10) и Е. Плотниковой (ул. Поморская, 1). Богатым эклектическим декором с мотивами барокко обладает дом по пр. Чумбарова-Лучинского, 30. Его наличники по четырем углам имеют "уши". Снизу и сверху — накладки брильянтового руста и резные доски, сверху — двойной сандрик и вазы по сторонам (ил. 15).

В нарядном архитектурном облике Коммерческого собрания (ныне находится на пр. Чумбарова-Лучинского, 62) сочетаются мотивы барокко и ренессанса, переосмысленные в духе эклектики. Активно декорированы главный и боковые фасады. Их объединяют горизонтальные членения: широкий подоконный пояс первого этажа с имитацией кирпичной кладки, подоконный пояс второго этажа из квадратов брильянтового руста; венчающий карниз выноса и резная парапетная решетка с круглыми отверстиями. Каннелированные пилястры отмечают углы здания и членят креповку на три части. Особо декорирована креповка главного фасада. Окна первого этажа здесь арочные в наличниках с вимпергом и фиалами; окна вто-

*Ил. 15. Дом Ф. Антонова. 1884—1890 гг.
Фото И. Деинко. 1992 г.*

рого — круглые маленькие в многорядной рамке с накладками — перехватами по осям. Это здание является для города редким образцом общественного сооружения (ил. 16).

*Ил. 16. Коммерческое собрание. Сер. XIX—1910 г.
ГААО. № 2-1113*

Типичным образцом, в значительной степени тяготевающим к постклассицизму, являются Андреевская богадельня (пр. Ломоносова, 60), многие общественные здания — как каменные, так и деревянные. Среди деревянных домов — дом А. Плюснина (пр. Ломоносова, 86), дом И. Киселева (ул. Правды, 7), а также дом Н. Калинина (ул. Поморская, 35) и основная масса деревянных домов (ил. 17).

*Ил. 17. Дом Н. Калинина. 1911 г.
Фото Ю. Г. Поршнева*

Встречаются дома, структурой своих фасадов явно ориентированные на классицизм, но в декоре при этом господствует эклектика. Таким представляется обильно декорированный каменный торговый дом братьев Макаровых в Соломбале (ул. Левачева, 56), двухэтажный дом в Театральном пер., 7, здание восстановительной лечебницы (пр. Чумбарова-Лучинского, 38). Из деревянных особняков примечательны дома А. Суркова (ул. Попова, 1), А. Чудинова (пр. Чумбарова-Лучинского, 54), известного архангельского фотографа Я. Лейцингера (пр. Чумбарова-Лучинского, 59). Последний отличался тем, что вместо мансарды имел фотографическое ателье со сплошным остеклением вдоль всего фасада.

Причудливое соединение модерна с чертами эклектики находим в домах Общины Красного Креста (дом не сохранился), заимствованных из так называемого русско-византийского стиля, А. Беляевского (наб. Сев. Двины, 35), объемная композиция которого усложнена угловым эркером и мезонином, выходящим во двор (ил. 18). Готический мотив стрельчатых окон возникает в доме Н. Шарвина (ул. Логинова, 9).

*Ил. 18. Дом А. Беляевского. Конец XIX—нач. XX в.
Фото С. Ярыгина. 1987 г.*

Основная масса деревянной архитектуры в той или иной степени испытывала влияние классицизма и эклектики. Обшитые тесом фасады нередко имитировали руст, например, ленточный в доме А. И. Алферова

(пр. Новгородский, 130), а также профилированные пилястры, карнизы с сухариками, классицистические наличники, горизонтальные тяги, треугольные фронтоны с полуциркульным окном.

Наиболее распространенными были дома, построенные на основе местных архитектурно-планировочных приемов. Это обычно были дома на высоком подклете, необходимость которого диктовалась суровым климатом, с пристроенным к основному объему крыльцом с волнообразной формой кровли.

Модерн, возникший в России в конце XIX в., в Архангельске появился лишь в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Не прекращалось строительство зданий в этом стиле во время войны. Это были здания, ориентированные на строго рационалистическое направление. Исключением стали два здания, построенные по проектам инженера С. А. Печа. Торговый дом в Соломбале (ул. Терехина, 3), построенный в 1914 году, является одним из наиболее выразительных зданий в стиле модерн в Архангельске. При общей сдержанности наружного убранства здание выглядит

*Ил. 19. Фрагмент главного фасада Торгового дома Макаровых.
Фото 1980-х гг.*

оригинальным. Благодаря трем лучковым парапетным аттикам сложным кажется весь фасад здания. В центре главного фасада расположен арочный проем главного входа. Некоторую асимметрию зданию придает полукруглый эркер второго и третьего этажей на западном ризалите. Оригинален растительный орнамент, выложенный в штукатурном намете. Он имеет характерные для модерна плавные изысканные линии, расположен над окнами третьего этажа (ил. 19).

Более причудливо здание Константиновского приюта ул. Терехина, 19. Композиция его асимметрична благодаря угловой башенке и размещению в ней входа. Этой башенке с другой стороны фасада отвечает ризалит, насыщенный лепным декором также с растительным орнаментом. Во фризе междуэтажного карниза помещены рельефные кольца, проходящие по оси междуоконных проемов. Поверхности стен обработаны под "шубу" (ил. 20).

*Ил. 20. Константиновский приют. 1914 г.
Фото 1990-х гг.*

Деревянное здание Я. Беляевского, построенное также по проекту С. А. Пеца, достаточно сложно: оно крестообразно в плане, угол фиксирует башенка, крыльцо

имеет самостоятельный объем, насыщен декором уличный фасад, на котором сочетается резная обшивка и открытый сруб. В нем явно использованы приемы загородных петербургских особняков, отвечавшие тогдашним вкусам художественной интеллигенции. Здесь удивительно соединялись приемы русского деревянного зодчества с формами модерна и традиционной скандинавской архитектуры (ил. 21).

*Ил. 21. Дом Я. Беляевского.
Почтовая открытка нач. XX в.*

Корпус Приказа Общественного Призрения (угол ул. Суворова и Троицкого пр.) являет собой пример использования некоторых приемов рационалистического модерна. Высокая мансардная кровля вызывает неожиданные ассоциации с эпохой петровского барокко. Угол акцентирован большими окнами с лучковыми перемычками. Асимметрию в композицию фасадов вносит эркер с окном на всю его высоту. Удачным является сочетание этого каменного корпуса с одноэтажными деревянными крыльями, примыкающими к нему соответственно по ул. Суворова и Троицкому пр.

Более сложна композиция жилого дома Ф. Антонова (пр. Чумбарова-Лучинского, 32), где сочетаются трех- и двухэтажные объемы. Фасады украшают балконы. Широкие окна имеют сложные переплеты. Здесь можно увидеть первые черты новой архитектурной эпохи — конструктивизма.

Деревянные дома в стиле модерна, как уже отмечено, отличаются тонкой пластикой фасадов, изящным декором, растительными орнаментами металлических решеток. Это свидетельствует о высоком мастерстве как архитекторов, так и строителей. К таким зданиям относятся не только особняки, но и доходные дома. Например, жилой дом наследников В. Черепанова (пр. Ломоносова, 167) над входным проемом имеет мощный эркер с аттиком. В решении главного фасада известную роль играют широкие окна с криволинейным обрамлением, а также входные двери с характерной для модерна пластичностью линий. Над входным проемом дома С. В. Овчинникова (ул. Воскресенская, 37) нависает эркер в два яруса со скошенными углами, завершенный шипцом и четырехгранной башенкой, гребень которой украшает кованая решетка. Оштукатуренный дом И. С. Ульяновского (Троицкий пр., 14) с главного фасада выделен эркером, а бокового — балконом.

Функциональный модерн представлен в архитектуре Архангельска варочным цехом пивоваренного завода. В нем использованы пилястры из железобетона с типичным для архангельского модерна рисунком капителей, поддерживающих дверную железобетонную же перемычку. Такими же перемычками попарно перекрыты оконные проемы полуподвального этажа. Главный фасад венчает массивная кирпичная балюстрада.

Образцом небольшого промышленного здания, выполненного также в формах функциональной архитектуры с чертами модерна в объемной композиции и декоре, является трамвайная подстанция (ул. Суворова, 13). Здание состоит из двух частей: одноэтажной северной и двухэтажной южной. Одноэтажная часть больше по размеру и перекрыта двускатной кровлей. Двухэтажная часть имеет трапецевидный план, слегка выступающий

на третьем фасаде, перекрыта нарочито высокой вальмовой кровлей.

Обе части на разных уровнях опоясаны лентами, связанными с такими же тонкими лопатками. Живописность зданию придают окна разных пропорций и размеров с перемычкой лучкового подъема. Самые большие окна в машинном отделении. Арочный дверной проем, обращенный к улице Суворова, имеет люнет с характерным для модерна лепестковым остеклением.

Для построенных в начале XX века храмов разных конфессий характерно использование архитектурных мотивов прошлого. Деревянный польский костел на главном фасаде имел башни с высоким щипцом (ил. 22),

*Ил. 22. Католическая церковь. 1896 г.
Почтовая открытка нач. XX в.*

сохранившаяся англиканская церковь в Соломбале вызывает ассоциации с готическими постройками, мечеть венчал уплощенный купол с полумесяцем (ил. 23).

Подводя итог, можно утверждать, что архитектура Архангельска развивалась в русле общерусской традиции, широко используя приемы и мотивы сменявшихся

*Ил. 23. Магометанская мечеть.
Почтовая открытка нач. XX в.*

в ней стилей. К сожалению, большинство памятников, придававших городу оригинальный облик, погибли, но и сохранившиеся здания все же дают представление об архитектурном своеобразии города, заключавшемся в широком применении образцовых проектов вплоть до второй половины XIX века и в относительно свободной интерпретации общерусских стилевых приемов прежде всего в деревянных домах, которые численно преобладали в Архангельске еще в начале нашего столетия.

Примечания

¹ Архив СПб ИРИ РАН. Колл. 12. Д. 21. Л. 1.

² Сибирцев И. М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. Архангельск, 1894. С. 32.

³ Архив СПб ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 119. Л. 13—14.

⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 36. Д. 27. Л. 7.

⁵ Попова Л. Д. Архитектурные памятники Немецкой слободы XVIII—XIX веков в Архангельске // Исторические связи русского Севера и Норвегии. Архангельск, 1989. С. 165—166.

⁶ К 50-летию священнослужения святой церкви христовой Иоанникия, епископа бывшего Архангельского. Сергиев Посад, 1914. С. 20.

⁷ Попова Л. Д. Построил купец богадельню [О Кузнеческой богадельне] // Архангельск. 26 мая 1992. С. 6.

ДВА ДОКУМЕНТА ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКА

СВЕДЕНИЙ об облике Архангельского города в первые десятилетия его существования сохранилось немного. Отдельные упоминания содержатся в записках иностранцев, в частности, французского купца Ж. Соважа. В своем сочинении о северном морском пути в Россию в 1586 г. он высоко оценивает новопостроенную крепость¹.

Более подробно облик "города" раскрывается в писцовой книге М. Вельяминова 1622—1624 гг.². Это описание исследователи Русского Севера обычно приводили как характеристику первоначального облика Архангельска. Однако публикуемая нами "память" — грамота двинского воеводы И. В. Милюкова игумену Кривецкого монастыря Мисаилу от 15 декабря 1597 г. позволяет сделать несколько иные выводы.

Ее текст представляет собой распоряжение двинского воеводы И. В. Милюкова и подьячего Безсона Ильина игумену Кривецкого монастыря Мисаилу, основанное на тексте грамоты царя Федора Ивановича. Согласно царскому указу предстояло местами отремонтировать кровлю на крепостных стенах, ибо прошло уже 11 лет с момента их возведения. Сами же стены предполагалось обмазать глиной, чтобы уменьшить вероятность возникновения пожара³. Впервые планировалось соорудить тайный подземный ход из крепости от водяных Покровских ворот к Двине. Наконец, также впервые надлежало

возвести из бревен обруб для укрепления берега реки. К проведению ремонтных и новых строительных работ привлекались крестьяне всей Двинской земли, Кеврольского и Мезенского станов. Они должны были заготовить 4,5 тыс. бревен указанного в грамоте размера, главным образом для устройства обруба, и отправить в Архангельский город 150 человек "с топоры, и з заступы, и с кирками, и с лошадьми".

Участие в этих работах должны были принять также крестьяне Кривецкого и других монастырей. Распоряжение двинского воеводы, как явствует из текста грамоты, следовало выполнить незамедлительно. В противном случае ослушников ждала царская опала.

Таким образом, грамота 1597 г. уточняет время постройки обруба и тайника, ведущего к реке. Следовательно, можно считать, что только в следующем году было окончательно завершено строительство крепости, а ее внешний облик в первые годы существования не вполне соответствовал описанию, данному Мироном Вельяминовым в 1620-е гг.

Если история Архангельска начала XVII в. сравнительно хорошо документирована, то середина этого века в опубликованных материалах отражена крайне слабо. Вот почему описание ("роспись") церковного имущества Воскресенской церкви и близлежащих дворов Архангельска 1643 г. представляет особый интерес.

История появления этого документа достаточно любопытна. В 1640 г. игуменом Антониево-Сийского монастыря вместо Киприяна стал Игнатий⁴. По указу царя Михаила Федоровича в монастыре была проведена проверка состояния казны и имущества. Проводившие ее "счетчики Иван Косицын с товарищи" обнаружили несоответствие между доходами и расходами монастыря. С игумена Киприяна и его братии потребовали возмещения образовавшегося долга ("начетных денег"). Киприян, в свою очередь, предложил передать монастырю доход от церкви Воскресения Христова в Архангельске, который ранее, по всей вероятности, поступал ему, а также "отдать в платеж" в монастырь "дворы и лавки", коими владели в Архангельске его дети.

Для описания всего строения, передаваемого Киприяном монастырю, в Архангельск выехал стрелецкий сотник Иван Котлупин. Через два дня он вернулся в Холмогоры и представил стольнику и воеводе Хованскому И. Н. роспись внутреннего убранства придела Усекновения честной главы Ивана Предтечи при Воскресенской церкви. Ключей от самой церкви ему "игумена Киприана дети не дали, и дворов, и лавок не отвели". Новый игумен Игнатий срочно выехал в Архангельск. Вскоре последовал новый указ царя, по которому для повторной и окончательной описи строений, переходящих к Антониево-Сийскому монастырю, был послан подьячий Калина Бурнашев⁵. Итогом его поездки стал документ, который и предлагается вниманию читателей.

В первой части "описи" подробно перечислена утварь церкви и ее придела, описано внутреннее убранство. Отдельные пояснения помогают более зримо представить церковный интерьер. Обращает на себя внимание трижды встречающаяся в грамоте формула: церковь, "что ставил игумен Киприан". Более подробно она зафиксирована в списке с наказной грамоты воеводы И. Н. Хованского: "А у того де игумена Киприана у Архангельского города строена церковь Воскресение Христово, и как он был в Сийском монастыре игуменом, и в те ж поры к той же церкви строил придел Усекновения честныя главы Иванна Предотечи"⁶. Следует заметить, что впервые упоминание о Воскресенской церкви в Архангельске содержится в переписной книге Мирона Вельяминова 1622—1624 гг., где сказано, что церковь Воскресения Христова "древяна вверх"⁷. В публикуемой грамоте Воскресенская церковь "древяна клетки... с приделом, верх шатровой", т. е. архитектура последней отличалась от описанной Вельяминовым. Вероятно, первая церковь сгорела при пожаре 1636 г., и под руководством Киприана была поставлена новая, теперь клетская, завершение же ее придела стало шатровым. Кроме того, рядом с церковью была срублена колокольня, под которой находилась лавка (вероятно, до пожара колокольни не было). Время постройки — между 1637 и 1640 гг.⁸

Вторая часть "описи" не менее ценна, чем первая.

Благодаря усердию подьячего Калины Бурнашева. мы узнаем состав комплекса дворовых построек, принадлежавших архангелогородским священникам и таможенному подьячему.

Таковы самые первые, самые общие впечатления от публикуемого документа. Тщательное изучение его, несомненно, даст новую информацию историкам Архангельска.

Примечания

¹ Соваж Ж. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа в 1586 году // Русский вестник. 1841. Т. 1. Ч. 1. С. 228.

² РГАДА. Ф. 1209, Оп. 1. Ч. 1. Кн. 9, 1622—1624 гг. Л. 1—4.— Текст опубликован С. Ф. Огородниковым с неточностями (Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. Т. ССXXXIII. № 9. С. 115—116), на что справедливо обратил внимание О. В. Овсянников (Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971. С. 23).

³ Об этом приеме см. подробнее: Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X—XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1961. С. 140.

⁴ В списке с наказной грамоты воеводы И. Н. Хованского от 31 декабря 1642 г. сказано: "бывший игумен Киприян и старцы ж, которые по сие время начетных денег ничево не плачевали, стоят на правеже" (Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Картон 16. Д. 127). Однако священник В. Петровский, ссылаясь на царский указ от 29 января 1641 г. о переписи всего монастырского имущества, утверждал, что в 1640 г. Киприан умер (См.: Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск. 1902. С. 119). Между тем в этой грамоте царя Михаила Федоровича читаем: "...а ныне вы того игумена считали и по сыску, и по счету на нем правит[и] монастырские казны начетные денги, и вперед де им тот игумен Киприян за ево безчинство негоден" (Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Картон 16. Д. 8). Следовательно, опись имущества проводилась в связи со сменой игумена, а не его смертью.

⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Картон 16. Д. 127. Ст. 1—2.

⁶ Там же. Ст. 1—2.

⁷ Цит. по: Сибирцев И. М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта города Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. Архангельск, 1894. С. 7. Опираясь на эту запись в книге Вельяминова, священник М. И. Попов утверждал, что Воскресенский приход был образован вскоре после основания города. (См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1. С. 42).

⁸ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Картон 16. Д. 8. Ст. 1. По данным П. М. Строева, Киприан упоминался в 1638, 1640, 1642 и 1643 гг. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Спб., 1877. Стлб. 820).

* * *

1. 1597 г., декабря 15.— Память двинского воеводы Ивана Васильевича Милюкова Игумену Кривецкого монастыря Мисаилу о присылке плотников, лошадей и бревен для постройки города в Архангельске.

ст. 1 Лета 7106-го декабря в 15 день по государеве цареве и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии грамоте и по приказу Ивана Васильевича Мелюкова да Безсона Ильина память Кривецкого монастыря игумену Мисаилу.

Прислана государева царева и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии грамота к Розгильдею Григорьевичю Любученинову да к Киру Офонасьеву за приписью государева дьяка Посника Дмитреева. И по той государеве грамоте велено Архангилский город поглотити и обруб городовой, и тайник взделати, и на городе кровля худые места поновити, и наново укрепити накрепко всею Двинскою землею и Кеврольским, и Мезенским станом.

И довелось на всю Двинскую землю, опроче Кевролы и Мезени, по розводу полпята тысячи бревен, половину бревен по пяти сажен бревно, а другую половину по

четыре сажени бревно, а в тонком бы конце всякое бревно было по полторы пяде. Да сто пятьдесят человек плотников и посошных людей, которым город глинить и обруб, и тайник делати и с топором, и з заступы, и с кирками, и с лошадми, и со всякою посошною снастью.

И ис того розводу довелоя на ваши монастырские на черные сошки сорок девять бревен без трети да посошных людей и плотников (сст. 2) с Корельского // и с Архангельского, и с Росткина, и с Кривецкого монастырей съ их сошек всего шесть человек без чети да с тех же монастырей съ их сошек четыре лошади без полутрети.

И вы бы однолично безо всякого переводу на весну с первою крою нынешняго 106-го году бревна и плотников, и посошных людей с топоры и з заступы, и с кирками, и с лошадми прислали в Архангельский город з бревны вместе незамедлив. И приставов бы ис прогонов в том по собя не дожыдалися. А будет на весну с первою крою нынешняго 106-го году бревен и плотников, и посошных людей с лошадми и со всякою посошною снастью в Архангилской город не пришлете, и что в вашем ослушанье городской поделке будет поруха и непоспешенье, и вам быти от государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии в опале.

К сей памяти Иван Васильевич Мелюков печать свою приложил.

Скрепа: Ильин Безсон. (Последнее слово на обороте по склейке сставов).

Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 5 (Антониев Сийский монастырь). Оп. 1, Д. 931. Подлинник, на 2 сставах. К грамоте приложена желтовосковая печать, изображение стерто. Скоропись, сохранность хорошая. Водяной знак по обрезу — верхняя часть Одноручного кувшинчика с розеткой на крышке.

II. 1643 г., января 3.— Опись имущества церкви Воскресения Христова в Архангельске и церковных домов и лавок.

сст. 1 Лета 7151-го генваря в 3 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по памяти за печатью столника и воеводы

князя Ивана Никитича Хованского, за приписью дьяка^а Ивана Ломакина съезжей избы подьячему Калина Бурнашеву приехав к Архангелскому городу, взяв с собою в понятия спасского попа Федора Семенова, да дьякона Иякова Козмина, да николского попа Прокопья Федотова, да Архангелского города посадцких людей Онфимка Городчикова, Конанка Жукова, Ивашка Воронина, Микифорка Боранова, Посничка Хайбутова, да Архангилсково ж города Иванова приказу Дементьевича Образцова пятидесятников стрелецких Архипка Буянова, Ефремка Сидорова, Дружинку Валнева, Федку Григорьева, Курбатка Терентьева, Фадейка Ондреева, да десятников Филку Лукина, Ивашка Понкратова, Богдашка Иванова Важенина.

И с теми людми, взяв Сийского монастыря бывшего игумена Киприяна у детей ево у воскресенского^б у вдового^б попа у Дмитрея да у попа Июды Козминых церкви Воскресения Христова ключи, (сст. 2) и пере//писали в церквах Воскресения Христова и Усекновения честныя главы Иванна Предтечи, что строил игумен Киприян, божие милосердие образы и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строение, и ево игумена Киприяна детей дворы и лавк[и].^в А, переписав с теми понятами людми тое церкви, что ставил игумен Киприян, всякое церковное строение, и тех церквей доход велел збирать Сийского монастыря игумену Игнатью да казначею старцу Феодосию з братиею, а дворы и лавки игумена Киприяна детей воскресенских попа Дмитрея, да попа Июды, да дьякона Григорья, да таможенного подьячего Юрья Козмина отписал и отдал в платеж за начетные денги в Сийской же монастырь ему ж игумену Игнатию да казначею старцу Феодосию^г з братиею^г. А что в тех церквах, что ставил игумен Киприян, Божия милосердия образов и книг, и колоколов, и всякого церковного строения переписано, и что их игуменовых детей дворов и во дворе хоромов, и лавок в Сийской монастырь игумену Игнатию з братиею за начетные денги отдано в платеж и тому роспись.

У Архангелского города по нижнюю сторону к гостиным двором, что ставил бывшей игумен Киприян

церковь деревяна клетки Воскресение Христово с приделом, верх шатровой.

А в церкви образ местной Воскресение Христово, оклад серебряной басмленной золочен, венцы резные золочены ж, у Спасова венца в середине четыре ставочки змазенки.

Свеща местная подставная восковая, а на ней травы навожены ^д-цветными воски, ^д-насвечник ветх железа белого.

сст. 3 Врата царские, и столпцы, и сенью писаны // на золоте. Образ Милосердие Спасово на золоте. А у того Спасова образа да у Пречистые Богородицы два венца серебряные басмленные золочены.

Меж враты царскими и северными образ Пречистыя Богородица пядница Неопалимые Купины на золоте.

Северных врат нету.

Образ Пречистыя Богородица Одигитрие на золоте. Перед образом свеща деревяная^с- писана^с на красках.

Образ праведных Прокопия и Иванны Устюжских на краске.

Образ Спасов и крест Привожение х крестному целованию на золоте.

Образ Страстотерпца Христова Георгия в деянии, венец серебряной басмленной. Писан на золоте.

В тябле деисус на 21 дцки с праздники и с пророки на золоте. Праотцы на 21 дцки на красках. Створы киотные, на них писаны Дмитрией Солунский да Георгий Страстотерпец на празелени. Во главе образ Спасов Нерукотворенный на золоте.

На хоругви образ Спасов Нерукотворенный, а на другой стороне образ Богоявления Господня на золоте.

Перед деисусом паликадило и медное ветхо о трех дугах весом по смете гривенки с три.

сст. 4 В олтаре за престолом крест да образ // Пречистые Богородица на золоте.

Сосудов служебных: потир да дискос, два блюда да лжица оловянные, звезда меденая, копье железное.

На престоле крест Воздвизалной на золоте.

В паперте над западными дверми деисус на одной дцке на празелени.

Да книг: книга Евангелие на престолнее писмяное в десть, поволочено крашениною, евангелисты медные басмленные; книга Апостол печать литовская в десть; две книги Охтаи писмяные в десть; книга Каноник писмяной в полдесть; книга Минея общая писмяная в полдесть. А ныне те книги для пения снесены в теплую церковь Великомученицы Парасковгии.

Во пределе Усекновения честныя главы Иванна Предтечи:

Образ местной Усекновения честныя главы Иванна Предтечи в деянии, венцы серебряные резные золочены, писан на золоте.

Свеща подставная местная деревяная, писана на красках, насвечник железа белого.

сст. 5 Пелена бархат багровой травчатой, крест шит серебром, по сторонам обложена киндяком черчатым. //

Врата царьские с сенью и столпцы, писаны на золоте.

Образ Пречистые Богородица Одегитрие меж врат на золоте.

Деисус с праздники и пророки на 7 дцках на золоте.

Во главе образ Спасов Нерукотворенный на золоте.

Двери северные. А на них написан Преподобный Архип пономарь на красках³.

Образ Николы Чюдотворца Можайского резной в деянии⁴ в киоте⁵.

В олtare образ Пречистые Богородица Одегитрие за престолом на краске.

Сосудов служебных: потир на дискос, да два блюда оловянные.

А ризные казны поп Дмитрией да поп Июда Козмины дети ничево у себя не сказали и у переписи ничево не объявили.

У тех же церквей колокольня на столбах, верх шатровой. На колокольне 2 колокола весом по скаске попов Дмитрея да Июды 10 пуд, (сст. 6) 2 колокола зазвонные весом по смете пуды з два.//

Да отдано в платеж игумену Игнатию з братиею за нечетные денги по переписи:

Под колоколнею лавка рубленая на два лица.

Против государевых хлебных анбаров подле дорогу лавка рубленая за збором.

У теплые церкви у Великомученицы Парасковгие под папертью две лавки да чюлан.

У таможни против руского гостина двора на берегу на взрубe 2 лавки на одном окладе.

Да место лавочное, да 2 погребa, да 2 лавок места продали вологжанину Мартемьяну Константинову поп Дмитрией да Июда Козмины, и на тех лавочных местах поставлен вново анбар тесовой рублен.

У Архангелсково ж города дворы игумена Киприяна детей.

С верхнюю сторону конец Затинной слободы против города двор попа Июды Козмина, а в нем хоромов: горенка на подпольи с сенцами, клеть рублена на подклете с сенми тесовыми, хлевишко да стаишко скотное.

В межах тот двор с верхнюю сторону з двором Данилка Власова Коптякова, а с нижнюю сторону двор дьякона Григоря Дмитриева, а в нем хоромов: изба, подклеть без горницы. Против избы сени горничные тесовые с подволокою, в сенех 2 чюлана. Под сенми 2 подклета, за сенми горенка теплая с сенцы на хлеве, да клеточка, да избушка с сенцы холодная в огороде.

В межах тот двор с верхнюю сторону з двором попа Июды, а с нижнюю сторону двор попа Дмитрея Козмина, в нем хоромов: изба на анбаре с сенми, сени с подволокою, в сенех 2 чюлана, под сенми 2 подклета, конюшня и сарай рублены. Позади двора частокол. В частоколе мылня. Ворота с кровлею. На воротех 3 чюлана тесовые. Подле тот двор улица проходяя к государевы пивной поварни и х кузницам на Мох.

В той же улицы против Воскресения Христова двор игуменова сына таможенного подьячего Юрья Козмина, а в нем хоромов: горница на анбаре белая с переградую, против избы сени на 2 подклетех, в сенях подволока, 2 чюлана, ворота. По другую сторону ворот ево ж Юрьева изба черная, против избы клеть да сени да хлевишко. Позади двора в частоколе мылня с сенми тесовыми.

В межах тот двор с верхнюю сторону з двором Олешки Власова, а с нижнюю сторону в межах з двором съезжей избы подьячего Семого Дебровина. Да ево ж

Юрьевы у таможи 2 чюланца тесовые от Немецкого мосту. Да в Каргополском ряду пониже Аглинского двора лавочка.

На обороте: К сей росписи спаской поп Федор Семенов руку приложил.

К сей росписи спаской дьякон Яков рук^у приложил^к.

К сей росписе Анфимко руку приложил.

К сей росыписи николской поп Прокопей и вместо детей своих духовных Конана Жукова, Посника Хайбутова, Никифора Боранова руку приложил.

К сей росписи в понятых взят Ивашко Федоров руку приложил^л.

К сей росписи вместо понятых пятидесятников стрелецких и десятников по их велению, Архипа Буянова с товарищи, Федка Анофриев руку приложил.

^а В рукописи буква д повторена дважды.

^{б-б} В рукописи написано над строкой.

^{в-в} В рукописи конец слова утрачен.

^{г-г} В рукописи написано над строкой.

^{д-д} В рукописи вписано вместо: красками.

^{е-е} В рукописи написано над строкой.

^ж Так в рукописи.

^з В рукописи две последние буквы написаны другими чернилами.

^{и-и} В рукописи написано другими чернилами.

^к В рукописи три последние буквы жил написаны на лицевой стороне в конце основного текста.

^л В рукописи Федоров написано второй раз и зачеркнуто.

Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Картон 16. Д. 132. Подлинник, на 7 сставах. Скоропись, сохранность хорошая. Водяной знак — Монограмма, в альбомах не найден. К первому сставу подклеен сстав с записью на обороте конца XVII в.: "Крепостишка на игумена Кипреяна з детми". Водяной знак по обрезу — верхняя часть Герба Амстердама.

* * *

Публикуемые впервые документы — "память" двинского воеводы И. В. Милюкова 1597 г. и "роспись"

церковного имущества Воскресенской церкви с близлежащими дворами воскресенских попов 1643 г.— позволяют уточнить детали и историю деревянной крепости Архангельска на начальном этапе ее существования, а также получить относительно полное представление об одном из его деревянных храмов и особенностях рядовой застройки посада. От всех этих строений уже давно не осталось никаких следов.

Оба документа связаны с Антониево-Сийским монастырем и потому не удивительно, что они обнаружены в фонде этого монастыря, хранящемся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук.

Археографическая обработка найденных материалов проведена в соответствии с "Правилами издания исторических документов в СССР". М., 1990.

Часть
Вторая

Н. П. ВОСКОБОЙНИКОВА

*ЦЕРКВИ КЕВРОЛЬСКОГО УЕЗДА
XVI—XX ВЕКОВ*

(Материалы для изучения)

БЫВШИЙ Кеврольский уезд занимал земли по р. Пинеге — притоку р. Северной Двины. По современному административно-территориальному делению почти вся территория уезда входит в Пинежский район Архангельской области, и лишь бывшие южные волости уезда — Выя и Малая Пинежка — относятся к Верхнетоемскому району.

В отличие от "Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии" (Ч. 2. Архангельск, 1890), в котором констатировано состояние приходов и церквей на конец XIX в., в данной работе использованы материалы по истории церковного строительства и за более ранний (кон. XVI—XVIII вв.) период.

Документы по истории церквей уезда хранятся в Государственном архиве Архангельской области и Государственном архиве Вологодской области. В первом это фонды Канцелярии владычного наместника Новгородской архиепископии (1408), Канцелярии архангельского епископа (30), Канцелярии епископа Архангельского и Холмогорского (1025), Архангельской духовной консистории (29), Пинежского духовного правления (120), Благочиния Пинежского уезда (469, 470, 471) и др. Во втором архиве это фонды Вологодской духовной консистории (496).

Материалы по церквам за XVIII — начало XX вв. разнообразны. Это ведомости, отчеты, обозрения церквей

© Воскобойникова Н. П., 1998

епархии, описи имущества, алтарные книги и планы церквей, дела об отводе земель под их строительство, проекты и сметы на их постройку и ремонт, благословенные грамоты, прошения населения и др.

Краткие сведения о церквях Кеврольского уезда за XVII в. (их посвящение, типы церквей и колоколен) содержатся в писцовых и переписных книгах уезда (Российский государственный архив древних актов, фонд 1209).

Большинство привлеченных нами материалов относится к концу XVIII—началу XX вв. Однако использование их как источников весьма осложнено тем, что в зависимости от целей описания и уровня образованности составителя в них для обозначения тех или иных частей храма употребляется разная терминология, что иногда затрудняет правильное понимание текста. В описаниях также встречаются и разные даты возведения или перестройки храмов, их освящения.

Наиболее краткие сведения о памятниках содержатся в ежегодных рапортах благочинных. В клировых ведомостях, кроме времени образования прихода, посвящения храма, его типа и даты постройки, содержатся сведения о церковном причте и численности населения прихода. Самыми достоверными источниками по постройке и перестройке церквей и колоколен являются акты осмотра местности и чертежи, переписка с Архангельской губернской консисторией о рассмотрении и утверждении проектов и смет.

В Главной церковной описи и ризничной Главной описи, кроме указанных сведений, дается описание икон, богослужебных книг, предметов культа, грамот и актов, хранящихся в ризнице, перечень селений с числом дворов и сведения о количестве церковной земли.

Территория Пинежья до 1478 г. входила в Новгородскую епархию. С 1478 по первую половину XVII в. она относилась к московской митрополии, потом к Патриаршей области; с 1674 по 1682 г. опять вошла в Новгородскую епархию, а с 1682 г. была составной частью Холмогорской и Важской епархии, которая выделена из Новгородской епархии.

Южные волости Пинежья (Выя и Малая Пинежка) с 1779 г. в административном отношении были отнесены к Вологодской губернии, а в церковном — перешли в юрисдикцию Вологодской епархии.

Первые поселения на Пинеге — городок Кеврольский и погосты Сура и Чакола — упоминаются при князе Святославе в 1137 г. Погосты на севере в ту эпоху были поселениями, в которых новгородцы, а потом и московская администрация собирали дань с населения. Они являлись не только административными, но и церковными центрами волостей.

Известно, волость на Севере в то время была приходом. В описях Двинских земель, отложившихся от Великого Новгорода к Москве в 1471 г., а также в духовных грамотах Ивана Грозного — 1504 и 1572 гг. перечислены волости-приходы, известные нам по источникам более позднего времени (Кеврола, Чакола, Перемское, Пилье Горы, Немнюга, Малая Пинежка, Выя, Сура, Шотогоры, Лавела, Марьина Гора и Веркола — т. е. 12 волостей из 20 известных нам в конце XIX—начале XX вв.).

Инициатива постройки новых церквей и образования новых приходов, как правило, исходила от самого населения. Уже в XVI в. на Севере строят деревянные церкви крестьянские миры, но изредка их строили и на средства отдельных крестьян. Так, известно, что в конце XVI в. в церковь Воскресения Христова на Карпове Горе построили крестьяне Дружина и Селиверст Щепоткины, крестьянин Г. И. Щепоткин в 1909 г. строил на свои деньги каменную церковь в том же Карпогорском приходе.

Писцовые книги XVII в. рисуют нам уже сложившуюся систему сельских приходов. Из первой дошедшей до нас книги Кеврольского уезда 1623 г. известно, что в это время в уезде было 15 волостей — приходов и столько же храмовых комплексов, а 3 волости (Шотогоры, Карпова Гора и Марьина Гора) приходов не имели.

К концу XVII в. число приходов увеличилось до 18. В конце XIX в. на территории уезда появились два новых прихода (Сулецкий и Устьпоченгский).

По-видимому, в XV—XVI вв. большая часть деревянных храмов относилась к клетскому типу. В XVII—XVIII вв. в Кеврольском уезде строились и шатровые как одноглавые, так и пятиглавые. В конце XIX в. на территории уезда продолжается деревянное строительство, но при закладке новых храмов и перестройке старых начинают использовать каменные фундаменты. В этот период в Сурском и Шотогорском приходах впервые были возведены каменные храмы, сохранившиеся до нашего времени.

Кроме погостских храмов, в селениях изучаемой территории было построено 9 церквей, которые вместе с двумя церквями упраздненной Ламбасской пустыни были приписаны к погостским храмам. Большинство таких церквей возведено после 1853 г., когда было разрешено строить деревянные церкви в простейшем виде. Посвящение церквей уезда за весь изучаемый период изменилось только в двух случаях.

Около церквей ставились колокольни, которые в XVI—начале XVII вв. представляли собой простые навесы на столбах, врытых в землю. Подобная колокольня в 1686 г. стояла на погосте Карпова Гора: колокольница на столбах, верх шатровый, на ней 5 колоколов.

Во второй половине XVII в. стали возводиться срубные колокольни восмерик на четверике. Например, такая стояла в Чухченемском погосте; в Сурском погосте упоминается в это время колокольня рубленая, осьмиугольная, шатровая, крыта тесом с зубчиками. Если первоначально колокольни строились отдельно от церквей, то со временем появляется соединение колокольни с церковью в одну связь.

К началу XX в. на территории уезда насчитывалось около 50 часовен, большинство из которых было поставлено в XIX—начале XX вв., однако в наших материалах данные о них отсутствуют, ибо мы предполагаем издать специальный свод сведений о них.

Описания церквей даны в порядке расположения волостей-приходов снизу вверх по течению Пинеги (при этом порядковый номер прихода соответствует его номеру на схеме).

При описаниях памятников нами опускалось упоминание о том, что тот или иной храм был деревянный, так как на данной территории до XV в. все церкви строились только деревянные. В случае если церковь построена из кирпича или на каменном фундаменте, это оговаривается специально.

Приведенные нами описания церквей составлены из различных источников, относящихся ко времени существования памятника. Ссылки на них даны в скобках. Общий список источников с указанием номера прихода помещен в конце работы.

1

Пильегорский приход занимал высокую каменистую местность по обоим берегам Пинеги. В 1894 г. он состоял из 10 деревень. До 1618 г. селения Пильегорской волости относились к Пинежскому приходу (к церкви Николая в Пинежском Волоке). В 1618 г. по благословению митрополита Новгородского и Великолукского Ионы пильегорцы возвели храм во имя Георгия Победоносца. В писцовой книге 1623 г. упоминается теплая церковь св. Георгия "древяна вверх" с трапезою, пятиглавая. К ней примыкал придел в честь Афанасия и Кирилла Александрийских. Так как эта церковь стояла очень близко к берегу и часто подмывалась водою, то по благословенной грамоте митрополита Новгородского и Великолукского Корнилия в 1676 г. она была перенесена в более безопасное место и переделана. Вскоре церковь сгорела и вместо нее по грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия 1697 г. построена новая церковь св. Георгия, освященная 11 июня 1698 г. Она была однопрестольной, теплой, шатровой, пятиглавой, с трапезной и папертью.

В описании 1856 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 746) сказано, что над ее кровлею возвышалось 5 осмигранных глав, покрытых деревянной чешуею; с западной и северо-восточной стороны имелось два крыльца, западное было с двумя лестницами. Крыта церковь на два ската,

середина — на 4 ската, трапеза и паперть — на два ската. По описанию 1819 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 209) церковь имела длину 7 сажень, ширину 3 сажени 4 аршина, внутри 4 аршина 3 четверти.

Колокольня была на 5 столбах, для прочности обрублена выше половины в виде амбара, глава на ней чешуйчатая.

В 1847 г. церковь ремонтировали. В 1873 г. она была поставлена на каменный фундамент, а в трапезной был устроен придел в честь Афанасия и Кирилла Александрийских, освященный в 1875 г. В 1874 г. церковь снаружи обшита досками, выкрашена масляной краской, внутри оштукатурена. Ремонт храма проводился также и в 1876 г., когда был установлен новый иконостас.

По-видимому, в 1897 г., после пожара, под церковь приспособлен крестьянский дом, к которому были пристроены алтарь и притвор. Церковь была одноглавая. Иконы "простой живописи" были использованы те, которые успели вынести из алтаря сгоревшей церкви. В 1919 г. эта церковь снова горела.

В 1885 г. отдельно от церкви построена новая колокольня также на 5 столбах.

В 1902 г. упоминается приписная церковь Воскресения Христова в д. Вижевской: деревянная, теплая, одноэтажная, одноглавая, в виде креста, с четвероугольным алтарем, алтарь и крыльцо крыты на три ската, крыша — на четыре ската. Длина церкви 3 сажени 2,5 аршина, ширина 4 сажени, высота 2 сажени 1 аршин 6 вершков. Над папертью церкви — колокольня.

Церковь построена на средства местного купца.

2

Устьпоченгский приход расположен по р. Поче — притоку Пинеги. В состав прихода входило 6 деревень.

Приход был образован по указу Синода от 12 мая 1894 г. До этого времени церкви Устьпочи входили в состав Перемского прихода. К 5 мая 1854 г. относится

грамота епископа Архангелогородского и Холмогорского Варлаама о постройке в Усть-Поче на средства Синода церкви, перенесенной из Ламбасской пустыни. Новая церковь во имя Прокопия Устюжского была освящена 23 октября 1856 г. Иконы для нее писал казанский мещанин Александр Ильин.

Вторая церковь — Введенская — построена в 1864 г. на средства благотворителей. Она была одноэтажной, с маленькой главой, без колокольни. Рядом — звонница на двух столбах. Иконостас ярусный, столярной работы. В 1907 г. церковь горела и нуждалась в ремонте.

В 1902—1903 гг. велась переписка об отводе места под постройку новой приходской церкви в связи с маловместимостью Введенской.

В 1904 г. в Устьпоченгском приходе на месте сгоревшей церкви Прокопия Устюжского была построена Иоанно-Богословская, холодная, пятиглавая, одноэтажная, "в виде корабля", на белокаменном фундаменте, с глухой колокольней в одной связи.

Обе церкви были обшиты тесом и окрашены. В 1914 г. Иоанно-Богословская церковь сгорела.

В 1915 г. жители Почезерского селения просили перевести к ним из Усть-Почи приход с постройкою у них деревянной церкви по прежнему проекту и прибавлением четырех глав на церкви и одной на алтаре.

3

Перемский приход в 1911 г. состоял из 9 селений, 6 вместе с приходским храмом находились на правом берегу Пинеги, 2 — за Пинегой и одно — за р. Ежугой. Приход образовался в конце XVI или начале XVII в. Погост находился на Пинеге у д. Чикинской. В 1623 г. на погосте стояли теплая церковь Покрова и холодная св. Георгия, обе "древяны вверх". Позднее они были разобраны "по ветхости".

Новая церковь Покрова Богородицы была построена по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия от 3 мая 1687 г. Придел в честь

св. Георгия освящен 30 сентября 1691 г. Церковь теплая, "древяна вверх", пятиглавая. По преданию, храм был разобран "по ветхости".

Следующая — Покровская — церковь возведена на средства прихожан по благословению архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы в 1718 г. По описанию 1856 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 745), она была холодная, пятиглавая, имела четыре шатра над основным объемом и один на алтаре, два придела — холодный Покрова и теплый св. Георгия (на приделе одна глава и три шатра), крыльцо крытое, шатровое. Церковь стояла на каменном фундаменте. В длину 30 сажен, в ширину 5 сажен, высота 10 сажен.

В 1877 г. церковь вместе с колокольной "за ветхостью" предназначалась к разборке, что и произошло в 1881 г. Еще в 1873—1874 гг. был составлен проект и утверждена смета на постройку новой церкви, которую начали строить до того, как была разобрана старая Георгиевская. 2 декабря 1879 г. был освящен придел св. Георгия над папертью колокольни новой церкви. Сам храм освящен 19 ноября 1887 г., северный придел Покрова — 2 декабря 1887 г. Церковь была деревянной, пятиглавой, на белокаменном фундаменте, с колокольной над папертью. В 1898 г. ее обшили досками и покрасили белилами. 15 декабря 1901 г. в ней произошел пожар.

Вторая приходская церковь Богоявления Господня построена по благословенной грамоте московского патриарха Иоасафа 15 июня 1668 г. на средства прихожан. Храм теплый, с трапезной, шатровый, одноглавый, на алтаре два шатра. Длина храма с трапезой 12 сажен, ширина 5 сажен, высота 14 сажен. В 1808 г. срублена новая паперть на старом основании. В 1849 г. алтарь был подперт столбами. В 1892 г. окрашены глава и шатер. В 1898 г. церковь обшита досками, а 2 января 1902 г. она сгорела.

Новая Богоявленская церковь была построена в 1904 г. на месте сгоревшей. Она была деревянной, пятиглавой, на белокаменном фундаменте. В 1911 г. церковь в одной связи с колокольной покрыли железом, обшили тесом и окрасили снаружи белилами.

При церквах была колокольня, построенная по указу Варнавы в 1723 г. В 1856 г. она представляла собой отдельное строение на прирубном амбаре и 9 столбах с шатровым завершением и одной главой. Высота колокольни 10 сажень. В 1859 г. колокольня была уже ветхой, и, видимо, вскоре ее разобрали, ибо после 1887 г. колокольню строят над папертью Покровской церкви. Скорее всего она сгорела в 1901 г. В 1904 г. колокольня построена над папертью Богоявленской церкви.

Сведения о церквах в Усть-Поче (Введенской и Прокония Устюжского), приписанных в 1883 г. Перемскому приходу, см. в описании Устьпоченгского прихода.

4

Чакольский приход расположен по обоим берегам Пинеги. В XIX в. он насчитывал 9 селений.

По церковной летописи, приход существует с 1652 г. Судя по преданию, первая церковь в Чаколе была построена в 1610 г. В 1623 году упоминается холодный собор Рождества Богородицы, "древяна вверх", освященный по благословию митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Афанасия в 1629—1630 гг. Храм сгорел в 1681 г.

В 1707 г. на средства прихожан построена Рождественская церковь, холодная, шатровая, крыта на два ската, на углах церкви три шатра, на паперти два крыльца с западной и северной сторон. Алтарь рубленый, шатровый, крыт на два ската. Главы над алтарем нет. (По описанию 1802 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117.)

В 1876 г. церковь значилась ветхой, а в 1885 г. считалась упраздненной и служба в ней не совершалась, так как она грозила падением.

Церковь Входа в Иерусалим холодная, двупрестольная, построена по благословию митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Афанасия в 1629—1630 гг. В начале XVIII в. она, видимо, сгорела или была разобрана, ибо новая церковь была сооружена в 1706 г.

с приделом Собора пресвятой Богородицы. Храм был холодным, рубленным, шатровым, одноглавым, с шатром на алтаре, с папертью и трапезной; последняя — рубленая, крыта на два ската; имела два крыльца — одно с северной, а другое с западной стороны. (По описанию 1802 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117.) За ветхостью церковь была разобрана и в 1840-х гг. на ее месте "из годного леса" возведена новая.

Церковь св. Екатерины "древяна вверх", по-видимому, была построена в 1618 г. вместо разобранной в 1610 г. Екатерининской часовни. В 1681 г. она сгорела. Новая построена по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия в 1689 г. Церковь теплая, рубленая, пятиглавая, однопрестольная, имела паперть и трапезную, два крыльца — одно с запада, а другое — с севера, над алтарем — глава.

Колокольня рубленая, простая, низменная, на 5 столбах (по описанию 1802 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117).

Следующая колокольня при церкви Екатерины, стоявшая от нее отдельно, была построена из бывшей Входоиерусалимской церкви. Она была восьмериковой, рубленой, с просветами для подвески 6 колоколов, крытая "кумполом со шпилем".

В 1805 г. Екатерининская церковь была уже ветхой. В 1852 г. ее разобрали, а на следующий год по благословению епископа Архангелогородского и Холмогорского Варлама была заложена новая церковь, при строительстве которой был использован старый церковный лес. Освящена в 1856 г.

Церковь теплая, с трапезою, одноглавая, шатровая, крестообразная, однопрестольная, с двумя пристройками (с севера — пономарская, с юга — ризница), алтарь в виде полукружия; на западной стороне церкви небольшое открытое крыльцо и паперть, кровля церкви "в виде полушария" покрыта досками. (Из описания 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 749.)

По-видимому, эта церковь сгорела ибо новая церковь св. Екатерины была освящена в 1881 г. В 1886— 1899 гг. она перекрыта и обшита тесом, окра-

шена, стены оклеены шпалерами, сделано новое крыльцо. Церковь сгорела 6 октября 1896 г.

В 1897 г. на ее месте петербургским купцом Александром Карловичем Гназером построена новая церковь, освященная 27 сентября того же года.

Церковь имела пять "бочкообразных кумполов с шатрообразными главами", крестообразная в плане, крыта на два ската, притвор крыт на три ската, крыльцо открытое, на каменном фундаменте. Длина ее 11 сажень, ширина 4 сажени. (Из описания 1900 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1804). В 1910 г. церковь перестроили "с прибавкой нового леса"; в 1914 г. она обшита снаружи тесом и окрашена, а в 1918 г. в ней был пожар.

Колокольня восьмигранная, шатровая, стояла отдельно от церкви.

Церкви упраздненной Ламбасской пустыни, расположенной в трех верстах от Чаколы, были приписаны к ее приходу.

Церковь Преображения, холодная, по-видимому, существовала уже в начале XVII в., основана пустынь в 1615 г. строителем Христофором. Видимо, в конце XVII в. ее уже не было, ибо в 1700 г. построили новую, холодную, с папертью, шатровую. В 1802 г. пустынь значилась упраздненной, а ее церкви приписанными к Чакольскому приходу. В 1818 г. утварь Ламбасской Преображенской церкви перенесена в церковь Чакольского прихода, а в 1855 г. и сама церковь из Ламбасской пустыни перенесена в селение Заозерское. Новая Ламбасская Преображенская церковь (без колокольни) была заложена и построена в 1881 г., освящена в 1883 г.

Николаевская церковь Ламбасской пустыни, также приписная, построена в 1765 г. Церковь с трапезою, теплая, низменная, одноглавая, крыта епанчою, без шатра, "кумполо" и колокольни, вместо главы — крест на алтаре и на церкви — четыре шатра. Длина и ширина церкви 4 сажени, ширина 2,5 сажени. (Из описания 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 749.) В описаниях 1888 и 1891 гг. церковь не упоминается, но в 1902 г. она еще стояла разрушенная и без креста.

В 1854 г. в д. Заозерской (12 верст от Чаколы) на

средства крестьян начали возводить церковь Петра и Павла (это Преображенская церковь, перевезенная сюда из бывшей Ламбасской пустыни). Закончено строительство в 1858 г. Эта церковь, как и в пустыни, была одноэтажной, холодной, с папертью, одноглавой и крестообразной в плане.

К 1890 г. относится дело о постройке колокольни при Петропавловской церкви и обшивке церкви снаружи (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 749). В 1902 г. в церкви стоял однорядный иконостас простой столярной работы, а сама церковь была покрашена краской. Богослужение в ней совершалось лишь раз в году — в храмовый праздник.

5

Пиринемский приход в 1884 г. состоял из 9 селений, а в 1911 г. из 10-ти.

Приход был основан в результате обретения здесь мощей святой Параскевы, по устному преданию — родной сестры Артемия Веркольского. Церковь возвели на Высокой горе в первой половине XVII в. Приход же образовался не ранее 1672 г. из деревень верхней половины (Березник, Курга, Шотогоры), которые ранее входили в Покшенгский приход, и нижней половины (д. Турья, Чешегора, Кочмогора, Шеймогора и Шаста), бывших в Чакольском приходе. Однако и после этого года крестьяне деревень верхней половины по-прежнему относили себя к Чакольскому приходу, отказываясь помогать крестьянам деревень нижней половины в строительстве новых церквей в Пиримени. И только в 1712 г. распоряжение Варнавы заставило их окончательно отделиться от Чакольского прихода.

В 1611—1613 гг. была построена клетская церковь св. Георгия с приделом Параскевы Пятницы, сгоревшая со всем имуществом в 1643 г.

В 1676 г. на ее месте уже стояла новая церковь св. Георгия, при ней была колокольня на четырех столбах. К 1715 г. церковь обветшала, а по сведениям

1804 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1006), сгорела, и по грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы от 20 мая 1715 г. было разрешено построить новую, которую освятили 20 декабря 1717 г. Она была теплой, шатровой, пятиглавой, с трапезной и папертью, крыльцом на северной стороне (из описания 1802 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117). Холодный придел Параскевы Пятницы построен в 1728 г. В 1785 г. трапезная, паперть, крыльцо покрыты тесом. В 1833 г., церковь исправлена и освящена. В 1848 г. был построен новый придел Параскевы Пятницы (судьба придела 1728 г. неизвестна). Кровля церкви покрыта тесом на четыре ската, как и кровли на трапезной, паперти и крыльце. Над кровлюю возвышался шатер на крещатой бочке, крытый деревянной чешуею. На нем было пять глав, а шестая — на северном приделе. Церковь длиною 8 сажень 2 аршина, шириной 4 сажени (из описания Георгиевской церкви за 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 733).

В 1890—1891 гг. старый храм св. Георгия был разобран и срублен новый на каменном фундаменте, по форме подобный старому ("в виде корабля"), с отдельно стоящей колокольней. В 1898 г. церковь была обшита тесом и окрашена белилами.

Первая церковь Двенадцати апостолов, по-видимому, была построена еще в первой половине XVII в., так как в описаниях 1875 и 1877 гг. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 278; Д. 1120) дата ее постройки относится к 1729 г., а в более раннем описании 1802 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117) упоминается и антиминс 1713 г. Вероятно, она предшествовала последней церкви, которая по указу духовной консистории 1792 г. была построена в 1799 г. и освящена 30 июля 1800 г. Об этом свидетельствуют и описания 1800, 1802 и 1902 гг. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 109; Оп. 3. Д. 1006; Ф. 470. Оп. 1. Д. 25). Из описания церкви 1800 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 109) мы узнаем, что она была холодной, шатровой, одноглавой, одноэтажной, на каменном фундаменте, с приделом Параскевы Пятницы, в котором находились мощи Параскевы Перемской. Кровля у церкви тесовая,

на четыре ската. алтарь крыт на три ската, а паперть и крыльцо — на два ската. Высота церкви была 8 сажень, а длина 7 сажень.

Колокольня церкви Двенадцати апостолов поставлена в 1750 г. Она была рубленой, восьмериковой, на амбаре, трехъярусной, с шатровым завершением. Высота 12 сажень. (Описания 1802 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117 и Д. 733).

В описании 1899 г. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1775) упоминается четырехугольная колокольня в одной связи с церковью, высотой в 8 сажень, с завершением в виде купола и шпиля, последний высотой 2,5 сажени. В 1913 г. отдельно стоящая деревянная колокольня была перестроена и поставлена на каменном фундаменте.

Приписная церковь Вознесения в д. Большой Березницкой (15 верст от прихода) была построена в 1677 г. Вероятно, она уже не существовала в 1856 г., когда начали строить новую теплую церковь на казенные средства. Строил ее, по-видимому, Антон Амосов. Освящена в 1862 г. Церковь имела два придела — св. Георгия и св. Параскевы в одной связи с колокольней.

Вторая церковь в той же деревне — Златоустовская — построена в 1677 г. Она упоминается и позднее — в 1734 г. Дальнейшая ее судьба по документам не прослеживается.

6

Покшенгский приход находился по обоим берегам р. Покшеньги. В 1888 г. в нем было 7 селений, а в 1911 г.— 9 селений.

В состав прихода до 1672 г. входила верхняя половина Пиринемских селений. Сам же приход возник не позднее конца XVI в. Теплая шатровая церковь св. Георгия была построена в Покшенгском погосте близ Кобелевского селения до 1590 г. и сгорела ранее 1651 г. К 7 июня 1651 г. относится храмозданная грамота патриарха Иоасафа на постройку новой церкви взамен

сгоревшей. Следующая церковь того же посвящения построена по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия от 19 июня 1688 г. Храмосданная грамота на построение храма дана 19 сентября 1690 г., а освящен он был в 1691 г.

Церковь шатровая, пятиглавая, с теплой трапезной. Трапезная, паперть и крыльцо покрыты осиновою чешуею. Церковь на деревянном фундаменте. Ее длина 10 сажен, ширина 3 сажени и 1,5 аршина, высота 20 сажен (по описанию 1832 г.— ГААО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 96).

В 1832 г. Георгиевская церковь стояла уже на другом месте, на каменном фундаменте и была обшита досками и покрашена охрой. Она сгорела 7 марта 1888 г. Новая построена и освящена в 1895 г. Церковь шатровая, пятиглавая, в виде восьмерика, на каменном фундаменте. В ней было три престола: св. Георгия, Грузинской иконы Божьей Матери и св. Иоанна Рыльского, освященные в 1896 г. В 1901 г. храм обшили тесом и покрасили.

Холодная шатровая Николаевская церковь упоминается в 1623 г. Новая церковь св. Николая была построена в 1705 г., а освящена по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Сильверста 5 мая 1706 г. Церковь деревянная, шатровая, одноглавая, однопрестольная, с папертью, крыльцо было крыто тесом. Церковь сгорела от молнии в 1830 г. (по описанию 1891 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 154).

Новая Никольская церковь была куплена в том же году прихожанами в Веркольском монастыре и была поставлена в 1844 г. на место сгоревшей. Церковь деревянная, холодная с приделом Артемия Веркольского на северной паперти. Высота церкви 16 сажен, длина с паперти 5 сажен, ширина с приделом 4 сажени и 2 аршина. По-видимому, она также сгорела, и новая теплая крестообразная церковь построена в 1888 г. В 1891 г. она была обшита досками и окрашена, в 1893 г. оштукатурена внутри. В 1895 г. сделаны новое крыльцо и паперть. Ремонтировалась церковь и в 1908 г.

Колокольня в 1686 г. была рубленой, на столбах с

шатровым верхом. В 1843 г. колокольня получила завершение в виде купола с чешуйчатым покрытием. В 1884 г. она была сломана и на ее место поставили новую, на каменном фундаменте. В 1888 г. она была обшита досками и покрашена.

К Георгиевской церкви была приписана Рождественская церковь, построенная в д. Земцовской в 1902 г.

7

Шотогорский приход расположен по правому берегу Пинеги. В 1894 г. в него входило 5 деревень, в 1911 г. он числился одним селением с околами.

Время образования прихода относится к концу XVII в. До 1875 г. селения на Шотове Горе относились к Карпогорскому приходу.

Первая церковь св. Николая с трапезной была построена вместо прежней часовни, вероятно, по благословению архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия от 4 марта 1687 г.

По благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Варсонофия от 10 апреля 1755 г. обветшавшая церковь была разобрана, а на ее месте построена новая холодная, шатровая, одноглавая, с теплой трапезной, топившейся по-белому, в ней было два столба, поддерживавших потолок. К трапезной примыкала паперть с крыльцом. (По описанию 1852 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 888.)

В 1755 г. построена шатровая колокольня деревянная над крыльцом, рубленая, на деревянном фундаменте, с 6-ю колоколами. В 1814 и 1821 гг. на ней было 4 колокола. В 1823 г. на церкви и колокольне перекрыта крыша.

В 1859 г. церковь исправлена, окрашена снаружи и освящена. Она имела паперть, была на деревянном фундаменте, покрыта осиновой чешуею. Высота 15 сажень, длина с трапезной и папертью 7,5 сажени, в ширину 2 сажени 2 аршина. Исправлена и окрашена снаружи в 1873 и 1874 гг. (по описанию 1862 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 922).

В 1755 г. над крыльцом церкви надстроена рубленая шатровая колокольня (описание 1802 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117). В 1889—1890 гг. была надстроена на средства Кыркаловых новая колокольня на каменном фундаменте.

В 1902 г. велась переписка об отводе места под строительство каменной церкви. Новая каменная церковь Покрова была построена в 1909 г., но при этом оставалась и старая церковь.

В 1902—1903 гг. упоминается церковь Афанасия и Кирилла на Шотовой Горе.

8

Карпогорский приход расположен на правом берегу Пинеги. Время образования прихода точно неизвестно.

Церковь Воскресения Христова на Карпове Горе, стоящая на самом берегу, теплая с приделом Петра и Павла была построена, по-видимому, в начале XVII в. на средства крестьян Щепоткиных. Отдельно от церкви — шатровая колокольня на столбах. Церковь сгорела в 1741 г.

18 марта 1743 г. по благословенной грамоте архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Варсонофия было разрешено построить новую церковь на другом, более безопасном месте, и 3 марта 1745 г. она была освящена. Церковь с теплой трапезной, шатровая, одноглавая, однопридельная, с западной стороны крыльцо, крытое тесом. В 1814 г. кровля была покрыта новым тесом "гладью" (по описанию церкви 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 737). Церковь на деревянном фундаменте, алтарь в виде полукружия, с южной стороны к нему пристроена ризница, с северной — пономарская. Завершение шатровое, покрытие белым железом; крыльцо с западной стороны церкви на два входа; в трапезной лавки, столбы, поддерживающие потолочные брусья (по описанию 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 737).

Колокольня в середине XIX в. была рубленой, вось-

мерик на четверике, гладкостенная, стоящая отдельно от церкви. В 1874 г. с северной стороны к церкви был пристроен придел Петра и Павла. В 1878 г. церковь с приделом обшита досками и окрашены желтою краскою. В 1890—1891 гг. колокольня была обшита тесом и окрашена.

В 1898 г. был утвержден проект постройки церкви во имя Богоматери Всех Скорбящих. В 1901 г. храм был построен на средства петербургского купца Михаила Александрова и прихожанина Карпогорского прихода Григория Щепоткина. Церковь имела в плане крест, была крыта железом, в одной связи с ней находилась колокольня. В 1912 г. она ремонтировалась на средства Г. С. Щепоткина.

С 1875 по 1889 гг. приход был упразднен. При этом одна часть прихожан отошла к Шотогорскому приходу, а другая — к Ваймушскому.

9

Ваймушский приход находился на правом берегу Пинеги. Во второй половине XIX в. в приход входило 3 селения. Он образовался в конце XVI—начале XVII в. Церковь св. Николая в Ваймуше была построена между 1590 и 1623 гг. Она была теплой, с трапезной, верх имела шатровый. Храм сгорел в 1670-х гг. По грамоте митрополита Сарского и Подонского Павла в 1674 г. соорудили новую церковь св. Николая и освятили в 1675 г. Она также была теплой, шатровой. Колокольня на столбах. Церковь была поправлена в 1717 г. В 1747 г. по грамоте архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Варсонофия храм перенесли на более удобное место и вновь освятили в 1749 г.

По указу духовной консистории от 13 июня 1788 г. перебрана трапезная, черная печь заменена белой. В 1790 и 1791 гг. устроена новая колокольня в виде восьмерика на четверике. (По описанию 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 732.)

Она сгорела 15 января 1793 г. На ее месте по указу

Архангельской духовной консистории от 8 апреля 1793 г. построена новая церковь, на каменном фундаменте, освященная 20 октября 1800 г. Это был шатровый, одноглавый, теплый, с трапезной, одноэтажный храм. На западе — крыльцо с двумя боковыми лестницами. Кровля крыта на два ската, над нею возвышается осьмерик с чешуйчатой главой, алтарь крыт на 4 ската. Высота церкви 11 сажен. В 1874 г. церковь обшита досками и в 1875 г. выкрашена желтой краской. В 1895 г. средняя часть храма внутри была обшита досками и окрашена белилами.

В 1874 г. колокольня, отдельно стоящая от церкви, была перестроена. При этом низ ее до уровня звона оставлен старый, а верх сделан новый. Колокольня в виде восьмерика над четвериком-амбаром. Ее высота 4 сажени. В 1883 г. "верх до звону" был обшит тесом, а в 1885 г. она была вся обшита тесом и покрыта медянкой (по описанию 1888 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1441). В 1914 г. колокольня окрашена белилами. В связи с малочисленностью прихода в 1870-х годах Ваймушские селения входили в Карпогорский приход, а церковь св. Николая была приписана к этому приходу (по описанию 1914 г.— ГААО. Ф. 470. Оп. 2. Д. 15).

10

Кевроло-Воскресенский приход был расположен на протяжении 5-ти верст по обоим берегам Немнюги, правого притока Пинеги, и делился на две части: нижнюю, занимающую гористую часть прихода, где находилось 6 деревень, известную под общим названием Немнюга и Большой погост, и верхнюю, занимающую низменное луговое пространство, на котором расположены другие 6 деревень под общим названием Киглохта.

В XIV—начале XVII в. на месте прихода стоял Кевроло-Воскресенский монастырь, который в начале XVII в. был обращен в приход.

В писцовой книге 1623 г. на Немнюге упоминается церковь Воскресенье "древяна вверх" с приделом Ильи

Пророка. В 1708 г. эта церковь сгорела от молнии. В 1709 г. начато было строительство новой церкви с трапезною. В 1710 г. она была построена, а в ноябре 1711 г. по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы освящена. Церковь была с двумя приделами: с северной стороны — придел Ильи Пророка, освященный 19 июля 1710 г., а на южной стороне — придел Архангела Михаила, пристроенный с юго-восточного угла в трапезной собора по благословию епископа Архангелогородского и Холмогорского Вениамина от 24 октября 1796 г. и освященный 9 ноября того же года. Он упоминается в описаниях вплоть до 1911 года.

Воскресенская церковь до 1768 г. была соборной (в бытность города Кевролы).

Церковь холодная, с большой трапезной, шатер на крещатой бочке, средняя глава — на шатре. Алтарь, выделенный полукружием, был уже и ниже церковного строения, его завершали куб и глава, покрытые чешуей. С северной стороны — придел Ильи Пророка, шатровый; с западной стороны — крыльцо с двумя лестницами, с северной стороны — также крыльцо, но об одной лестнице; они крыты тесом на один скат, над крыльцом большой куб с маковицей, покрытие чешуйчатое (по описанию 1814 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 168).

Кровля крыта тесом на четыре ската, алтарь — на три, трапезная — на два, а паперть и крыльцо — на один. Высота церкви 16 сажен (по описанию 1902 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 912).

Вторая церковь — Благовещенская на Немнюжском погосте упоминается в той же писцовой книге 1623 г. Церковь теплая, с трапезной, "древяна вверх". Сгорела в 1703 г.

Новая Благовещенская церковь заложена 1 февраля 1729 г., освящена по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы от 9 ноября 1729 г. Церковь была "без крепкого" фундамента, высокая, с шатром на осьмерике, одноглавая, одноэтажная, на алтаре — большой куб с главою, шатер обит чешуею

и пиловыми досками, на трапезной и паперти — двускатная кровля. Церковь имела крыльцо с двумя лестницами, крытыми тесом. Высота 12 сажен. (По описанию 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 738.)

По указу от 19 августа 1892 г. старая церковь на следующий год была разобрана до основания и новое здание построено по старому плану из нового леса, но при этом частично использован и старый лес. Под новым храмом устроили сплошной каменный фундамент. Освящение состоялось в 1894 г. В 1910 г. церковь обшили снаружи тесом, а главу покрыли белым железом.

Третья церковь в Немнужском приходе — теплая церковь Афанасия и Кирилла Александрийских с приделом св. Георгия строилась в 1643 г., сгорела от молнии в 1708 г.

На погосте в XVII в. была одна колокольня, рубленая на восемь углов, верх шатровый. В 1759 г. по грамоте архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Варсонофия была построена новая колокольня из тесаных бревен, рубленных в замок, восьмерик на четверике, а выше восьмериком, трехъярусная, вместо главы — шатер со шпилем, с 6 колоколами. В 1853 г. колокольня была возобновлена, т. е. перестроена. Стояла она отдельно от церквей.

11

Кевроло-Троицкий приход находился на левом берегу Пинеги около села Лохоцкого. В 1894 г. в приход входило два селения, а в 1911 г.— три селения.

Церковь Троицы на погосте Кевролы, упоминаемая в писцовой книге 1623 г., была теплой, с трапезной и папертью, шатровой, одноглавой длиною 21 сажен, высотой 17 сажен.

К 12 июня 1794 г. относится указ епископа Архангелогородского и Холмогорского Вениамина о постройке новой церкви, ибо старая была уже обветшалой и поддерживалась подпорками. В 1803 г. из нее всю утварь вынесли в холодную Николаевскую церковь, где был

устроен придел Троицы. В 1856 г. служба в Троицкой церкви уже не проводилась, но разобрали ее только в 1902 г.

Церковь св. Николая в Кеврольском погосте впервые упоминается в 1623 г. Тогда она была холодной и шатровой. Высота ее 17 сажен. ширина 8 сажен. По грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия от 30 октября 1683 г. была построена новая церковь св. Николая — холодная, шатровая, пятиглавая, одноэтажная, крытая чешуею. Освящена 18 июля 1685 г.

В 1686 г. при церквях была колокольница столбовая "об одной главе", на пяти столбах.

В 1806 г. с юга к церкви пристроен придел Троицы, а при нем теплая трапезная, крыльцо на два входа, крытое тесом, фундамент деревянный, на южной стороне вход в теплый придел Троицы с папертью. В 1808 г. церковь ремонтировалась. В 1816 г. была построена новая, отдельно стоящая от церкви, деревянная рубленая трехъярусная колокольня, внизу она была шести-, а вверху восьмериковая, одноглавая, с шатром, крытым чешуею.

В 1879—1881 гг. были утверждены проект и смета на постройку новой церкви и колокольни в Кевроло-Троицком приходе. В 1883 г. придел и трапезную целиком разобрали, а сама же церковь была разобрана до половины. Вместо нее в 1887 г. уже на новом месте построена другая церковь Троицы — пятиглавая, на каменном фундаменте. Она была освящена вместе с приделом св. Николая в 1887 г. К западу от церкви стояла колокольня на каменном фундаменте.

В 1888 г. церковь вместе с колокольней была обшита досками, оштукатурена внутри и выкрашена масляной краской.

Кладбищенская Николаевская церковь на булыжном камне построена в 1910 г. из оставшихся от старой церкви материалов, с прибавкой новых.

В 1874 г. два селения Кевроло-Троицкого прихода входили в состав Ваймушского прихода, так что Николаевский храм считался приписным, но в мае 1894 г. Кевроло-Троицкий приход был восстановлен как самостоятельный.

Чухченемский приход получил свое название от р. Чухчи, впадающей в Пинегу выше приходской церкви.

В приходе в 1894 г. было четыре селения, в 1911-м — пять.

Приход образовался не позднее второй половины XV в. (по церковной записи, хранившейся в архиве, — в 1562 г., а по другому источнику — в 1400 г. (ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 26).

В писцовой книге 1623 г. упоминается церковь св. Николая "древяна вверх". По преданию, эта церковь сначала стояла в селении Церкогорском, но появление иконы св. Николая побудило жителей перенести церковь на новое место, где она находилась до 1668 г. По благословенной грамоте патриарха Иоасафа от 13 мая 1668 г. старая церковь разобрана и рядом с ней на средства прихожан построена новая того же посвящения. Она была освящена 17 января 1671 г. Церковь теплая, шатровая. На колокольне два колокола. Храм сгорел от молнии 30 мая 1698 г.

По храмозданной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия от 30 июня этого же года на его месте был построен новый, освященный 28 декабря 1700 г. Это одноэтажная церковь с завершением в виде шатра на крещатой бочке, с теплой белой трапезной, в которой было два столба для поддержания потолка, с папертью, с крыльцом на два всхода, крытая пильным лесом. Высота церкви 16 сажен, длина с папертью 11,5 сажени, ширина 3 сажени, а в трапезе — 4 сажени (по описанию 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 751).

В 1721 г. вместо ветхой колокольни построена новая, на пяти столбах. А по указу духовной консистории от 12 января 1794 г. "иждивением прихожан" в 1798 г. построена отдельно стоящая колокольня, рубленая, восьмиугольная "осьмериком" над амбаром, верх шатровый, однарусная, покрыта чешуею и тесом. Ее высота 12 сажен. В 1871 г. она была исправлена.

В 1891 г. Николаевская церковь за ветхостью, а также из-за местоположения на склоне горы была переbrана и отнесена подальше от реки. В 1892 г. в ней был устроен новый иконостас. Новое освящение церкви состоялось 4 февраля 1893 г.

По описанию 1902 г., она шатровая, пятиглавая, одноэтажная, с теплой трапезной, 6-ю главами ("куполами"), из них один на алтаре; на каменном фундаменте (ГААО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 25). Высота церкви 15 сажен, длина 10 сажен и 7 четвертей, ширина 4 сажени. В 1899 г. она была обшита досками и окрашена белилами.

Приписная церковь Сретенская в Кушкопальском селении была построена в 1855 г. на казенные средства. Церковь была однопрестольной со звонницей.

13

Шардонемский приход находился на р. Шарде, впадающей в Пинегу. В 1911 г. в приходе было два селения.

В 1623 г. на Шардонемском погосте стояла приписная к Чухченемскому приходу церковь Рождества Христова. Церковь теплая, шатровая, однопрестольная, построенная на средства прихожан. Церковь сгорела 13 марта 1792 г. (или 1793 г.).

По указу духовной консистории от 31 марта 1792 г. на месте этой церкви в 1796 г. построена новая, освященная 28 марта 1797 г. Она была шатровой, одноэтажной, одноглавой, двухпрестольной, с перегородкой в алтаре; на южной стороне — придел Христорождественский, освященный 13 апреля 1797 г., а на северной стороне — Николаевский, освященный 14 апреля того же года.

К 1802 г. оставались недостроенными крыльцо, трапезная и паперть, позднее трапезная и паперть были крыты на два ската. Высота церкви 12 сажен, от земли до окон одна сажень, ширина церкви 3,5 сажени, длина 24 сажени. Внутри церковь имела вышину в сажень и 2 аршина, длину 2 сажени и 5 четвертей, ширину 3 сажени. Трапезная внутри имела вышину одну сажень 2 аршина, длину 3 сажени 3 четверти, ширину 3 сажени.

По указу от 9 февраля 1804 г. крыша церкви покрыта восьмериком и шатром. Колокола висели под навесом на 6 столбах. В 1855 г. отдельно от церкви построена восьмериковая колокольня шириною 3 сажени, высотой 14 сажен.

1880—1883 гг. составлены проект и смета на постройку новой церкви. В 1882 г. старая церковь за ветхостью разобрана, и в этом же году была построена новая Христорождественская. Она была теплая, одноглавая, крестообразная в плане, двухпрестольная, с приделом св. Николая. В 1891 г. церковь и колокольня снаружи и внутри обшиты досками и окрашены белилами. В 1892 г. колокольня была перенесена на запад от церкви и при этом старый верх был заменен новым, а стены обшиты тесом. Ширина колокольни 3 сажени, высота 14 сажен.

В 1902 г. церковь сгорела, и в том же году начали строить новую, по форме и размерам аналогичную прежней. В 1906 г. ее строительство было закончено. Длина 14 сажен, ширина 5 сажен и 2 аршина.

Кроме этого, в писцовой книге 1623 г. записано, что еще раньше в пустыньке Никандровой на Ростовской прилуке стояла церковь св. Николая.

14

Веркольский приход существовал с 1577 г., когда были открыты мощи св. Артемия. В 1911 г. приход имел 7 селений.

Первые приходские церкви находились в Верколе, на левом берегу Пинеги, когда там еще не было монастыря. В писцовой книге 1623 г. упоминаются две ветхие церкви — Никольская и Георгиевская. Последняя теплая, с трапезною; клецки. Они сгорели 21 июня 1639 г.

В 1642—1643 гг. на месте сгоревшей церкви на средства крестьянского мира кеврольцем Алексеем Семеновым Лыткиным был построен новый храм св. Георгия с трапезною. Эта церковь сгорела в январе 1718 г. По

указу архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы от 23 января 1718 г. вместо сгоревшей на средства прихожан была построена в 1720 г. новая церковь, рубленая, теплая, с трапезною, с завершением в виде шатра на крещатой бочке, кровля крыта на четыре ската, над трапезной, папертью и крыльцом — на два ската. Шатер и главка крыты чешуею. Церковь в длину 14 сажен, в ширину 5 сажен, в высоту 14 сажен, внутри церкви высота 2 сажени 1 аршин (по описанию 1856 г.— ГАО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 734). В описаниях 1859 и 1867 гг. о церкви сказано, что она ветхая и "к поправке не годится". Во второй церкви св. Николая, холодной, сгоревшей в 1639 г., покоились мощи Артемия Веркольского. В 1697 г. по благословению архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия на ее месте была построена новая холодная церковь с папертью, рубленая из брусьев, также с завершением в виде шатра на крещатой бочке; на западной стороне церкви — двухвходное крыльцо, которое, как и притвор, было крыто тесом на два ската, сама церковь — на четыре ската; шатер и глава крыты чешуею, на нем пять чешуйчатых глав.

Церковь в длину 10 сажен, в ширину 5 сажен, в высоту 11,5 сажени; внутри (от пола до потолка) 3 сажени.

В 1841 г. церковь перекрыта и поправлена "без изменения внешних форм".

В 1867 г. долго обсуждался вопрос о том, на каком берегу Пинеги строить новую церковь.

В 1860-х гг. обе церкви пришли в ветхость, и вместо них при участии Веркольского монастыря в 1868 г. была построена новая церковь св. Николая на правом берегу Пинеги в селе Верколе, напротив монастыря. Освящена она была 19 февраля 1869 г. После же перевода церковей в село оставшиеся около монастыря церкви (св. Николая и Георгия) перешли в ведение Веркольского монастыря, а в 1883 г. были за ветхостью разобраны.

Новая же церковь, построенная в с. Верколе, была теплой, однопрестольной, на каменном фундаменте, с

колокольной в одной связи. В 1877 г. она была обшита тесом и окрашена охрой. В 1893 г. стены внутри ее были оклеены белыми обоями, а потолок выбелен.

Колокольня в Веркольском приходе была построена на двух столбах, по-видимому, еще до 1586 г. В 1690 г. священник веркольской Георгиевской церкви просил разрешения построить вместо нее новую. В 1714 г. отдельно стоящая рубленая колокольня была построена. После "поправки" в 1845 г. она получила завершение в виде "кумпола" со шпилем. Высота колокольни от основания до креста 12 сажен, поперек 3 сажени, на колокольне 5 колоколов, висящих в гужах. В описании 1867 г. сказано, что колокольня в плане была длиною и шириною 3 сажени один аршин, выше круглая — в диаметре 2,5 сажени.

15

Лавельский приход находится на правом берегу Пинеги. В конце XIX в. в нем было 7 селений.

Церковь Ильи Пророка в Лавельском приходе "клецки" была построена между 1590 и 1623 гг. Следующая, Ильинская, церковь возведена в 1690 г. по благословению архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия и освящена в 1706 г. Церковь стояла посредине Лавельского погоста. В 1725 г. церковь ремонтировалась. К 1758 г. относится благословенная грамота архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Варсонофия на поправку церкви и колокольни. В начале XIX в. этой церкви, по-видимому, уже не существовало, ибо в 1802 г. построена новая Ильинская церковь, рубленая, с трапезной и папертью, шатровая, одноглавая, с двухвсходным крыльцом, крытым тесом с зубчиками; над алтарем — глава.

Церковь в длину 13 саженей, ширину 4 сажени, высоту 16 сажен, внутри высота — 2 сажени. В 1822 г. по неизвестной причине она была разобрана. Новая церковь была срублена в 1823 г. В 1843 г. построена новая шатровая колокольня на четвериковом основании.

Она была обшита и крыта тесом, стены ее окрашены белилами.

В 1865 г. церковь и колокольня обгорели, а в 1872 г. совсем сгорели. После пожара церковь была восстановлена и освящена 15 декабря 1873 г. Она была крестообразной, с шатровым завершением и в одной связи с колокольней, обшита тесом и окрашена желтой краской. В 1900 г. под церковь был подведен новый фундамент из дикого камня, сделана новая крыша, перебраны полы.

В 1902 г. из старых бревен шатра Ильинской колокольни на кладбище построена церковь Двенадцати апостолов.

В 1857—1860 гг. в д. Заявзорской строится приписная церковь Рождества Иоанна Предтечи. Строительство ее закончено в 1863 г. Освящение церкви состоялось в 1865 г. Церковь однопрестольная, без колокольни, длиной 8 сажен.

16

Сурский приход в 1894 и 1911 гг. насчитывал 16 селений, из которых 6 находилось за р. Сурой.

Церковь Введения в Сурском погосте на левом берегу Пинеги была построена и освящена 21 ноября 1587 г. По устному преданию, церковь в этом году была перенесена на другое место с "крежа" (горы) и сколько она там стояла — неизвестно.

В 1623 г. упоминается церковь Введения "древяна вверх" крестообразная в плане, с трапезной. Кровли над четырьмя прирубам бочкообразные, паперть и одно крыльцо с западной стороны и одно с южной стороны покрыты тесом, на южном крыльце крыша шатровая. Церковь в длину и ширину кругом мерою 25 сажен, внутри церковь от пола до потолка высотой 3 сажени (по описанию 1817 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117).

В 1861—1862 гг. под церковь был подведен фундамент, поправлены стены, а полы и потолки перебраны.

В 1865 г. в ней установлен новый иконостас. 27 мая 1866 г. сделан каменный фундамент, церковь была обнесена папертью и вновь освящена 27 мая того же года. В 1891 г. она обшита и выкрашена.

Вторая церковь — св. Николая упоминается в 1623 г. Она была построена по благословенной грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия от 22 марта 1689 или 1693 г. Церковь теплая, пятиглавая, с шатром и с трапезной, на каменном фундаменте. Трапезная, прирубленное к ней крыльцо и паперть крыты тесом на два ската. Высота церкви с внутренней стороны до креста 14 сажен, внутри от пола до потолка 2 сажени 2 аршина. В 1848 г. церковь была отремонтирована (по описанию 1856 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 748).

В 1894 г. Николаевская церковь была разобрана, а в 1897 г. перенесена на приходское кладбище, где освящена в 1898 г. во имя Лазаря. Церковь была в одной связи с колокольней на каменном фундаменте.

Вопрос о строительстве новой Николаевской церкви в приходе стоял еще в 1887 г. Она была возведена в 1891 году. Это была каменная, крестообразная в плане постройка. В ней было три престола: главный св. Николая, с севера — великомученицы Параскевы Пятницы, с юга — св. Иоанна Рыльского. На паперти в 1902 г. была устроена каменная колокольня.

До середины XVIII в. колокольня эта, по-видимому, одна — рубленая, восьмиугольная, шатровая, крытая тесом, высотой 16 сажен. Новая постройка в 1754 г. В описании 1840 г. сказано, что она была рубленой, восьмериковой, на 8 столбах, трехъярусной. В 1888 г. за ветхостью разобрана.

17

Сулецкий приход был образован в 1883 г. Расположен на правом берегу Пинеги. В 1894 г. в нем было два селения. До этого года его селения входили в состав Сурского прихода.

Церковь Спаса Преображения построена на Сульце

в 1856 г. Она теплая, однопрестольная, без паперти и трапезной, без колокольни (два колокола висели на столбе). В 1888 г. семь колоколов висели на четырех столбах, крытых тесом. В 1889 г. к храму было прирублено крыльцо. В этом же году разрешено было построить новую деревянную церковь Преображения в виде креста позади существовавшей. Новую церковь начали строить в 1902 г., закончили — в 1904 г., освятили в 1906 г. Церковь теплая, на фундаменте из серого камня, обшита тесом, в одной связи с колокольней.

18

Нюхченский приход на р. Нюхче, при впадении ее в Пинегу. В 1894 и 1911 гг. в приходе было 3 селения.

Приход возник в конце XVII в. Церковь св. Георгия в Нюхченском погосте впервые упоминается в 1678 г. Сгорела в середине XVIII в.

Вместо нее в 1792 (или 1794) г. была построена церковь Одигитрии Богородицы с приделом св. Георгия, теплая, с трапезной, шатровая, двухэтажная, крыта и обшита сосновым тесом. Высота ее 20 сажен, кругом по фундаменту 25 сажен.

Колокольня была построена над трапезной в 1775 г., рублена кверху до звонов из круглых деревьев, "о четырех и осми гладких углах", "в одном ярусе", над звоном и крышей "кумпол" и шпиль с небольшой главкой, снаружи обшита тесом и окрашена. Высота ее 16 сажен. В 1829 г. о колокольне сказано: "колокольня на одном столбе, который обрублен осмериком не очень высоко и ничем не покрыт" (из описания 1829 г.— ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 38). Церковь вместе с колокольней сгорела в июле 1831 г.

Храмозданная грамота на строительство новой церкви Одигитрии была дана в 1844 г., в 1846 г. ее начали строить, а в 1848 г. закончили и 15 июня 1850 г. освятили. Церковь теплая, одноглавая, одноэтажная, четвероугольная "в виде корабля", с приделом св. Георгия, покрыта тесом, на фундаменте из серого камня.

Высота церкви 7 сажень, длина 8,5 сажени, ширина 4,5 сажени, а кругом по фундаменту 26 сажень.

В 1848 г. над папертью церкви устроена колокольня в одной связи с церковью, крыта тесом, высотой 8 сажень с полуаршином.

В 1891 г. церковь была перекрыта, обшита тесом и окрашена. В 1896 и 1898 гг. ее ремонтировали: обшили тесом, перебрали полы и покрасили охрой. Внутри оштукатурили и выбелили потолки и стены, устроили новые печи. В 1901 г. в церкви сделали новый иконостас. В 1914 г. церковь вновь ремонтировалась.

В описании 1834 г. упоминаются еще две церкви, о которых в других источниках сведений нет. "В том же приходе издревле на том месте построена деревянная церковь во имя Богоявления, 11-главая, двухэтажная, с приделом Филиппа митрополита и Климента священномученика, в верхнем этаже придел Троицы. Церковь сгорела в 1769 г."; "В оном же приходе была издревле в том же погосте по южную сторону построена деревянная церковь Николы, она сгорела в июле (1831 г.) от молнии" (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 332).

19

Выйско-Ильинский приход расположен на берегу р. Выи при впадении ее в Пинегу. Церковь Ильи Пророка в Выйском приходе была построена на средства прихожан в 1600 г. Она была холодной, шатровой, одноэтажной, восьмиугольной, с западным крыльцом о трех входах. Есть предположение, что в ней первоначально не было потолка. Длина церкви и поперечника 5 сажень, от основания до креста — 19 сажень. (Из описания 1881 г.— ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 656.)

Вторая церковь — Афанасия и Кирилла Александрийских — теплая, "древяна вверх", упоминается в писцовой книге 1623 г. Она сгорела в 1674 г. К 1675 г. относится грамота патриарха Иоакима на построение двухпрестольной церкви во имя Николая Мирликийского и Афанасия и Кирилла Александрийских. В тот

же год и была построена новая теплая церковь с приделом Николая Мирликийского. Одновременно рядом возведена колокольня. В 1853 г. "за ветхостью" церковь была "запечатана", т. е. богослужение в ней не совершалось и, как сказано, "она к поправке не годится". Церковь сгорела 2 декабря 1868 г.

В 1864—1868 гг. построена и освящена новая теплая церковь во имя Николы Мирликийского — в византийском стиле, с колокольней на одном основании. Иконостас для нее был взят из упраздненной теплой церкви.

В 1868 г. церковь сгорела. В 1871 г. разрешено было построить новую, тогда же и начали заготавливать лес. Церковь была построена и освящена 21 июля 1878 г. Она стояла на каменном фундаменте, была окрашена зеленой краской, главы и колокольня обшиты железом. Церковь представляла собой квадрат по четыре сажени во все стороны, высота внутри до устроенного в виде свода потолка 3,5 сажени, длина трапезной 4 сажени, ширина 3,5 сажени, высота 2 сажени; алтарь длиной 2 сажени, шириной 3,5 сажени, высотой 2 сажени (по описанию 1881 г.— ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 656).

В 1904 г. церковь снаружи обита тесом, а в 1906 г. окрашена белой краской.

20

Спасо-Преображенский приход находился на правом берегу Пинеги. Приходская церковь существовала здесь уже с XVI в.

Церковь Преображение Спасово холодная, шатровая ("древяна вверх"), одноэтажная, что в Малой Пинеге, упоминается в писцовой книге 1623 г.

В 1669 г. в этом же приходе на средства прихожан была построена и освящена новая, шатровая церковь Преображения. Храм был крестообразный, главы, купол на алтаре и крыльцо покрыты чешуею, крыльцо имело бочкообразную форму кровли. Высота храма 24 сажени, а от пола до потолка 3,5 сажени, шатер высотой 8 сажени.

Вторая приходская церковь — св. Георгия — упоминается в той же писцовой книге 1623 г. Она была теплая, "древяна клецки". В 1680 г. на средства прихожан была построена и освящена новая шатровая, одноэтажная церковь св. Георгия. Колокольня стояла отдельно от церкви.

В течение 1860—1875 гг. велась переписка о постройке новой церкви в Малопинежском Спасо-Преображенском приходе. В своем прошении крестьяне указывали, что храм Георгия "от древности пришел в ветхость". В 1875 г. там был построен и освящен новый теплый, деревянный, шатровый, одноэтажный храм.

Оба храма (Преображение и Георгия) с колокольной сгорели 18 марта 1908 г. После этого временно служба стала совершаться в здании церковно-приходской школы, к которой был прирублен алтарь и в нем поставлен иконостас, вынесенный из сгоревшего храма.

На протяжении 1910—1914 гг. шла переписка о постройке храма в Малопинежской волости. В 1912 г. готовили лес на его строительство. Строительство Преображенского храма было закончено в 1914 г. и храм был освящен 11 октября того же года.

Колокольня сначала стояла отдельно от церквей. В 1875 г. теплая церковь была построена в связи с колокольной. После пожара новая колокольня также в одной связи с церковью была построена в 1914 г.

*Карта-схема территории Кеврольского уезда
с указанием погостов (сел).*

Условные знаки ○

погост (село); † монастырь

1. Пильи Горы	Пильегорский приход
2. Усть-Поча	Устьпоченгский приход
3. Перемский	Перемский приход
4. Чакольский	Чакольский приход
5. Пиринемь	Пиринемский приход
6. Покшеньга	Покшенгский приход
7. Шотогоры	Шотогорский приход
8. Карпогоры	Карпогорский приход
9. Ваймуша	Ваймушский приход
10. Немнюга (Большой погост)	Кевроло-Воскресенский приход
11. Кеврола	Кевроло-Троицкий приход
12. Чухченема	Чухченемский приход
13. Шардонема	Шардонемский приход
14. Веркола	Веркольский приход
15. Лавела	Лавельский приход
16. Сура	Сурский приход
17. Сульца	Сулецкий приход
18. Нюхча	Нюхченский приход
19. Выя	Выйско-Ильинский приход
20. Малая Пинежка	Спасо-Преображенский приход

Примечания

Здесь приводится название архива, номера фондов, описей и дел, сведения из которых использованы в работе, в скобках — их дата, а затем, через тире, номера приходов по схеме.

ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 118 (1854) — 5, 12; Д. 578 (1853) — 3, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 18; Д. 912 (1902) — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18.

Там же. Оп. 3. Д. 147 (1865) — 15; Д. 177 (1909) — 2; Д. 189 (1887) — 16; Д. 276 (1909) — 3; Д. 1006 (1804) — 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18; Д. 4623 (1883) — 2; Д. 5279 (1891) — 16.

Там же. Оп. 4. Д. 27 (1887) — 2; Д. 88 (1888) — 13; Д. 89 (1887) — 7; Д. 189 (1887) — 16; Д. 2835 (1788) — 12; Д. 4493 (1884) — 14; Д. 4613 (1890) — 4; Д. 4979 (1891) — 12; Д. 4991 (1889) — 11; Д. 5212 (1891) — 7; Д. 5264 (1887) — 3; Д. 5279 (1891) — 16; Д. 5293 (1888) — 2; Д. 5295 (1891) — 5; Д. 5389 (1889) — 17; Д. 5616 (1892) — 1; Д. 5734 (1889) — 15; Д. 5870 (1890) — 8; Д. 5872 (1893) — 4; Д. 5882 (1891) — 8; Д. 6127 (1891) — 9; Д. 6136 (1891) — 8; Д. 6220 (1891) — 5; Д. 6237 (1892) — 12; Д. 6349 (1892) — 10; Д. 6354 (1892) — 10; Д. 6377 (1892) — 3; Д. 6447 (1909) — 10; Д. 6455 (1893) — 12; Д. 9858 (1909) — 1; Д. 9946 (1909) — 14; Д. 9956 (1909) — 4; Д. 10059 (1908) — 6; Д. 10105 (1910) — 7; Д. 10133 (1910) — 10; Д. 10343 (1911) — 4; Д. 10365 (1910) — 10; Д. 10373 (1913) — 4, 5; Д. 10488 (1912) — 8; Д. 10748 (1913) — 3; Д. 10869 (1914) — 18; Д. 10914 (1914) — 11; Д. 10925 (1915) — 11; Д. 10935 (1914) — 14; Д. 10999 (1915) — 2; Д. 11039 (1915) — 2.

Там же. Оп. 8. Д. 118 (1874) — 2.

Там же. Оп. 31. Д. 109 (1800) — 1, 2, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13; Д. 117 (1802) — 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 16; Д. 123 (1803) — 6, 14, 16; Д. 127 (1849) — 7, 9, 16, 18; Д. 154 (1891) — 6, 9; Д. 168 (1814) — 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15; Д. 200 (1819) — 1, 2; Д. 203 (1820) — 6, 13; Д. 209 (1819) — 1, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 15; Д. 226 (1868) — 9, 14; Д. 257 (1829) — 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10; Д. 278 (1875) — 12; Д. 332 (1834) — 18; Д. 593 (1847) — 1, 3, 4, 5, 8, 9, 14; Д. 607 (1849) — 1, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 18; Д. 662 (1854) — 1, 3; Д. 732 (1856) — 9; Д. 733 (1856) — 4, 5; Д. 734 (1856) — 11, 14; Д. 737 (1856) — 4, 8, 10; Д. 738 (1856) — 10, 11; Д. 739 (1856) — 11; Д. 742 (1856) — 4, 15; Д. 744 (1856) — 3; Д. 746 (1856) — 1; Д. 748 (1856) — 16; Д. 749 (1856) — 4; Д. 752 (1856) — 13; Д. 751 (1856) — 12; Д. 888 (1852) — 1,

3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18; Д. 1129 (1877) — 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17; Д. 1142 (1878) — 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18; Д. 1253 (1883) — 1; Д. 1441 (1888) — 3, 4, 5, 6, 7, 9, 15, 18; Д. 1509 (1891) — 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10; Д. 1661 (1896) — 10; Д. 1734 (1888) — 3; Д. 1775 (1899) — 5; Д. 1804 (1900) — 4; Д. 1932 (1904) — 1; Д. 2042 (1907) — 2, 3; Д. 2835 (1788) — 12.

Там же. Оп. 36. Д. 84 (1853) — 10; Д. 89 (1854) — 3.

Там же. Оп. 37. Д. 37 (1729) — 9; Д. 38 (1829) — 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 18; Д. 84 (1853) — 10; Д. 100 (1845) — 1; Д. 127 (1849) — 3, 6, 8; Д. 203 (1820) — 14; Д. 226 (1867) — 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 15, 16; Д. 269 (1875) — 1, 10; Д. 278 (1875) — 6, 7, 10, 13, 14, 15, 16, 18.

Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 142 (1867) — 9, 12, 14; Д. 1234 (1833) — 13; Д. 1346 (1884) — 4; Д. 1872 (1890) — 4; Д. 1956 (1891) — 12; Д. 2051 (1892) — 16; Д. 2148 (1892) — 16; Д. 2411 (1897) — 1; Д. 2454 (1903) — 3; Д. 2492 (1898) — 8; Д. 2566 (1899) — 16; Д. 2567 (1899) — 16, 17; Д. 2744 (1902) — 7; Д. 2980 (1906) — 13; Д. 3096 (1908) — 13.

Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 96 (1832) — 6.

Там же. Ф. 469. Оп. 1. Д. 66 (1886) — 1.

Там же. Ф. 470. Оп. 1. Д. 25 (1902) — 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18.

Там же. Ф. 510. Оп. 1. Д. 20 (1894) — 4.

Там же. Ф. 1025. Оп. 3. Д. 1236а (1808) — 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16.

ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4989 (1801) — 19; Д. 5056 (1803) — 19, 20; Д. 10495 (1860) — 20; Д. 12049 (1850) — 19, 20; Д. 12533 (1854) — 19, 20; Д. 12596 (1854) — 19, 20; Д. 13805 (1864) — 19, 20; Д. 13809 (1864) — 19; Д. 18893 (1910) — 20.

Там же. Оп. 4. Д. 646 (1871) — 19, 20; Д. 656 (1881) — 19, 20; Д. 682 (1900) — 18, 19, 20; Д. 688 (1908) — 18; Д. 702 (1915) — 19, 20; Д. 706 (1917) — 20.

Филиал ГАВО в Великом Устюге. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7924 (1912) — 20.

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 185, 186, 15054, 15055.

Опубликованные источники и литература

ГПБ. ОР. Собрание грамот. № 4556 — 12.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. II. Архангельск, 1895.

Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971.

Мильчик М. И. Строительная порядная запись 1642 г. из архива Пинежских крестьян // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46 (В печати).

ТЕПЛЫЕ ЦЕРКВИ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА
(предварительный обзор)

ИЗУЧЕНИЕ архивных и натурных источников позволяет выделить среди культовых построек группу так называемых теплых церквей. Употребление термина "теплая" весьма условно и служит для обозначения культовых сооружений, в структуру которых включается печь. Как мы увидим дальше, печь является непременным атрибутом западной части церкви, часто называемой в документальных источниках "трапезной". Наиболее ранние из известных упоминаний о теплых церквях относятся к концу XV—XVI в. Так, к примеру, обозначается одна из двух церквей погоста в платежной книге Каргопольского уезда 1562 г.: "...Волость Тихменга на речке на Тихмонге. А в ней погост. А на погосте церковь Никола Чудотворец, да теплая церковь Введение Пречистые"¹. Надо сказать, что термин "теплая" употребляется только при сопоставлении с другой, соседней церковью. Когда на погосте стоит одна церковь, то не указывается, теплая она или холодная. В этой связи надо отметить, что понятие "холодная" (или "летняя") условно и закрепилось в позднейших архивных источниках в значении, противоположном понятию "теплая" церковь. Этот факт тем более интересен, что из него совсем не следует при отсутствии слова "теплая" считать храм обязательно "холодным". Об этом свидетельствуют прежде всего данные об устройстве "теплых" церквей.

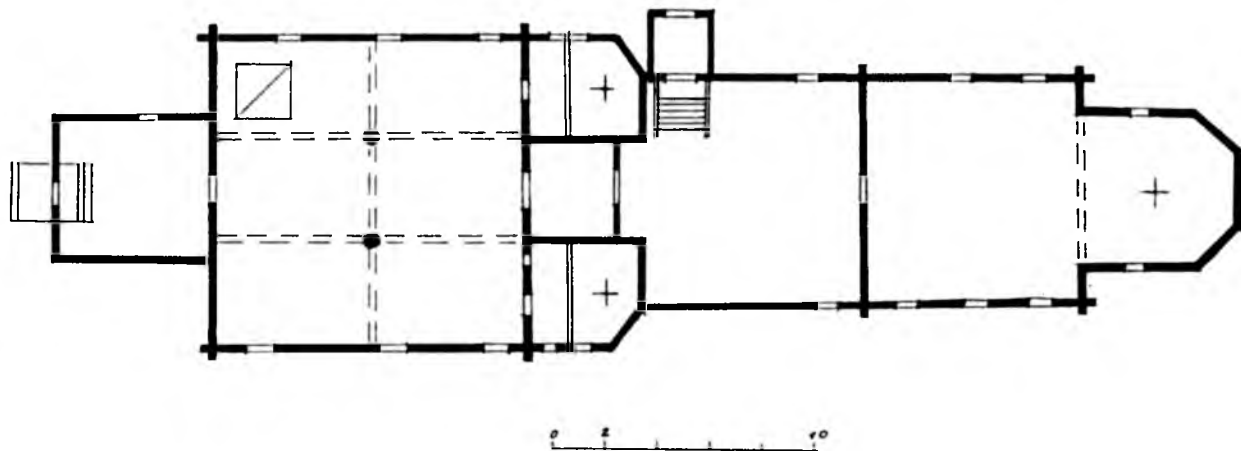
Деревянные теплые церкви сохранились преимущественно на Севере, то есть в современной Архангельской

области, частично в Карелии, Ленинградской, Мурманской и Вологодской областях. Сразу оговоримся, что тип теплой церкви распространен по всей территории России и в большей ее части в каменной архитектуре². В нашем исследовании это касается прежде всего юга территории бывшей Вологодской губернии, которая входит в состав современной Архангельской области: это Котласский, Яренский, Вельский, Красноборский, Верхнетоемский районы. Большинство каменных церквей были построены в конце XVIII—XIX в. вместо обветшавших или сгоревших деревянных. Понимая, что различия в строительном материале, безусловно, наложили отпечаток на ряд архитектурно-конструктивных признаков, мы все же считаем функционально-планировочную структуру каменных церквей аналогичной деревянным. Об этом говорят и факты сосуществования в ряде поселений Севера каменных и деревянных церквей, планировочная структура которых идентична.

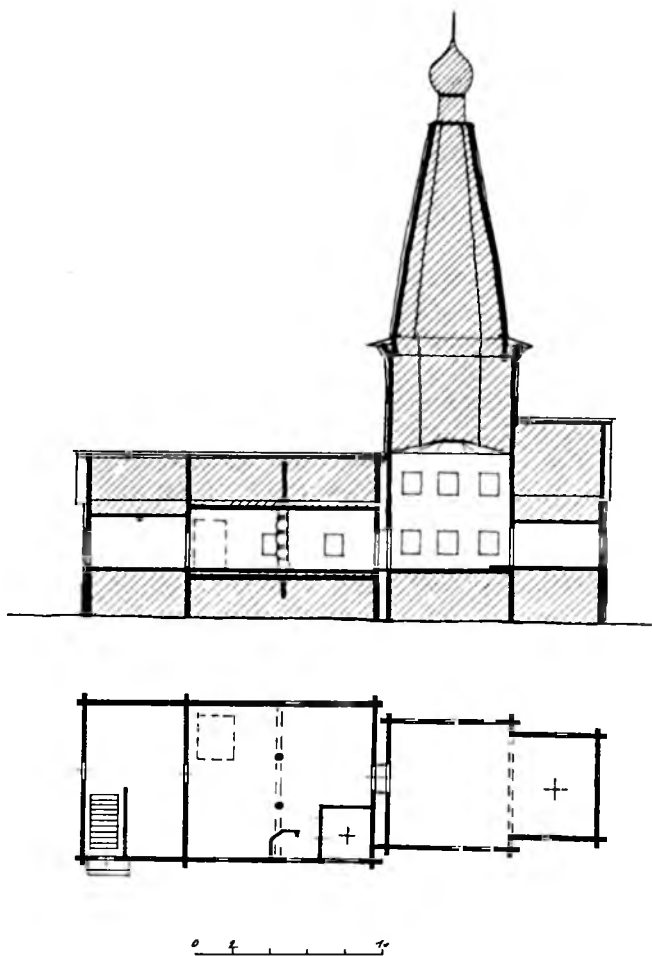
Наиболее полное представление о распространенности теплых церквей дает "Краткое историческое описание приходов..."³. Данный тип сооружения являлся составной частью почти каждого прихода. Исследования последних лет позволяют углубить наши знания о культовых постройках. Это удастся сделать благодаря архитектурно-археологическим исследованиям отдельных памятников в сочетании с систематическим изучением архивных источников⁴. Одна из попыток соединения преимуществ системного анализа архивных документов с подробным изучением отдельного памятника в натуре сделана в Архангельской реставрационной мастерской⁵. Здесь были изучены по документам деревянные церкви Каргополья в границах XVI в. Сравнение полученных данных позволило выявить целый ряд признаков, характерных для памятников названного региона и для Севера в целом.

Знакомство с архивными и натурными материалами дает возможность разделить церкви на группы по их конструктивным и функциональным признакам.

Первая группа объединяет так называемые двойные церкви. Их функциональный и конструктивный признак

*Ил. 1. Никольская церковь. XVIII в.
с. Павловское Каргопольского района Архангельской области.
План (реконструкция по данным натурного обследования фундаментов и фотографиям)*

Ил. 2. Рождественская церковь. XVIII в.
 д. Большая Шалга Каргопольского района Архангельской области.
 Разрез и план (по обмерам А. В. Ополовникова,
 В. А. Крохина. 1952 г.)

— деление на холодную и теплую (отапливаемую) части культового комплекса. Встречаются следующие разновидности таких сооружений:

а) две самостоятельные церкви, теплая и холодная, конструктивно объединены в единую связь через паперть холодной церкви. Каждая церковь комплекса имеет самостоятельный вход (ил. 1);

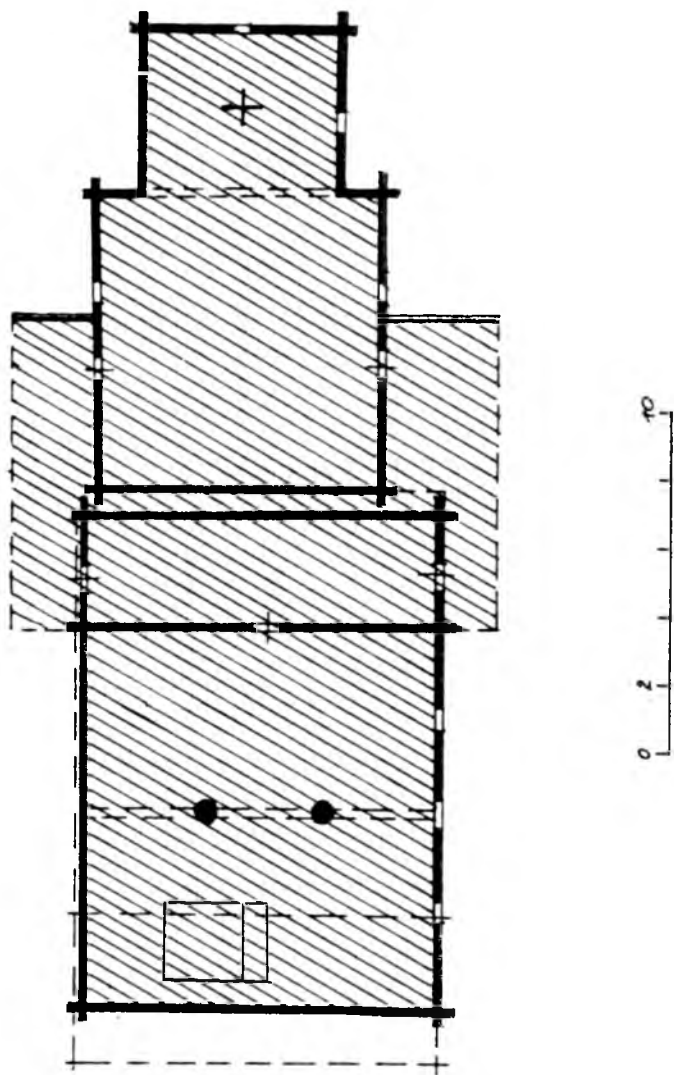
б) две самостоятельные постройки: теплая трапезная с размещенным в ней приделом и холодная церковь; вход в холодную церковь осуществляется через трапезную (ил. 2);

в) две самостоятельные постройки, теплая трапезная и холодная церковь, объединенные в единую связь через паперть-галерею. Особенностью устройства таких комплексов является то, что паперть холодной церкви, расположенная в соответствии с церковными правилами с западной стороны, является одновременно и входом в трапезную, но с восточной стороны. Надо сказать, что памятников, имевших в чистом виде такую структуру, не сохранилось. Однако о таком устройстве говорят некоторые архивные и археологические данные. Архитектурно-археологическое исследование одного из таких памятников⁶, а также более поздние примеры доказывают возможность существования такой структуры в более раннее время, в XVI—XVII вв. (ил. 3, 4).

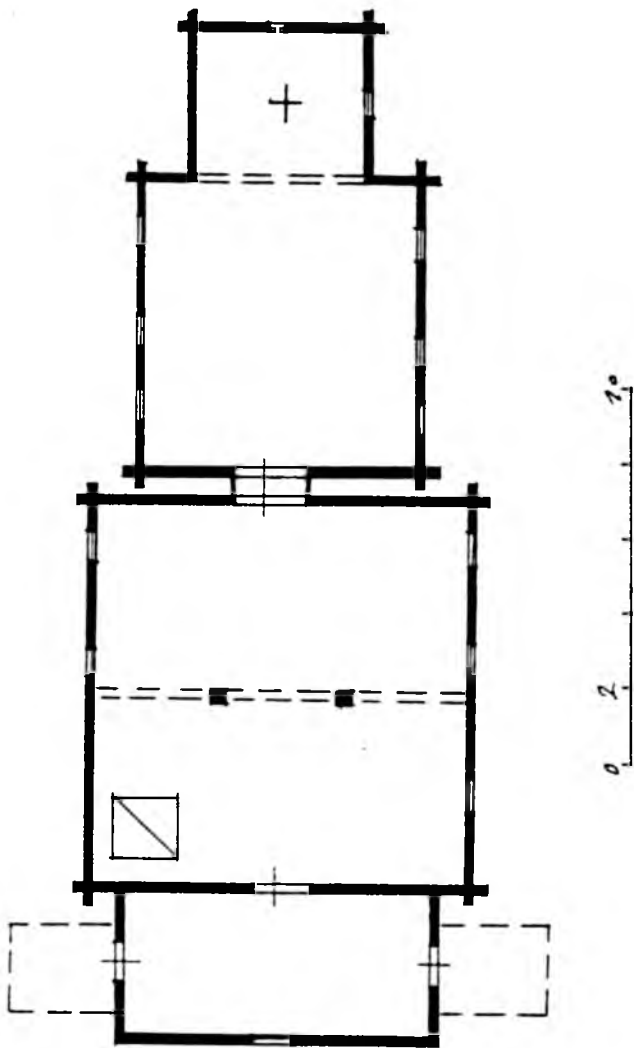
По данным натурального и архивного изучения, первая группа построек была распространена по побережью Белого моря, в южном Приладожье и Поонежье. В Вельском, Котласском, Яренском районах — аналогичные храмы, но каменные.

Вторая группа построек объединяет теплые церкви, сходные в функциональном и конструктивном отношениях. Основное отапливаемое помещение в них — трапезная. Через систему продухов и дверной проем в смежной стене теплый воздух попадает в основное помещение церкви и алтарь. Зафиксировано две разновидности этой группы:

а) теплая церковь с развитой трапезной и прирубленным с восточной стороны молитвенным помещением меньших размеров. Алтарь иногда уступает по отношению к нему в плане, но иногда делается с ним в одних стенах (ил. 5);

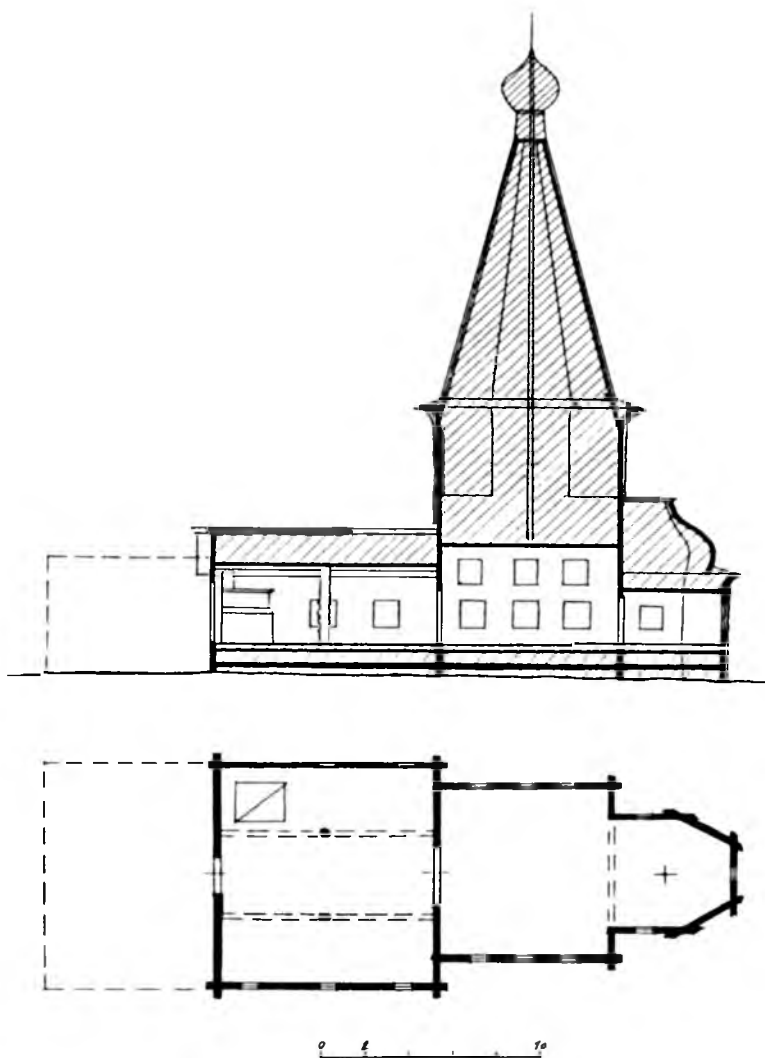

*Ил. 3. Церковь Иоанна Златоуста. XVIII в.
с. Саунино Каргопольского района Архангельской области.
План (реконструкция по данным
архитектурно-археологического обследования)*

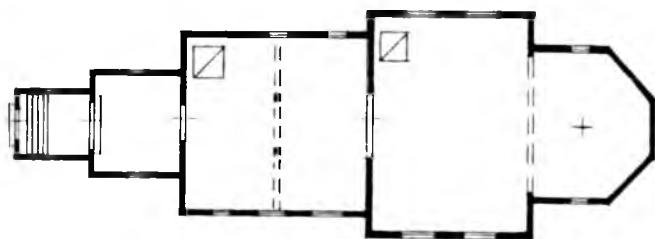
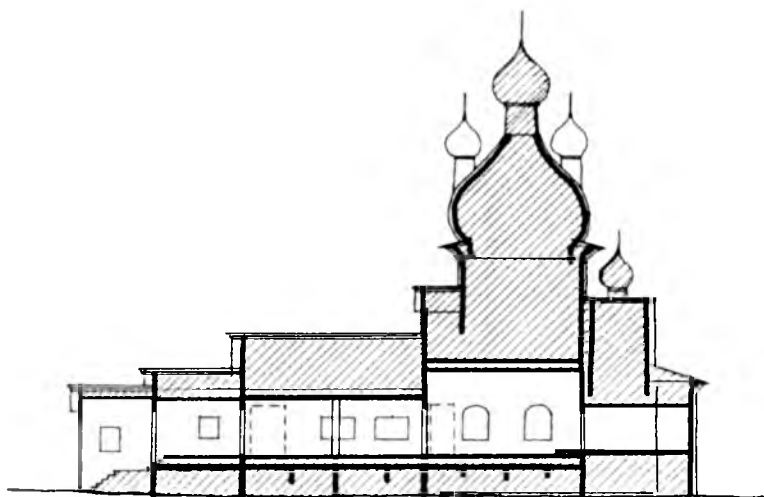
*Ил. 4. Церковь Климента. XVII в.
с. Пялы Онежского района Архангельской области.
План (по реконструкции В. А. Крохина)*

б) теплая церковь, в которой отапливаются оба помещения — трапезная и собственно храм. В таких

*Ил. 5. Никольская церковь. XVIII в.
 Ратонаволоок Холмогорского района Архангельской области.
 Разрез и план (по обмерам Швера. 1954 г.)*

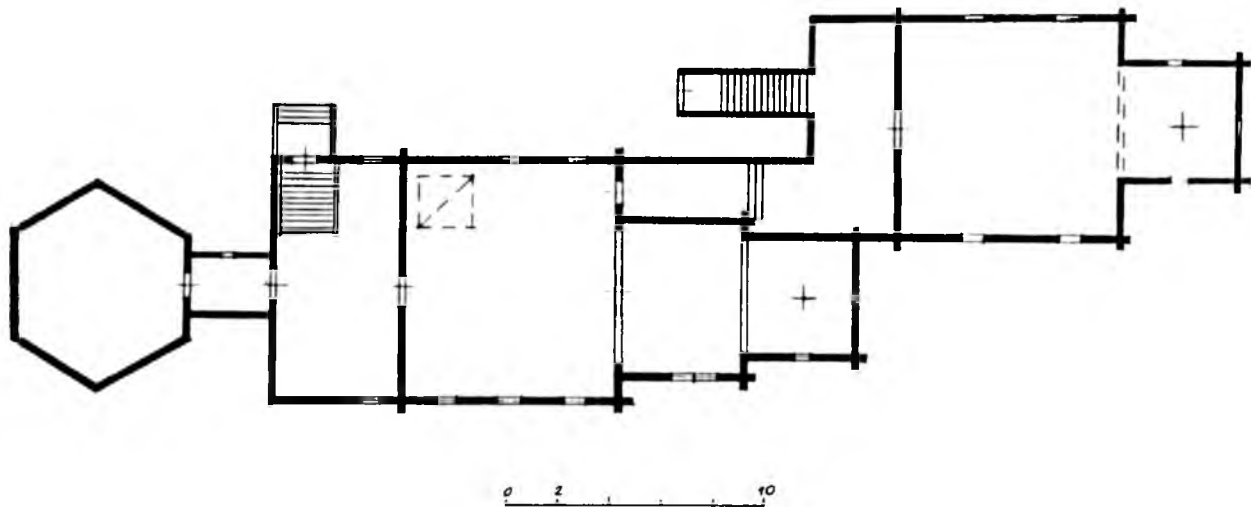
случаях они имеют либо одинаковые размеры, либо трапезная меньше храма (ил. 6).

*Ил. 6. Тихвинская церковь. XVIII в.
Верховье Онежского района Архангельской области.
Разрез и план (по обмерам Зайцева. 1986 г.)*

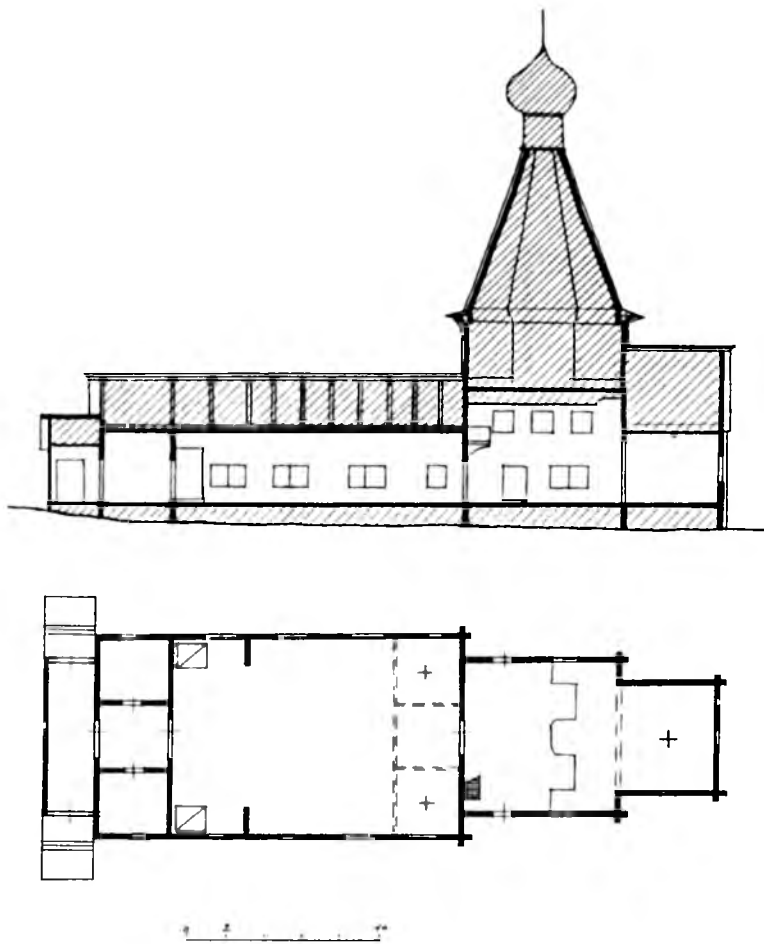
Эта группа построек распространена на среднем и нижнем Подвинье, на Пинеге и Мезени. В Каргополье данный тип, как правило, является составной частью тепло-холодного комплекса (ил. 7).

Третья группа построек немногочисленна и объединяет церкви, состоящие из теплой и холодной частей с жесткой связью в виде смежной стены между ними.

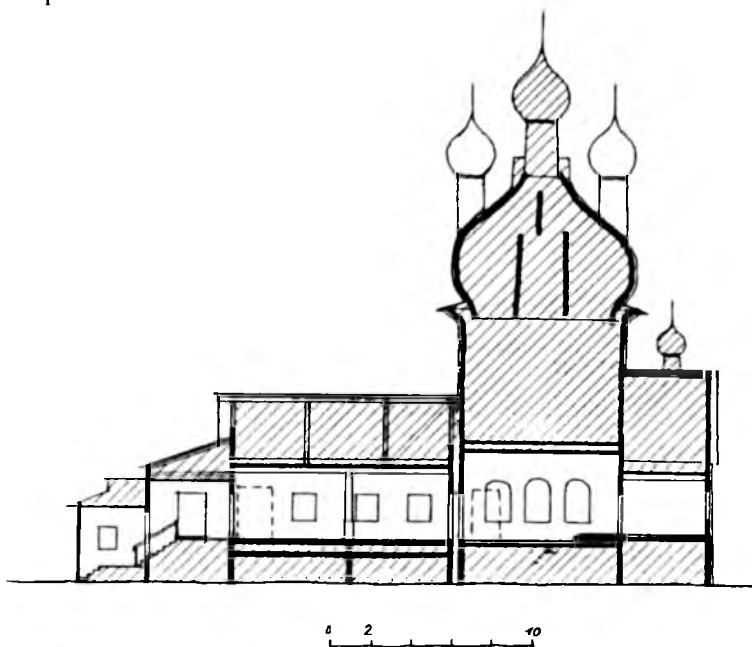
Ил. 7. Церковь Честных Древ. XVIII в.
Почозеро Плесецкого района Архангельской области.
План

Конструктивно оба храма связаны через переруб, чаще всего в полбревна. Эти комплексы можно было бы отнести к разновидности первой группы, однако конструктивная связь заставляет особо выделить их как промежуточную группу (ил. 8). Распространена эта группа в нижнем Подвинье.

*Ил. 8. Никольская церковь. XVIII в.
Концецдворье Приморского района Архангельской области.
Разрез и план (по обмерам Зайцева. 1981 г.)*

Четвертая группа построек представляет церкви, состоящие из двух отдельных срубов, объединенных в одну связь — теплой трапезной с приделом и теплого храма с алтарем. Эта группа построек также немногочисленна и может быть отнесена к промежуточной (ил. 9). Встречаются эти храмы на Онеге и побережье Белого моря.

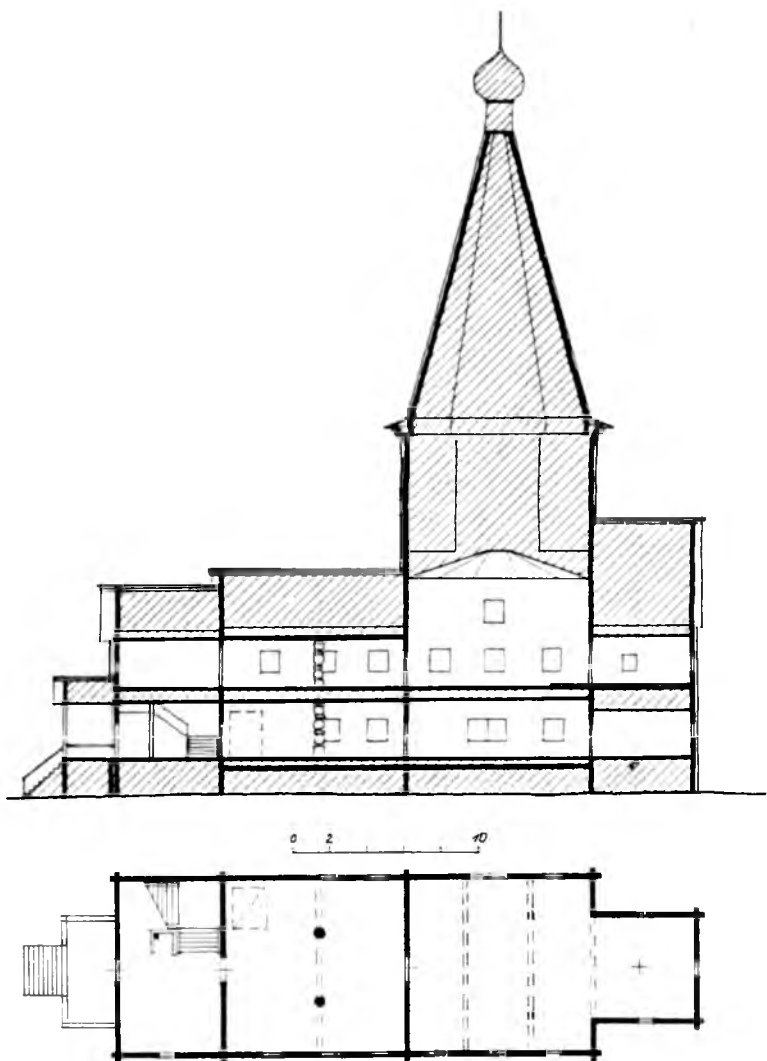

*Ил. 9. Церковь Климента. XIX в.
с. Пяла Онежского района Архангельской области.
Разрез (по обмерам В. А. Крохина)*

Пятая группа построек объединяет двухэтажные церкви. Теплая всегда занимает первый этаж, холодная — второй. Зафиксировано две разновидности этой группы построек:

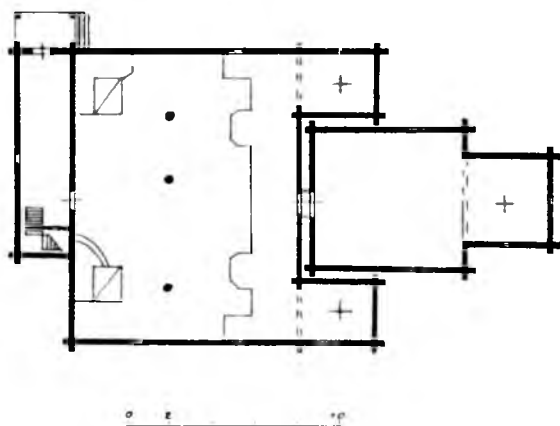
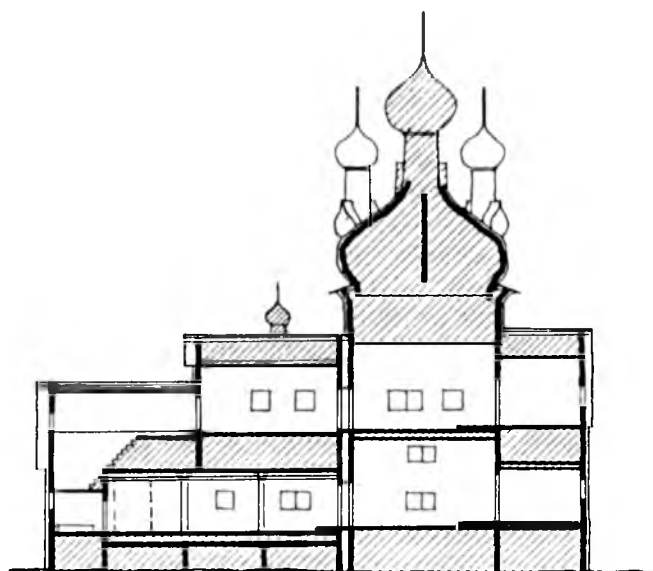
а) теплая трапезная церковь конструктивно повторяет структуру второй группы построек. Холодная церковь имеет самостоятельный вход с улицы (ил. 10);

*Ил. 10. Покровская церковь. XVIII в.
с. Лядины Каргопольского района Архангельской области.
Разрез и план (по обмерам В. А. Крохина. 1956 г.)*

б) двухэтажная холодная церковь с отдельно стоящей теплой трапезной (трапезной церковью), объединенные

Ил. 11. Вознесенская церковь. XVII в.
 с. Кушерека Онежского района Архангельской области
 (перевезена в Архангельский государственный музей деревянного
 зодчества и народного искусства).
 Разрез и план (по обмерам В. А. Крохина)

в одну связь. Конструктивно и функционально первый этаж комплекса аналогичен структуре первой группы построек. Холодная церковь имеет самостоятельный вход с улицы (ил. 11).

Наибольшее распространение этот тип церкви получил в верховьях Двины и сохранился преимущественно в каменных постройках. В дереве отдельные памятники встречаются на территории Каргополя. По архивным документам этот тип прослеживается, но преобладающим в регионе не является.

Итак, мы рассмотрели основные группы теплых храмов и их разновидности. Предложенная классификация базируется в основном на данных натуральных и архивных материалов позднейшего периода. В рамках настоящей работы, к сожалению, невозможно проследить историю формирования каждой группы, поэтому выводы носят предварительный характер.

Уже на этой стадии изучения становится ясно, что на Архангельском Севере по функциональному зонированию выделяются три основные группы теплых церквей:

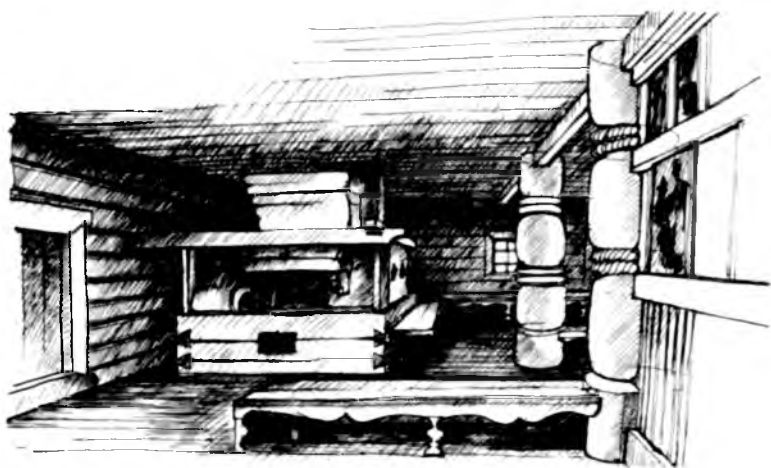
а) собственно теплые трапезные церкви — 2 группа построек; б) комплексы, включающие в свою структуру теплую и холодную церкви — 1 группа построек; в) комплексы двухэтажные, включающие в свою структуру теплую и холодную церковь — 5 группа построек. 3 и 4 группы обозначены нами как промежуточные. Каждая вбирает в себя оба признака первой и второй групп. Территория распространения — побережье Белого моря — позволяет сделать предположение о том, что регион Поморья, особенно низовья Двины и Онеги, являлся зоной активного контакта двух культурных традиций. Это подтверждается и наличием различий в группе двухэтажных теплых-холодных церквей.

Исследование особого типа — теплой церкви — в деревянной архитектуре Севера позволяет сделать вывод о том, что ее главным признаком является наличие отапливаемой трапезной как структурного элемента культового комплекса. Устойчивость этого признака во всех рассматриваемых примерах говорит о его уни-

версальности применительно к приходским церквям. В этой связи нельзя не заметить условности и относительности понятия теплая (отапливаемая) трапезная. В действительности топка печи в трапезной не дает возможности нагреть столь большое помещение, особенно в теплых трапезных церквях 2 группы. Если сложно нагреть одну трапезную, то, по существу, невозможно нагреть все три помещения: трапезную, храм и алтарь. Не случайно в XIX в. стали появляться церкви, в которых отапливались трапезная и храм отдельными печами. Но если в этот период явно просматривается забота о том, чтобы нагреть церковь, то как объяснить недостаток тепла в более старых церквях? На этот вопрос еще предстоит ответить исследователям.

С нашей точки зрения, чтобы приблизиться к пониманию феномена теплой трапезной церкви, следует изучить механизм протапливания печей в трапезных. К сожалению, это изучение осложняется отсутствием сохранившихся образцов печей в церквях. По имеющимся немногочисленным натурным и архивным данным, на Севере встречались два варианта печей: а) печи, топившиеся изнутри помещения трапезной; б) печи, топившиеся "ис поду", то есть снизу. Видимо, в отличие от первого второй вариант представляет довольно сложную систему двухъярусной печи, где топливник располагается ниже пола основного помещения. Некоторое представление о таких печах дают письменные источники, упоминающие о двухэтажных каменных монастырских трапезных палатах⁷. На первом этаже располагались хозяйственные помещения (хлебопекарня, поварня). На втором этаже, в трапезной, размещалась столовая с изразцовой печью. Назначение печи в монастырской трапезной палате достаточно ясно. Между тем остается вопрос, как могла использоваться печь в обычной трапезной приходской церкви. Некоторые материалы довольно красноречиво говорят о языческих истоках ее назначения⁸. Роль печи должна была быть в ней огромной. Известно, например, что раньше частым явлением были трапезные палаты, топившиеся "по-черному". В северных церквях повсеместная замена "чер-

ных" печей на "белые" происходила в конце XVIII—XIX вв. Им на смену приходили в лучшем случае печи, имеющие каменный дымоход (ил. 12). В позднейшее время наи-

*Ил. 12. Церковь Иоанна Златоуста. XVII в.
д. Саунино Каргопольского района Архангельской области.
"Белая" печь в трапезной
(реконструкция по сохранившимся следам)*

большее распространение получили так называемые "галанки" — печи, предназначенные только для отопления трапезной. Для нас интересно, что печь, от которой избавлялась официальная церковь, была "черная", что почти одно и то же — "хлебная" или "варочная". Наличие такой печи в известной мере отвечает на вопрос, что же могло происходить в трапезной приходской церкви до реформ второй половины XVII в.

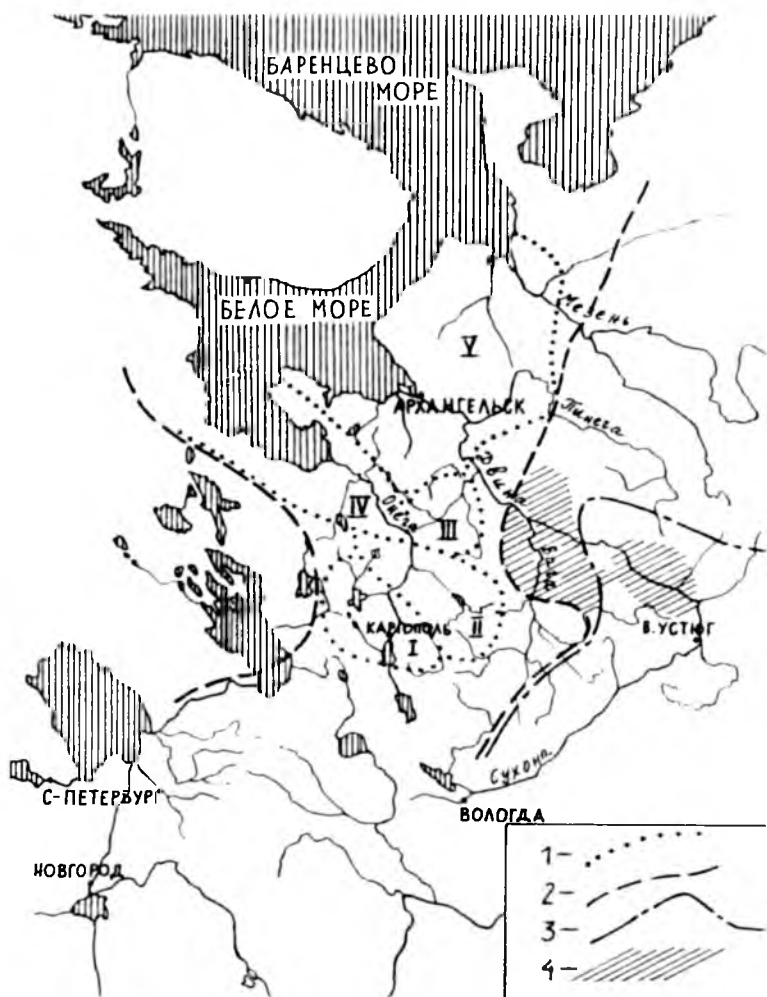
Становление типа трапезной теплой церкви, как известно, происходило в условиях формирования Московского централизованного государства⁹. В этот период в монастырском строительстве в связи с принятием в начале XVI в. "общежительного устава" большое распространение получили каменные трапезные палаты, характерной особенностью которых явилось устройство

одного каменного столба посередине квадратного в плане помещения¹⁰. Одновременно с ними, как следует из "платежниц" и "сотниц", на Севере упоминаются "теплые" деревянные церкви. Если учесть установленный факт распространения во второй половине XVI в. теплой трапезной церкви как "монастырской", то как тогда называть теплые приходские деревянные церкви, которые фигурируют в документах с начала XVI в.? Сколь правомерным было бы связывать во времени и пространстве эти два явления?

Уже первое поверхностное знакомство с теплыми деревянными церквями показало, что трапезные в приходах отличаются от трапезных в монастырях. Первое и самое главное отличие — устройство в приходской трапезной "черной" печи, что, вероятно, было недопустимо в монастырской трапезной палате. Второе отличие — одностолпию монастырских противопоставляется двухстолпие приходских трапезных. Пожалуй, этого уже достаточно, чтобы поверить в отсутствие прямого взаимного влияния двух типов трапезных, по крайней мере в начальный период их сосуществования. Скорее здесь можно допустить мысль о противопоставлении одного типа (монастырского) другому (приходскому). Сам факт противопоставления уже предусматривает возможность одного как реакции на другое. В данном случае речь идет об оппозициях: старое — новое, мирское — духовное, язычество — христианство. Монастырская жизнь как идеал христианства, безусловно, противопоставлялось всему мирскому. В XVI в. это нашло свое особое выражение в противопоставлении: "Дворец и Монастырь"¹¹. Таким образом, это противоборство с XVI в. установилось повсеместно. Это не могло не наложить отпечаток на всю дальнейшую историю Московского государства и церковной архитектуры в частности. Обозначившийся "монастырский" тип трапезной церкви стал в дальнейшем своего рода каноном, которому нужно было следовать в приходах. Не случайно, что главными проводниками этого типа были сами монастыри. Однако на местах им пришлось столкнуться с большими проблемами. Многообразии архитектурно-

конструктивных, планировочных и функциональных решений церковных зданий, которое имело место на Севере, говорит о том, что здесь уже существовали местные традиции использования трапезных палат в качестве мирских и, возможно, культовых сооружений. Действительно, в Каргополье превращение трапезной палаты в трапезную церковь происходило в условиях связи теплой и холодной культовых построек. В Подвинье этот процесс шел по московскому сценарию: к трапезной палате прирубалось помещение храма, а затем выделялся в самостоятельный объем алтарь. И, наконец, в верхнем Подвинье и Каргополье трапезная палата превращается в трапезную церковь с холодным храмом на втором этаже.

В заключение заметим, что влияние официальной церкви на церковное строительство в приходах было не всегда одинаковым и своего апогея достигло в конце XVII в., в период Никоновских реформ. В этот период были заложены основы превращения трапезной из мирского сооружения в церковное. Этот процесс, как мы уже выяснили, протекал неравномерно и в разных областях по-разному, с учетом сформировавшихся на местах традиций. На наш взгляд, правомерно было бы связывать их с различиями групп населения — носителя этих традиций. Из этнографической литературы известно, что эпохе Московского государства отводится значительная роль в объединении южно-русской и северорусской традиции. Д. К. Зеленин говорит о создании среднерусской, т. е. московской традиции¹². Ее становление протекало в условиях формирования Московского государства и неразрывно связано с политическими преобразованиями в нем. Появление типа теплой трапезной церкви, видимо, закономерно для демографической и политической ситуации, возникшей в конце XV—XVI в. В таком контексте не будет большим преувеличением соотнести обозначенные нами группы теплых трапезных церквей с реально существующими северорусскими, южнорусскими и более поздней среднерусской культурными традициями. Сопоставляя картографические материалы А. Н. Насонова¹³ и

Ил. 13. Схема зонирования 1-й, 2-й, 5-й групп типа теплой трапециальной церкви:

I — Каргопольский стан. II — Устьмошский стан. III — Мехренский стан. IV — Турчасовский стан. V — Двинской уезд

Экспликация: 1 — граница Каргопольского и Двинского уездов
 2 — граница размещения и преобладания 1-й группы
 3 — граница размещения и преобладания 5-й группы
 4 — территория с преобладанием 2-й группы

В. А. Кучкина¹⁴ с предложенным зонированием трех групп культовых комплексов (ил. 13), получим предварительную схему географической привязки изучаемого типа теплой трапезной церкви.

Примечания

¹ Сотные на волости Каргопольского уезда 1561—1562 гг. Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археологический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 361.

² Каптиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в. Проблема региональных школ. Свердловск, 1990. С. 41.

³ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894—1896. Вып. 1—3.

⁴ Дмитриева З. В., Мильчик М. И. Графические и текстовые источники по истории церковного зодчества Белозерья (XVI—XVIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Вып. XIX. С. 168.

⁵ Пономарева Г. В., Уткин Н. Н. Историко-архивные и библиографические изыскания по Каргопольско-Онежскому региону. Архангельск, 1987. Том 2. АСНРПМ. 2а-в.

⁶ Уткин Н. Н. Особенности устройства теплых церквей Каргополья. // Вопросы истории и теории русской и советской архитектуры: Межвузовский тематический сборник трудов (ЛИСИ). Л., 1988. С. 61—63.

⁷ Новиков С. Е. Трапезные 2-й половины XVII в. как гражданские сооружения // Вопросы истории и теории... С. 54—55; Он же. Эволюция трапезных палат в русских монастырях. // Вопросы истории и теории... Л., 1978. С. 92.

⁸ Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера: Страницы истории. Л., 1984. С. 49—51.

⁹ Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. М., 1980. С. 115—116.

¹⁰ Пиявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С. История русской архитектуры. Л., 1984. С. 205—206.

¹¹ Шеллер-Михайлов А. К. Дворец и монастырь. М., 1991. С. 8—266.

¹² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 30—31.

¹³ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 96—97.

¹⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 1 — карта-вкладыш: Княжества Северо-Восточной Руси в середине XIV в.

БАНИ БЕЛОМОРСКОГО ПОМОРЬЯ

(конец XIX—начало XX в.)

ДАННАЯ статья является логическим продолжением серии ранее опубликованных автором работ, посвященных изучению историко-архитектурного наследия Беломорского Поморья — одного из специфических субрегионов Российского Севера, территориально охватывающего прибеломорские районы Карелии, Мурманской и Архангельской областей¹. Результаты предшествующих исследований, в которых автором была подробно рассмотрена исторически сложившаяся на данной территории система расслоения, детально изучены ее составные элементы — групповые системы населенных мест и сельские поселения, а также проверен статистическо-типологический анализ домов-комплексов и их жилых частей, позволили определить как общие закономерности, характерные для всего деревянного зодчества Российского Севера, так и специфические черты, свойственные только архитектурно-строительной деятельности поморского населения. Основная цель данной статьи — выявление региональных и этнических особенностей поморских бань, установление их генетических корней и эволюционных тенденций. Выбор именно бань в качестве объекта исследования обусловлен тем, "что в народной архитектуре старые формы жилья, вытесняемые более прогрессивными, не исчезали, а лишь меняли свое назначение, порождая хозяйственные постройки"². В этой связи появляется благоприятная возможность дополнить и развить выводы и рабочие гипотезы, сформулированные на предыдущих этапах исследования.

Фактологической базой для данного научно-теоретического изыскания послужили натурные материалы, собранные автором во время историко-архитектурных экспедиций Петрозаводского университета 1979—1986 годов. Причем сбор и предварительная систематизация данных производились с использованием "классификационной системы приемов, форм и деталей деревянного зодчества Карелии", разработанной В. П. Орфинским и дополненной автором данной статьи в соответствии с конкретными особенностями Поморья, а последующий статистическо-типологический анализ этих построек был проведен на базе информационно-логической системы "Деревянное зодчество", созданной автором в содружестве со специалистами информационно-вычислительного центра Петрозаводского университета в 1986 году³. Необходимо отметить, что с применением последней у автора появилась возможность в дополнение к традиционным методам ареальных исследований разрешить две основные группы задач: информационно-поискового характера — для выявления территориальных ареалов форм, элементов и деталей поморских бань в границах обследованного субрегиона; и статистического — для определения процентного соотношения выявленных приемов, форм и деталей как в целом по субрегиону и его административно-территориальным единицам, так и в различной этнической среде (у русских поморов и поморских карел).

Но прежде чем перейти к обзору результатов проведенного исследования, необходимо отметить, что бани в Поморье являются достаточно древними хозяйственно-бытовыми постройками и, как свидетельствуют натурные материалы, входят в состав большинства крестьянских усадеб Беломорского Поморья в качестве одной из важных функционально-структурных частей наряду с жилищем и скотоводческими постройками и сооружениями.

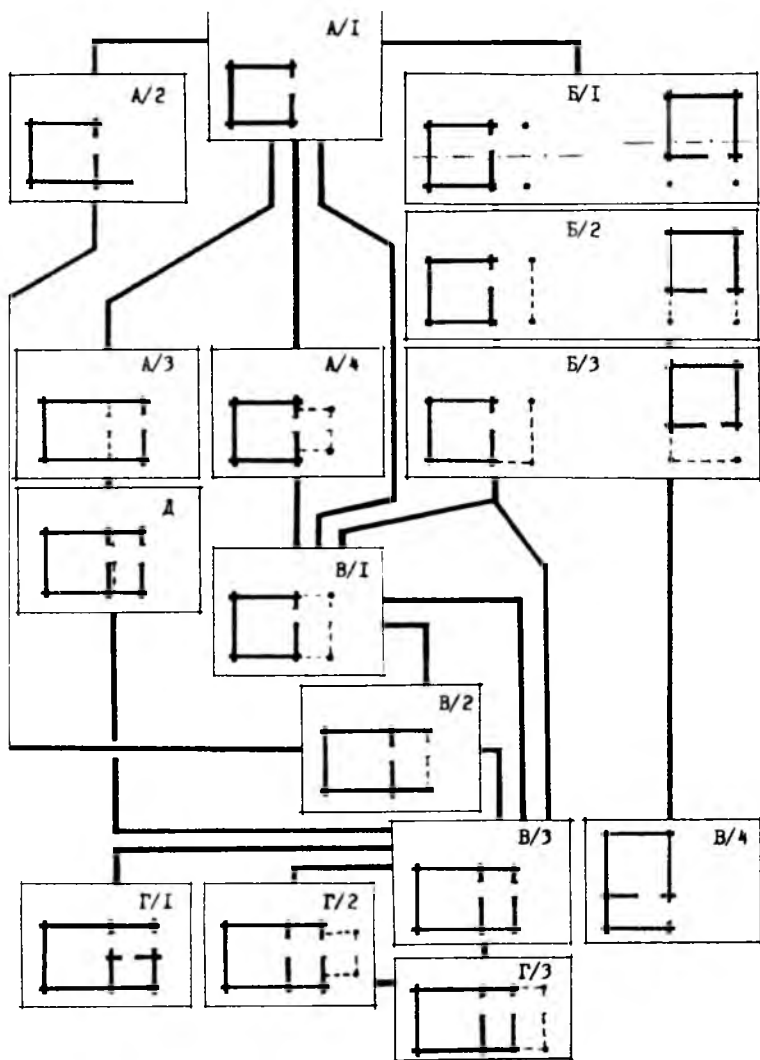
Если принять во внимание утверждение знатока древнерусской словесности И. И. Срезневского о том, что "время появления слова как понятия о каком-то предмете является прямым указанием на бытование этого

предмета", то баня является достаточно древним хозяйственно-бытовым сооружением славянского населения Руси, поскольку наиболее раннее упоминание этого слова в древнеактовом материале относится к 907 году⁴. Значительно труднее назвать время появления бань у карел, но, если учесть их роль в крестьянском хозяйстве, а также связанные с ними дохристианские верования, можно думать, что аналогичные строения у представителей этой группы финно-угорского населения Севера были известны издавна. По крайней мере в документах XV—XVII вв., относящихся к территории Карелии, имеется немало сведений о "мыльнях", "мовницах" и "байнях"⁵.

О существовании и довольно широком распространении бань в крестьянских дворах поморов уже в начале XVI в. свидетельствуют многочисленные архивные документы, опубликованные историками М. М. Богословским⁶ и А. А. Савичем⁷, лингвистом В. Я. Дерягиным и этнографом Т. А. Бернштам⁸. В дополнение к ним автором выявлен целый ряд и новых архивных документов, в числе которых купчие XVI в. из Шуерецкого, Чупы и Луды, купчие XVII в. из Керети, Кушереки, с Архангельского побережья и с Нижней Двины, а также приходо-расходные книги XVIII в. из Порьей Губы, Кемского Городка и Куйского устья⁹.

Правда, из-за особенностей эксплуатации (переменная влажность и пожароопасность) бани являются недолговечными постройками, вследствие чего при их типологическом анализе приходится оперировать данными, относящимися главным образом к началу XX в. В этой связи немногочисленные и скудные сведения из архивных и литературных источников приобретают в ряде случаев особую ценность, позволяя гипотетически наметить эволюционные этапы развития различных форм и типов бань и ответить на целый ряд вопросов, связанных с исследованием территориальных ареалов их распространения.

Всего на территории Беломорского Поморья автором было обследовано 708 бань, из числа которых, используя классификационную систему¹⁰, удалось выделить пять

Рис. 1. Гипотетическая схема эволюции планировочных решений бань Беломорского Поморья

основных типов (рис. 1): однокамерные бани-четырёхстенки ("А"-9,05%); бани с навесами ("Б"-1,27%); двух-

камерные бани-пятистенки, состоящие из моечного помещения и предбанника ("В"-86,56%); бани-шестистенки, состоящие из основного помещения, предбанника и тамбура-шлюза ("Г"-1,56%) и бани смешанного типа ("Д"-1,56%). Ареалы распространения их свидетельствуют о том, что в Поморье действовали эволюционно-генетические закономерности, сходные с закономерностями, выявленными В. П. Орфинским для Карелии, и объясняемые неравномерностью эволюционных процессов — их заторможенностью на севере края¹¹. При этом существенную роль в сложившейся в Поморье ситуации сыграли этнические традиции поморского населения, в первую очередь карел.

Так, на Мурманском побережье основная масса однокамерных бань приходится на "чисто" карельскую деревню Колвицу, образованную в конце XIX в. выходцами из северо-западных районов Карелии, и выселок Княжую Губу, созданный представителями зажиточной прослойки карельского населения одноименного села в начале XX в. (соответственно 44,45% и 20,00% от числа обследованных в этих поселениях бань). В Карельском Поморье бани-четырёхстенки зафиксированы в поселениях со смешанным в прошлом этническим составом населения — в селах Шуерецкое и Шижня, в д. Ендю-Губа (соответственно 12,00%; 25,00% и 33,35%). В этой связи интересно, что, по свидетельству этнографов, еще в начале XX в. большинство карельских бань на территории Карелии имели односкатную крышу и часто строились без предбанника¹². Таким образом, ареальные исследования, с одной стороны, подтверждают выводы автора о традиционализме поморских карел, сделанные ранее на основании анализа сельских поселений, крестьянских усадеб, домов-комплексов и их жилых частей; с другой стороны — позволяют уточнить расселение карел на территории Беломорского Поморья в прошлом, например, в районе низовьев реки Выг, ныне считающихся чисто русскими.

На территории Архангельского Поморья процент однокамерных бань уменьшается при движении с запада на восток вдоль побережья в соответствии с измене-

ниями природно-климатических условий. Здесь сохранению архаичной формы способствовали как менее суровый микроклимат, так и удаленность от культурно-экономических центров края.

Среди однокамерных бань типа "А" с учетом наличия функционально-конструктивных изменений или дополнений в их объемно-планировочной структуре могут быть выделены четыре варианта (рис. 1). Видимо, начальным этапом эволюции являются обычные однокамерные бани типа "А/1" (18,75% от типа "А"). В качестве следующего эволюционного этапа можно рассматривать бани типа "А/2" с ветрозащитной стенкой (4,69%), но на территории Поморья этот тип бань не получил широкого распространения, поскольку возведение лишь одной ветрозащитной стенки не позволяло кардинально разрешить проблему защиты от непогоды в условиях Крайнего Севера.

В Поморье среди бань-четырёхстенок наиболее широкое распространение получили бани типа "А/3" (70,31%). В их внутреннем пространстве достаточно простым и легкодоступным конструктивным приемом — путем устройства внутренней дощатой перегородки — удавалось выделить дополнительное пространство, используемое в качестве предбанника. Да и сам прием разделения помещений дощатыми перегородками был давно и широко известен поморам на примере строительства жилья¹³.

Подобно баням типа "А/2" в единичных случаях зафиксированы бани типа "А/4" (6,25%) с дощатым предбанником, более узким, чем основное помещение. По своей площади такие предбанники настолько малы, что их скорее можно назвать тамбурами-шлюзами при входе в однокамерные бани. Видимо, данный тип занимает промежуточное положение между одно- и двухкамерными банями, что, в частности, подтверждается их бытованием преимущественно в д. Корельское, расположенной почти в центре между Усть-Кожей (центр ареала бань типа "А/1" и "А/2") и городом Онегой (где широко распространены бани-пятистенки типа "В"). В связи с функциональной необходимостью увеличения

площади предбанника они, вероятно, довольно быстро сменились банями типа "В/1" с равношироким дощатым предбанником.

Гипотетически на базе результатов статистическо-типологического анализа можно говорить о существовании и другого эволюционного пути, приведшего к баням-пятистенкам,— появление бань с навесом над входом ("Б"), первоначально открытым с боков ("Б/1")¹⁴, а впоследствии частично обшитым досками ("Б/2" и "Б/3")¹⁵. Малое число бань этого типа закономерно, поскольку с течением времени не представляло труда дообшить незакрытые боковые стенки навеса досками, после чего пространство под навесом легко превращалось в закрытый предбанник.

В отличие от рассмотренных типов двухкамерные бани с равношироким предбанником ("В") господствуют повсеместно на обследованной автором территории. Их широкому распространению, вероятно, способствовали специфические природно-климатические условия Беломорского Поморья. Так, большая часть поморских селений размещена в непосредственной близости от береговой полосы моря, зачастую на открытой, безлесной местности, продуваемой всеми ветрами и не защищенной от снегозаносов. Преобладание бань этого типа объясняется также тем, что прием устройства предбанников был известен поморам, судя по архивным документам, уже в XVIII в. Так, "баня с сенцами" упоминается в тетради чернеца Якова Соловарова из Куйского усолья, датируемой 1730 годом¹⁶, и в "деле о починке обветшавших и разломанных построек на Варзужских, Кашкаранских и Точилинских тонях", составленном в 1764 году¹⁷. Достаточно подробное описание устройства такой бани, возведенной "при заборе с мирянами вообще", содержится в описи строений монастырского двора в Кемском Городке, также относящейся к 1764 году¹⁸.

По характеру конструктивного исполнения стен предбанника, по его местоположению и конструктивной взаимосвязи с мыльным помещением двухкамерные бани подразделяются на четыре варианта. Пятистенки типа

"В/1" (с дощатым предбанником, равношироким с основным помещением) сформировались на основе бань "А/4" путем постепенного расширения тамбура-шлюза и переоборудования его в предбанник. Основой могли послужить и бани "Б", у которых открытый навес над входом в мыльное помещение со временем мог обшиваться по периметру открытых боковых и торцевой стен досками. Результаты статистическо-типологического анализа вариантов бань типа "В" показывают, что бани "В/1" (21,57% от типа "В") широко распространены по всей исследуемой территории⁴, а в характере их распределения прослеживается аналогичная с однокамерными банями тенденция — снижение их относительного числа при движении с севера на юг вдоль побережья, что, вероятно, обусловлено замедленным действием эволюционных процессов на севере Беломорского Поморья.

Бани-пятистенки "В/2" (с предбанником, у которого боковые стены рубленые, а торец — дощатый) могут рассматриваться в качестве промежуточного эволюционного звена на пути формирования бань-пятистенков с поперечным перерубом²⁰. Они (1,63% от типа "В") могли появиться вслед за банями типа "А/2" с добавлением второй продольной ветрозащитной стенки, путем конструктивного усовершенствования бань типа "Б/2" и "Б/3" с заменой дощатых боковых стенок навеса над входом на рубленые стены, выполненные "в заплот", и на основе пятистенков типа "В/1" путем удлинения боковых продольных стен основного помещения.

Описанные выше варианты бань типа "В" ("В/1" и "В/2"), вероятно, послужили прообразом бань-пятистенков с поперечным перерубом "В/3" (76,63%). В первом случае дощатый предбанник легко заменялся на рубленый. В защиту такого предположения говорит факт наличия бань с прирубленным предбанником, выявленных автором в с. Варзуге, в посаде Уна, в д. Кадь и в с. Койда. В первом случае оба помещения бани рублены "в лапу", но предбанник механически состыкован с мыльным помещением. Во втором случае основное помещение бани рублено "в охряпку", а пред-

банник — "в лапу". В третьем случае основное помещение рублено "в обло", тогда как предбанник — "в лапу". Наконец, в четвертом случае основное помещение рублено "в прямоугольную лапу", а предбанник — "в ласточкин хвост".

Несколько слов необходимо сказать о банях смешанного типа "Д", зафиксированных на Мурманском побережье (Княжая Губа), в Карельском Поморье (Шуерецкое, Вирма) и на Онежском берегу (Покровское, Нижмозеро и Пурнема). Они позволяют наметить типологическую связь бань-пятистенков с поперечным перерубом и бань-четырёхстенков с внутренней дощатой перегородкой типа "А/3". Их основная особенность заключается в том, что верхняя часть внутренней перегородки вблизи потолочного перекрытия выполнена из 2—3 венцов бревен, торцы которых выходят за внешнюю поверхность боковых стен бань. Наконец, баня-пятистенок типа "В/4" (0,16%) с "поперечной" тенденцией развития оказывается нехарактерной для Беломорского Поморья, поскольку зафиксирована в единичном случае в посаде Уна.

Наряду с четырехстенками и пятистенками на территории Беломорского Поморья наблюдаются и более сложные объемно-планировочные структуры бань — трехкамерные бани-шестистенки, существующие в трех вариантах.

Бани типа "Г/1" (с отдельными "сенцами" — 54,55% от типа "Г") зафиксированы автором в поселениях Кереть, Шуерецкое, Кушерека и Кадь. В трех первых населенных пунктах в прошлом располагались монастырские дворы Соловецкого монастыря, так называемые "усоля", а в ряде архивных источников в числе хозяйственных построек таких усольев упоминаются бани с достаточно сложной для таких построек объемно-планировочной структурой и близкие, по мнению автора, к баням типа "Г/1" (см. приложение).

Баня типа "Г/2" (с дополнительным тамбуром-шлюзом, более узким, чем предбанник и мыльное помещение, — 9,09%) выявлена в с. Кушерека Онежского района, а бани типа "Г/3" (с равношироким по отношению

к предбаннику и мыльному помещению тамбуром-шлюзом — 36,36%) встречаются в с. Кушерека, в д. Покровское и Летняя Золотица. Появление дополнительных тамбуров-шлюзов могло произойти тем же путем, что и возникновение дощатых предбанников в банях "В/1" и "А/4". С их устройством улучшался температурно-влажностный режим предбанника, хорошо защищенного от сквозняков. А поскольку бани оказывались приближенными к берегам водоемов, то тамбур-шлюз нередко использовался и для хранения мелкого промыслового инвентаря крестьян-поморов.

Несмотря на малочисленность бань типа "Г", сам факт их существования подтверждает ранее сделанный по результатам анализа жилых частей крестьянских усадеб вывод о специфике эволюции деревянного зодчества на территории Беломорского Поморья, обусловленной комплексом разнородных факторов²¹. Кроме того, на примере вариантов бань этого типа прослеживаются тенденции, аналогичные эволюционным тенденциям, выявленным при анализе подтипов жилья. Как для тех, так и для других на территории Карельского Поморья характерна тенденция выделения дополнительных помещений в свободном пространстве сеней, а на территории Архангельского побережья — ее сочетание с тенденцией увеличения полезной площади за счет пристройки дополнительных помещений за сенями (применительно к жилью — в пространстве хозяйственного двора-сарая).

Углубляя анализ, автор исследовал далее форму покрытий поморских бань, и из 687 привлеченных для анализа построек выделил пять подтипов (рис. 2).

Баня с плоской крышей ("1" — 0,15%) из бревенчатого наката, покрытой сверху дерном, была зафиксирована в единственном случае в карельской д. Боярская, расположенной на границе Карельского Поморья и северо-западных районов Карелии. Также единственный пример бани подтипа "2" с односкатной крышей выявлен в д. Сумостров на границе Поморского берега и материковой Карелии. Из остальных подтипов на территории обследованного Поморья явно преобладают

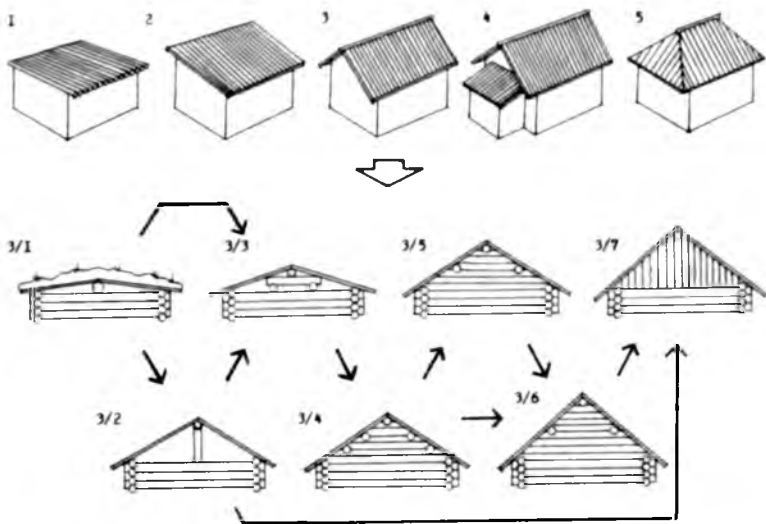

Рис. 2. Формы крыши на банях Беломорского Поморья и конструктивные решения двускатных покрытий

бани с двускатными крышами (3" — 92,59%), причем на всех без исключения берегах. Вероятно, подобная форма крыш на банях была известна поморам издавна, в пользу чего говорит пример бани "новой, крытой тесом", построенной старцем Елиазаром в 1667 г. на Виремском усолье²².

Но, несмотря на общность формы двускатной крыши, бани подтипа "3" на различных берегах Беломорского Поморья имеют специфику конструктивного исполнения. Особенно выделяются бани с двускатными, но очень пологими крышами, конек которых приподнят над перекрытием всего лишь на высоту князевой слеги, покоящейся на верхнем венце торцевых стен ("3/1"). Они встречаются на Терском побережье от с. Кузомени до д. Пялицы, а также в с. Койда и в д. Майда на Мезенском берегу. Об архаичности конструктивного приема свидетельствует наличие сверху двускатного тесового покрытия слоя дерна. Сохранению двускатных кровель с дерновым покрытием в перечисленных выше поселениях, вероятно, способствовали длительные культурные контакты русского населения в первом случае

с саамами (лопарями), во втором — с ненцами (само-едами), у которых вплоть до XX в. бытовали постройки. крытые дерном (у саамов — "вежи" и "тупы", а у ненцев — "мяканы")²³.

В качестве промежуточного эволюционного этапа при переходе от бань подтипа "1" к баням подтипа "3" могут рассматриваться бани, имеющие легкие двускатные навесы с открытыми фронтонами. Единственная князевая слега таких крыш опирается либо на низкие столбики, установленные на перекрытии ("3/2"), либо на бревна-коротыши, сложенные "костром" ("3/3"). Бани с подобными крышами на территории Беломорского Поморья отмечены автором в карельских поселениях Колвица и Княжая Губа, а в качестве единичных примеров — в поселениях Луда и Сюзьма на Летнем берегу. В отношении карельских бань, учитывая архаичность их объемно-планировочного решения (бани-четырёхстенки типа "А/1") и примитивность конструктивного устройства двускатных крыш-навесов, можно предположить, что навесы являются более поздними надстройками над плоским покрытием, выполненным из бревенчатого наката, закрытого сверху дерном.

Двускатные покрытия со сплошным накатом или рубленные "в реж" на поморских банях автором не зафиксированы. Единичный случай двускатного покрытия со слегами, врубленными в каждую пару самцов ("3/4"), отмечен на бане в посадке Луда. Шесть бань, имеющих покрытия со слегами, врубленными через три самца ("3/5"), локализованы на территории Усть-Кожского сельсовета в центре Онежского района и, по-видимому, больше характерны для материковых районов Архангельского Поморья и Поморского берега Карелии южнее г. Кеми, и, наконец, стропильные крыши с дощатыми фронтонами ("3/7") господствуют на всей исследуемой территории Беломорского Поморья. Отсутствие двускатных крыш с рублеными фронтонами на севере исследуемого района (Мурманская область и северная часть Карельского Поморья) легко объяснимо с помощью гипотезы В. П. Орфинского о заторможенности эволюционных процессов на Крайнем Севере.

В этих районах, видимо, происходил скачкообразный процесс смены двускатных покрытий с князевой слегой, лежащей на торцевых стенах, на более прогрессивные и экономичные по расходу древесины стропильные крыши.

Наряду с банями подтипа "3" существенное место в типологической схеме эволюции их покрытий занимают бани подтипа "4" (5,95%) с двускатной крышей над основным помещением и с односкатной крышей над предбанником, большая часть из которых приходится на материковую часть Онежского побережья — селения Усть-Кожского и Порожского сельсоветов (поселения Вонгуда, Порог, Карельское, Чижиково, Усть-Кожа и Петровское). Благодаря фиксации этого подтипа, удастся выявить промежуточное эволюционное звено на пути формирования бань-пятистенков с общей двускатной кровлей.

Подобно тому как на уровне типов в Беломорском Поморье наблюдаются сложные объемно-планировочные решения бань, так и на уровне подтипов в границах обследованной территории выявлены сложные формы покрытий — вальмовые четырехскатные крыши ("5" — 1,16%). Бани с такими крышами отмечены автором в наиболее старых поморских селениях — Княжая Губа, Шуерецкое, Лопшеньга, Конецдворье, Кадь и Верхняя Золотица. Вероятно, их появление связано с прогрессом дальнейшей эволюции двухскатных стропильных крыш и произошло не без влияния примеров подобных покрытий над крестьянским жильем. В этом случае примечательным является тот факт, что в с. Шуерецкое бани данного подтипа входят в состав крестьянских усадеб, отдельно стоящие скотоводческие постройки которых также имеют четырехскатную вальмовую крышу.

В целях более детального изучения специфики эволюционного развития покрытий бань на уровне подвариантов подтипов автором фиксировалось наличие архаичного конструктивного приема устройства современного перекрытия, а в прошлом — плоского покрытия, с выпуском торцов бревен сплошного наката за

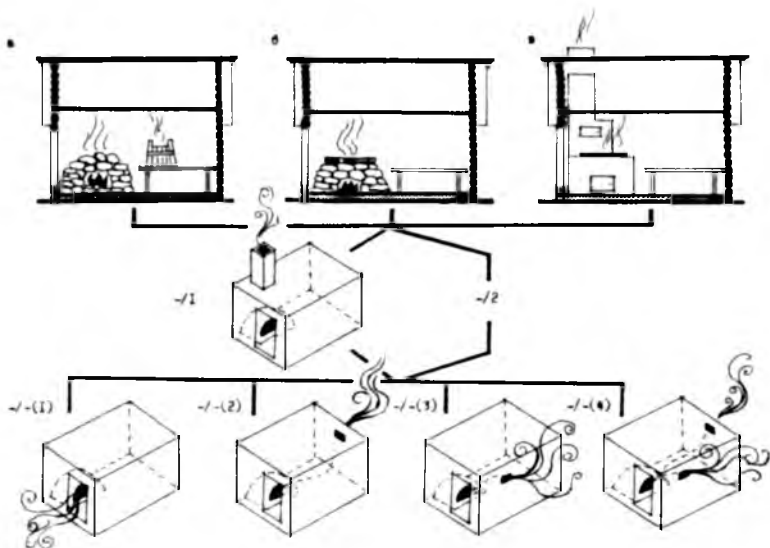
лицевые поверхности стен. На территории Беломорского Поморья из 708 обследованных бань бани, имеющие перекрытие в виде сплошного наката, пересекающего торцовые (подвариант "1") или боковые (подвариант "2") стены составляют 5,51%. Бани первого подварианта, выявленные на территории Кандалакшского и Карельского берегов в поселениях Колвица, Княжая Губа, Черная речка и Боярская (всего 21 постройка), оказываются свойственными карельскому населению. На территории Летнего берега их ареал локализован в пределах наиболее древних селений — в Пушлахте, Луде, Красной Горе, Сюзьме и Солзе. Примерно в границах этих же ареалов (за исключением Кандалакшского побережья) распространены и бани второго подварианта (18 построек). При их относительном количественном сопоставлении пролеживается такая тенденция: для северных бань более характерен продольный канат, а при приближении к южным районам ему на смену приходит поперечный.

При изучении поморских бань пристальное внимание было уделено и такому типологическому признаку, как месторасположение входа в баню относительно направления конька кровли (или двускатных покрытиях) или продольной оси бани (в других случаях). Входы в мыльные помещения во всех без исключения обследованных банях выполнены в торцевой (более узкой) стене сруба-четырёхстенка, тогда как с учетом месторасположения входа в предбанник вариантность резко возрастает.

Так, из 654 обследованных по этому признаку бань 17,58% составляют бани с боковым входом в предбанник. Их наибольшее количество приходится на Мурманское побережье и Летний берег Архангельского Поморья. В данном случае полученный результат перекликается с результатами анализа крестьянского жилища, согласно которым именно в указанных выше районах в двухчастном жилье прослеживаются как "продольная", так и "поперечная" тенденция развития.

Наряду с перечисленными выше типологическими признаками в процессе экспедиционных работ автором тщательно фиксировались конструкция банных печей,

Рис. 3. Приемы нагревания воды и дымоудаления в банях Беломорского Поморья

приемы их топки и дымоудаления, а также приемы нагревания воды (рис. 3). Судя по имеющимся в распоряжении автора натурным материалам, до последнего времени бани в Поморье делались черными с устройством печи-каменки, сложенной из специально подобранных камней, не выделяющих в процессе накаливания опасного для жизни человека угарного газа. При этом литературные источники свидетельствуют, что более древними являются бани с нагреванием воды в ушатах с помощью раскаленных камней²⁴. На территории Беломорского Поморья такие бани (разновидность "а" — 3,61%) сохранились в незначительном количестве: на Кандалакшском побережье у карельского населения в поселениях Колвица и Княжая Губа, а в Карельском Поморье — в дд. Боярская. На Архангельском побережье единичные примеры таких бань наблюдаются в материковых дд. Грибановская, Чижиково и Каменное Онежского района. Таким образом, бани данной разновидности сохранились на севере обследованного субрегиона благодаря традиционализму карельского населения²⁵, а

на юге — в селениях, значительно удаленных от экономически развитых центров Поморья.

В распределении черных бань с чугунными котлами для подогрева воды, вмурованными в каменки (разновидность "б" — 71,35%), прослеживается следующая тенденция: уменьшение их относительного количества при движении с севера на юг вдоль Мурманского и Карельского Поморья и с востока на запад вдоль Архангельского побережья. Следовательно, и на уровне разновидностей бань подтверждается гипотеза о заторможенности эволюционных процессов на севере и востоке обследованного субрегиона.

Белые бани ("в" — 25,04%), составляющие четвертую часть всех обследованных построек этого типа, получили распространение в Поморье, вероятно, в конце XIX—начале XX в., причем встречаются они лишь в наиболее крупных и древних торгово-рыболовецких селах, таких как Кереть на Карельском, Шурецкое, Сумский Посад и Нюхча на Поморском, Кушерека, Малошуйка, Ворзогоры и Пурнема на Онежском, Летняя Золотица и Уна на Летнем берегах. Но, несмотря на большой комфорт, белые бани не получили широкого признания, поскольку обладают, по мнению информаторов-старожилов, двумя важными недостатками: во-первых, очень велико время нагревания мыльного помещения белыми печами; во-вторых, существует опасность угара во время парения, если печь недостаточно отстоялась после ее топки.

В свою очередь на уровне вариантов и подвариантов разновидностей бань автором были зафиксированы различные приемы дымоудаления как в "курных", так и в "белых" банях, аналогичные приемам дымоудаления в крестьянском жилище. Так, из 640 обследованных бань были выделены бани с дымницей ("1") и без нее ("2"), а также бани без дымоволока ("1"), с торцевым ("2") и с боковыми ("3") дымоволоками.

Почти четверть всех обследованных бань не имеет дымницы и дымоволоков, а удаление дыма при топке бани осуществляется через открытую дверь ("2(1)" — 22,50%). По данным В. П. Орфинского, такие бани до

последнего времени преобладали на территории Карелии и по способу удаления дыма, вероятно, являются наиболее архаичными. В северо-западных районах Беломорского Поморья такие бани характерны, главным образом, для карельского населения и зафиксированы в поселениях Колвица и Боярская, а также в населенных пунктах со смешанным этническим составом жителей — в Княжей Губе и Поньгоме. Значительный процент таких бань приходится на Онежское побережье, причем наблюдается в основном в материковых поселениях Усть-Кожского и Порожского сельсоветов, а также в природно-изолированных населенных пунктах Нижнеозеро и Пурнема.

Бани с одной дымницей (" 1 " — 66,25%) составляют в Беломорском побережье большинство, при этом явно господствуют на "чисто" русских берегах — Терском, Поморском, Летнем и Зимнем. В районах с карельским населением число бань с дымницей резко снижается (Кандалакшский берег — 27,59%, Карельский берег — 25,00%), что свидетельствует о взаимных культурных контактах различных этнических групп населения.

Среди бань, имеющих дымоволочные отверстия в стенах, чаще встречаются бани с торцевым дымоволоком (" 2 " — 21,88%), большая часть которых, в процентном соотношении, приходится на Кандалакшский, Онежский и Летний берега. Значительно реже встречаются бани с боковым дымоволоком (" 3 " — 5,78%), которые концентрируются в материковых деревнях Усть-Кожского и в прибрежных деревнях Тамницкого сельсоветов Онежского района, а также в деревнях Ненокского сельсовета Приморского района Архангельской области.

Автором также было зафиксировано значительное число бань, сочетающих различные приемы дымоудаления — с наличием дымницы и дымоволока (чаще торцевого). Такие бани свойственны только русскому населению Поморья и, вероятно, явились результатом слияния двух противоположных тенденций: устройства дымниц над перекрытием мыльного помещения и дымоволочных отверстий в стенах. В этом случае особый

интерес представляют бани, у которых торцевой дымо-
волок, прорубленный в стене со входом, связан с дым-
ницей, устроенной в сенях. Ареалы таких бань выявлены
автором в районе Верхнего Мудьюга, на Онежском
берегу от Тамицы до Летней Золотицы и на Летнем
берегу от Конецдворья до Верхней Золотицы. В особую
группу выделяются бани с. Койды на Зимнем побережье,
специфика которых заключается в наличии двух дымниц:
одной непосредственно над мыльным помещением, а
второй — в предбаннике с устройством торцевого ды-
моволока. По словам местных жителей, старыми явля-
ются дымницы, выходящие в предбанник, а дымницы,
расположенные над печью,— более поздние.

Рассматривая приемы дымоудаления в поморских
банях, следует охарактеризовать и приемы расположения
печей, а также ориентацию их устьев по отношению к
входу, поскольку данные характеристики, по мнению
этнографов, в ряде случаев являются этноопределяю-
щими. В этой связи можно отметить, что в основной
массе поморских бань наблюдаются печи, расположен-
ные в ближнем по отношению к входу углу и ориен-
тированные устьем к боковой стене. Особую группу
представляют лишь несколько бань, зафиксированных
в селах Кушерека и Малошуйка. Эти бани оборудованы
белыми печами, устья которых выходят в предбанник,
но, по утверждению местных жителей, они являются
достаточно поздними.

На материале бань Беломорского Поморья удастся
также проследить эволюционные этапы перехода от
печей-каменок к белым печам. Так, в банях д. Кади на
востоке Летнего берега печи-каменки окружены глино-
битным кожухом, а дымоудаление осуществляется через
потолочный дымоволок и дымницу или через трубу,
сложенную из кирпича-сырца и обитую досками. В
свою очередь в д. Лямца зафиксированы печи-каменки
с кожухом из обожженного кирпича заводского изго-
товления. Думается, что такое конструктивное устрой-
ство печей не является нововведением начала XX в.,
поскольку "каменица с кожухом" упоминается в монаш-
тырской бане Кемского Городка 1760 года.

Учитывая все вышеизложенное, следует согласиться с мнением В. П. Орфинского и ряда других исследователей о том, что "генезис бань, по-видимому, восходит к архаичным формам жилища, в процессе эволюции вытесненным более прогрессивными формами"²⁶. Для условий Беломорского Поморья в пользу такого предположения свидетельствует сходство объемно-планировочных решений бань и промысловых избышек на рыболовецких тонях, а также связанный с банями культ поморского "банника"²⁷.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ объемно-планировочных структур бань Беломорского Поморья, проведенный на основании натуральных материалов, собранных в экспедициях 1979—1986 гг., подтверждает выдвинутые ранее гипотезы о путях формирования бань на территории Российского Севера и позволяет развить и дополнить эти гипотезы на основе новых, впервые вводимых в научный обиход данных.

Во-вторых, бани Беломорского Поморья генетически связаны с первобытными формами жилья, причем аналогии прослеживаются на всех без исключения типологических уровнях, и в первую очередь здесь следует упомянуть "горизонтальную" тенденцию — увеличение состава помещений путем их внутреннего разделения и пристроек.

В-третьих, на фоне общих тенденций у русского населения Поморья наблюдаются более развитые формы, элементы и детали (пяти- и шестистенки, строительные двускатные и вальмовые крыши, белые печи), в то время как для карел характерен большой архаизм в объемно-планировочных и конструктивных решениях (обычные бани-четырёхстенки, плоские и двускатные примитивные крыши, удаление дыма через двери).

В-четвертых, в Беломорском Поморье наглядно проявляется специфика эволюции крестьянских бань, не последнюю роль в которой сыграли монастырские постройки Соловецких усалий.

1760—1761 гг. Дело о постройке на монастырском дворе в Кемском Городке новой бани, крыльца и мостков (в извлечениях).

"...на строение при здешнем монастырском дворе новой бани поставить бревен сосновых девятиаршинных сто, да на крышу той бани тесу и на полки и лавки. Потребное число... поставлено... лесу: бревен девятиаршинных сто в отрубе по шести и по семи вершков, тесу на крышку и на поделки девятиаршинного девяносто, тесниц в отрубе по шести и по семи вершков... И баню с предбанником построить на том же месте попрежнему...; и чтоб она баня, как сбоку и внутри, построена была со всем добрым мастерством, полки, двери, окна и лавки, також и нужник, все б было отраднo, а паче каменицу с кожухом, чтоб было безопасно от огня, и каменка на дугах, и кожух от потолка был бы вышиной в аршин, около каменки было б по полуаршину от двух стен, чтоб нималой опасности не было, и у оной каменки у работе быт Ивану Мошникову... Ежели кирпича мало, отпишите сколько потребно, пришлем с ездоками от вас. Кровля на два ската покрыть в два тесу в потоки".

Чуть позже подрядчики сообщали соловецким управителям, что "сентября 6 дня 1760 году к строению в новой бани каменицы и кожуха кирпича у нас, нижайших, имеется вынятого из старого кузнечного горна целых пятьдесят кирпичей, кусков двадцать и в прибавок к тому сколько ваше высокопреподобие соблаговолит прислать... На строение бани взято лесу: бревен сосновых длиною по 9^{тм} аршин — 100 в отрубе по 6 и по 7 вершков; по 10 аршин — 12 в отрубе по 5 вершков; по 8 аршин — 16 в отрубе по 5 вершков; тесу на крышку бани и на поделки 9^{тм} аршинного — 94 в отрубе по 6 и по 7 вершков; на строение лисвицы бревен на тятивы 9^{тм} аршин — 2".

Следующий важный документ в деле — "Роспись по числам кто, что и сколько делал от 4 ноября 1760 году: сентябрь 11 — рыли старую баню; 12 — срубили 2 венца; 13 — срубили 3 венца; 15 — срубили 3 венца;

16 — срубили 2 венца; 18 — мшили и потолок тесали; 19, 21 и 22 — тоже; 23 — тес на крышку бани тесали и на потолок бревна череповые рубили.; 25 — у бани осом делали.; 26 — тес на крышку бани тесали; 27 — плотники у бани углы опускали и тес на крышку тесали; 29 — плотники баню крыли; 30 — достальные углы опустил плотник. Октябрь 2 — передбание и нужник рубили, основали место и срубили венец; 3 — ... рубили 2 венца; 4 и 5 — тоже; 6 — ... рубили 1 венец, черноработцы землю на баню подымали; 7 — ... рубили два венца; 9 — ... рубили 3 венца, черноработцы под баенной мост и под нужник землю ровняли; 10 — при бане и нужнике осом свели, в бани окно делал плотник; 11 — в бани нутрянную поделку делал плотник, мост мостили и полки делали; 12 и 13 — тоже; 14 — плотники приборье крыли и на бани и на приборье шелом опустили и тес на крышу тесали; 16 — плотники у бани и у приборье, и у нужника двери, и в бани лавки делали; 17 — плотник в бани в трубное окно и ставен делал, в приборье подволоку и лавки делал плотник".

РГАДА. Ф. 1201, Оп. 5. Д. 3892 (1760—1761 гг.).

Лл. 2, 5 об.— 6, 16—19.

Примечания

¹ Медведев П. П. 1) К вопросу о классификации систем расселения на примере Беломорского Поморья // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1988. С. 14—28; 2) Крестьянские усадьбы Беломорского Поморья (конец XIX—начало XX в.) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 17—30; 3) Некоторые особенности объемно-планировочных структур сельских поселений Беломорского Поморья // Архитектурное наследие и реставрация памятников истории и культуры России: Сб. научн. тр. М., 1986. С. 157—171.

² Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии (генезис, эволюция, национальные особенности). ЦНИИТМА, М., 1975. Т. 1. (Дис. ... д-ра архитектуры). С. 52.

³ Медведев П. П., Тигунов С. Л. Информационно-логическая система "Деревянное зодчество": Реляционный подход к построению базы данных на ЕС ЭВМ // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1985. С. 48—57; Медведев П. П. Принципы и приемы архитектурно-пространственной организации жилой среды сельских поселений Беломорского Побережья // Архитектурное наследие и реставрация памятников истории и культуры России: Сборник научных трудов. М., 1988. С. 145—163; он же. Типология крестьянского жилья Беломорского Поморья второй половины XIX—первой трети XX веков // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1985. С. 36—47.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1.

⁵ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М., 1909.

⁷ Савич А. А. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв.: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем Севере и в древней Руси. Пермь, 1927.

⁸ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX—начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983; Дерягин В. Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Д. 21 (1541—1542 гг. Купчие). Л. 3; Д. 24 (1544 г. Купчие). Л. 4; Д. 32 (1547—1548 гг. Купчие). Л. 1; Оп. 5. Д. 20 (1617 г. Купчая на двор с постройками в Керетской волости, купленный монастырем у Корнилы и Ивана Панкратьевых Обориных крестьян Керетской волости. Список. Л. 1; Д. 69 (1641 г. Запись о досмотре прикащиком Кушерецкой волости старцем Карконом Моиссеевского двора и пашенной земли). Л. 1; Оп. 1. Д. 210 (1578—1728 гг. Книги и дела по Умбской вотчине). Л. 167; оп. 1 Д. 219 (1669—1730 гг. Книги переписные Керетского усолья). Л. 119; Оп. 1. Д. 3371 (1757—1758 гг. Дело о разделе имущества крестьянина Шуерецкой волости

Мирона Андреева). Л. 1—3; Оп. 5. Д. 4688 (1764 г. Описание строения монастырского двора в Кемском Городке. Л. 19).

¹⁰ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии... С. 107—108.

¹¹ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии... С. 48.

¹² Карелы Карельской АССР... С. 123.

¹³ Медведев П. П. Типология крестьянского жилья... С. 44—45.

¹⁴ По одной такой бане зафиксировано в деревнях Малошуйка-Абрамовская, Усть-Кожа, Карамино-Октябрьская и Кянда Онежского района Архангельской области.

¹⁵ Единичные случаи зафиксированы в селе Княжая Губа (Мурманское побережье), в д. Нильмогуба (Карельское Поморье) и в с. Пурнема (Онежский берег).

¹⁶ В этой тетради имеется запись следующего содержания: "...на баню куплено... на потолок, на сеницы, на мост, на полки, на двери лесу на пятнадцать алтын, построили казаки..."

РГАДА, Ф. 1201. Оп. 1. Д. 219. Л. 119.

¹⁷ РГАДА, Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4670. Л. 1.

¹⁸ "...Баня с сенми, в ней с улицы двери на крюках и петлях железных, при них две тяги, замок задорошчатый с ключем. Сени малые длиной 3 аршина, шириной 6 аршин. Из сени в баню двери на крюках и петлях железных, в них две тяги. Баня длиной 8 аршин, поперек 6 аршин, в нем два полка из тесу, каменица кирпичная, плетена из глины, окно малое, в нем ставень, крыта тесом в потоки в один тес".

¹⁹ Бани с дощатым предбанником в Поморье, вероятно, появились очень давно, поскольку в традиционном свадебном обряде, существующем на Мезени, имеются такие слова: "...У нас баня-то новая, предбанье тесовое..." (Цит. по: Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1976. С. 114).

²⁰ Аналогичный эволюционный процесс существовал и в развитии жилища. По свидетельству этнографа М. Н. Морозовой, в крестьянских усадьбах южной и центральной Швеции долгое время сохранялась древнейшая жилая постройка, так называемый "дом с очагом" (eldhus), представляющая собою однокамерный сруб с выступающими перед входом продольными стенами (Морозова М. Н. Скандинавское крестьянское жилище // Советская этнография. 1964. № 1. С. 64).

²¹ Медведев П. П. Типология крестьянского жилища... С. 46—47.

²² РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 447 (1635—1655 гг.). Книги Виремского соляного промысла. Л. 155.

²³ Ушаков И. Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск. 1972. С. 99—100, 128; Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом и нравственном обозрении с полезными на все оные части заключениями. Архангельск. 1873. Т. 1. С. 69.

²⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 3892 (1760—1761 гг.). Дело о постройке на монастырском дворе в Кемском Городке новой бани, крыльца и мостиков. Л. 184.

²⁵ Medvedev P. P. Die Gehoftsbauten der Russen und Karelrier im Weismeergebiet // Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24—30 июля 1985. Сыктывкар, 1985. Т. IV. С. 43.

²⁶ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии... Диссертация. С. 109.

²⁷ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX—начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983. С. 39—42, 183—184; Мильчик М. И. По берегам... С. 113—114.

У карел, по данным этнографов, с банями связан аналогичный культ "домашних духов". Карелы Карельской АССР... С. 123; Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 115—116.

*ВОЗМОЖНЫЕ СПОСОБЫ РАСЧЕТА
СООТНОШЕНИЙ И ДОСТИЖЕНИЯ ТОЧНОСТИ
ПРИ ПОСТРОЕНИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ФОРМЫ
В РУССКОМ ДЕРЕВЯННОМ ЗОДЧЕСТВЕ
XVI—XVIII вв.*

АНАЛИЗ пропорций памятников старинного зодчества говорит о том, что в основе древнего пропорционирования лежит удобство размерения при производстве работ и наглядная сопоставляемость частей и целого путем вписывания форм в простые геометрические фигуры.

Таким требованиям отвечала схема плана и фасада в отвлеченном масштабе расчерченная на земле, дающая возможность метрологического расчета и просто осуществимая при натурном построении.

Схема фасада в отвлеченном масштабе давала наглядное представление о соразмерности и художественной выразительности, что являлось главной задачей зодчих. Умелое использование пространственных ориентиров геометрических построений обеспечивало точность размерных соотношений форм. Как отмечает А. А. Тиц: "Проектные чертежи Древней Руси имели свои, исторически обусловленные всем ходом строительного производства, особенности..."

Графические документы, связанные со строительством, имеют различный характер, начиная с обычного ситуационного плана и кончая схемой будущего здания¹.

В другом исследовании А. А. Тиц продолжил изучение происхождения и развития древнерусского архитектурно-строительного чертежа, показав его роль в творческом процессе и своеобразии графического языка. Большое значение тогда имели "вавилоны" — симво-

лические схемы зодческой мудрости", связанные с приемами разбивки планов зданий¹. Обращает на себя внимание зависимость древнерусских мер длины от вавилонов, построенных на основе мерной сажени³.

В исследованиях академика Б. А. Рыбакова выявлены взаимосотносящиеся связи мер длины дометрической эпохи⁴. Остановимся на этих связях подробнее.

На рис. 6а и 6в показано соотношение мерной сажени — 1,764 м к сажени без чети — 1,972 м как $2 : \sqrt{5} = 2 : 2,236 = 1 : 1,118 = 0,894 : 1 \approx 0,9 : 1$. Отметим соотношения следующих саженей: 152,76 (прямая сажень, рис. 5) : 176,4 см (мерная сажень, рис. 6) $\approx 5 : 6$; 216 см (косая сажень, рис. 1) : 249,46 см (великая сажень, рис. 2) $\approx 7 : 8$. Перечисленные сажени приблизительно отвечают указанной зависимости.

Если взять греческую оргию (185,22 см = 6 греч. футов по 30,87 см) и греческую филатерийскую оргию (216,09 см = 7 греч. футов), то соотношение 6 : 7 будет точным. Греческая оргия (185,22) применялась в древнерусском каменном зодчестве — например, в храмах Владимиро-Суздальского княжества в XII веке. Позднее появилась церковная сажень — 186,4 см. $186,4 : 216$ см (косая сажень) $\approx 6 : 7$. Здесь соотношение 6 : 7 приближенное. Церковная сажень очень незначительно отличается от трубной (187,1 см).

Сажени делились на 2, 4, 8, 16, 32 (полусажень — $1/2$, локоть — $1/4$, пять — $1/8$, пясть — $1/16$, полпяти — $1/32$). Деление отрезка на 3(6) легко осуществлялось методом одноразового подбора. Это давало возможность переходить к соотношениям 3 : 4; 3 : 5; 5 : 4; 10 : 11 и т. д., которые невозможно получить взаимосотносящейся связью между саженями, как, например, отношение стороны квадрата к диагонали и приближенным соотношениям саженей 5 : 6; 7 : 8; 7 : 4; 6 : 7 (соотношение 7 : 4 см. рис. 4. $1,871 : 1,08 \approx 7 : 4$).

Зодчие умели применять в геометрических построениях среднеарифметическое значение между двумя величинами. Это можно увидеть в результате пропорционального анализа Вознесенской церкви (1761 г.) в с. Типиницы Мед-

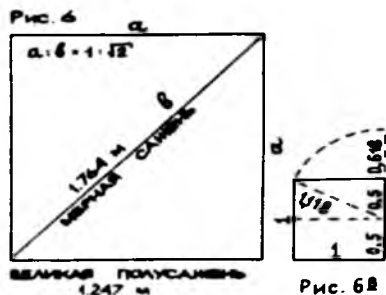
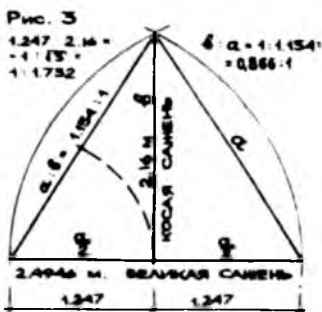
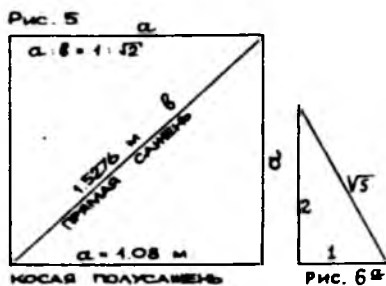
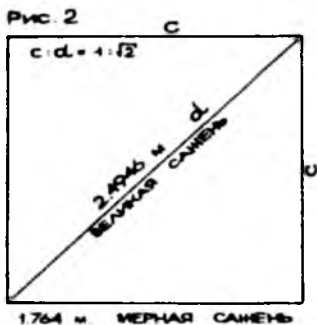
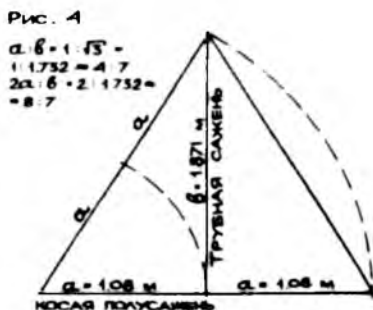
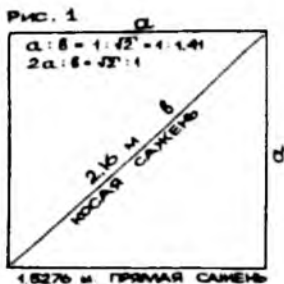

Рис. 1—6. Старинные меры длины и их взаимосвязующаяся связь (по Б. А. Рыбакову)

вежьегорского района Карелии (рис. 25). Применение среднего значения между двух геометрических соотношений — нередкое явление в пропорциональности на памятниках русского деревянного зодчества XVI—XVIII вв.⁵

Большой интерес представляет археологическая находка, сделанная археологической экспедицией в Новгороде в 1972 г., — предположительно мерило новгородского зодчего. На этом мериле три разные шкалы, которые, как выявил Б. А. Рыбаков, представляют одну 21-ю часть прямой сажени (1,52 м), одну 21-ю мерной сажени (1,76 м) и одну 21-ю половины великой сажени (1,24 м)⁶.

Как видно из изложенного, новгородские зодчие XIII в. умели делить линейные меры длины на 21 часть и в зависимости от диаметра круга определять длину окружности и ее части, что было необходимо в практике строительства зданий. Напомним отношение окружности к ее длине: $l \text{ окр.} = \pi \times D = 3,14 \times 21 \text{ ч.} = 66 \text{ ч.}$

Отношение диаметра к длине окружности (21:66) умело использовано в различных по размеру главах Преображенской церкви в Кижях (1714 г.). Диаметры глав первого, второго и четвертого ярусов составляют соответственно: 17/21, 16/21, 15/21 от диаметра главы третьего яруса, принятого за единицу (т. е. 21/21).

Русская система деления мер длины была четвертичной, то есть получалась постепенным делением на 2, 4, 8, 16, 32, 64 и т. д. На основе этой системы имеется объяснение возможного деления размера на 21 часть.

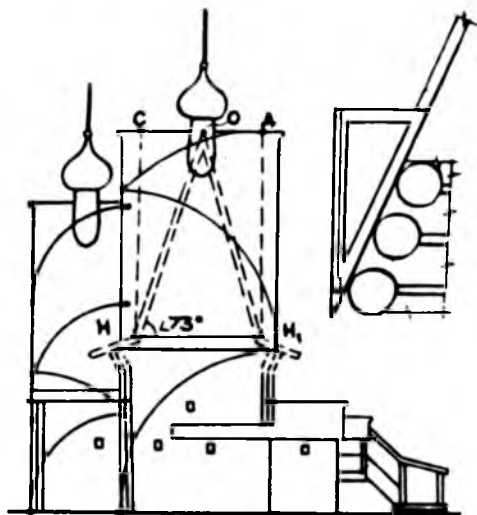
Теперь перейдем к особенностям построения архитектурных форм в деревянном зодчестве, точность размеров которых можно рассчитать по предварительной схеме в отвлеченном масштабе, осуществив это непосредственно в процессе строительства при разбивке плана здания и возведении сруба. Выделим формы, требующие предварительного (отдельного) расчерчивания (шаблона) на земле в натуральную величину для точного определения углов наклона кровель, криволинейных очертаний бочек, кубов, глав и т. д. Эти формы никакими соотношениями зависимых мер и другими расчетами, не составляя масштабного чертежа или не применяя натурного расчерчивания, построить невозможно.

Точность построения планов молитвенного помещения, алтаря, трапезной, сеней и паперти могла быть

получена на основе схемы непосредственно в процессе производства работ с промером правильности квадратов и прямоугольников, используя для этого равенство диагоналей (в метрически взаимосвязанных саженях как $1:\sqrt{2}$, $1:\sqrt{3}$ и т. д.) и промеры вертикальности стен с помощью отвеса. Горизонтальность сруба, потолков и полов могла быть проверена с помощью уровня.

Приведем примеры расчета соотношений по схеме-идеограмме на ряде памятников русского деревянного зодчества XVI—XVIII вв. и способов достижения точности построения форм, требующих предварительного натурального расчерчивания для определения углов наклона кровель, криволинейных очертаний бочек и глав, ранее принятых по схеме-идеограмме.

Начнем с Богоявленской церкви (1643 г.) в с. Елгомском Няндомского района Архангельской области (рис. 7).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УГЛА НАКЛОНА КРОВЛИ .

Рис. 7. Богоявленская церковь 1643 г.
с. Елгомское Няндомского района Архангельской области.
Фасад

Размеры и соотношения в плане и на фасадах с кровлями в проекции на плоскость могли быть определены расчетом по схеме-идеограмме. Немного сложнее было строить двускатные кровли, когда угол наклона определялся из соотношений размера ската и полиц в проекции на плоскость.

Правильность принятых соотношений кровли в схеме в проекции на вертикальную плоскость зодчие могли проверить и уточнить путем прибавления к срубу выносом кровли фронтонов и построения квадрата для определения его диагоналей. Далее, по-видимому, необходимо натурное построение на земле: по ширине сруба расчертить повал (на четырех, пяти, шести бревен) с задуманным углом наклона, определить угол наклона полиц с их выносом и подойти к точкам H , H_1 . Затем построить прямоугольник $НСДН_1$ (правильность его промерять равенством диагоналей). Определить точку O , расположенную на половине отрезка $СД$. Соединить точки H и H_1 с точкой O . Сделать шаблон треугольника, к наибольшему катету которого прикрепить отвес. Гипотенуза этого треугольника, путем прикладывания к наружным поверхностям бревен-слог, определяла угол наклона ската кровли. В дальнейшем прикрепленная к бревнам доска давала четкое направление ската. Такое же натурное расчерчивание на земле фасада по схеме-идеограмме, по-видимому, было необходимо для точного определения угла наклона шатра, где малейшая неточность могла исказить принятые соотношения ширины верха шатра и зависимые элементы его завершения — шейку и главу. Ошибка в определении угла наклона удваивалась второй гранью.

Проанализируем геометрическую (в отвлеченном масштабе) схему плана и фасада Вознесенской шатровой церкви крещатой в плане (1654 г.) в с. Пияла Онежского района Архангельской области (рис. 8, 9). Для того, чтобы не усложнять расчеты с применением деления сажень в русской четвертичной системе (что в настоящее время недостаточно полно изучено в терминологии записи размеров) с последующим пересчетом в десятичную метрическую систему, все расчеты выполнены в десятичной метрической системе деления сажень.

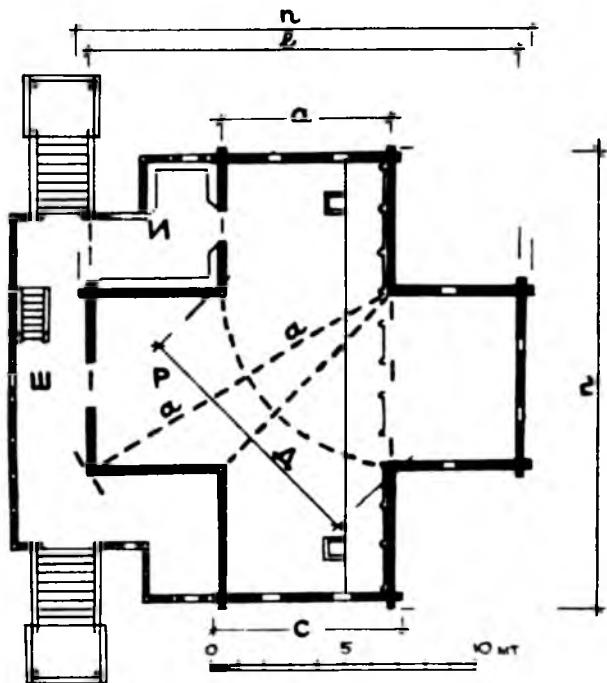

Рис. 8. Вознесенская церковь 1654 г.
с. Пяла Онежского района Архангельской области.
План

В исследованиях Б. А. Рыбакова есть примеры, подтверждающие применение четвертичного деления. Даже новая мера — аршин стал подразделяться на четверти, совпадающие по величине с малой пядью. Деление на четыре было излюбленным⁸. В документах мы часто читаем: "Сажень без восьмые доли"; "башня пол 3 сажени (2 1/2), а поперек сажень с четвертью; стена по 13 сажен с полусаженью"; "сруб двух сажен без локтя"; "башня трех сажен с локтем"; "сажен иматъ 2 полусажени".

М. И. Мильчик цитирует также характерные с этой точки зрения описания Олонецкой крепости (1670—1671 гг.): "Ширина городу две сажени без четверти", "Город до нижних боев рублен в две стены, а меж стен... три чети

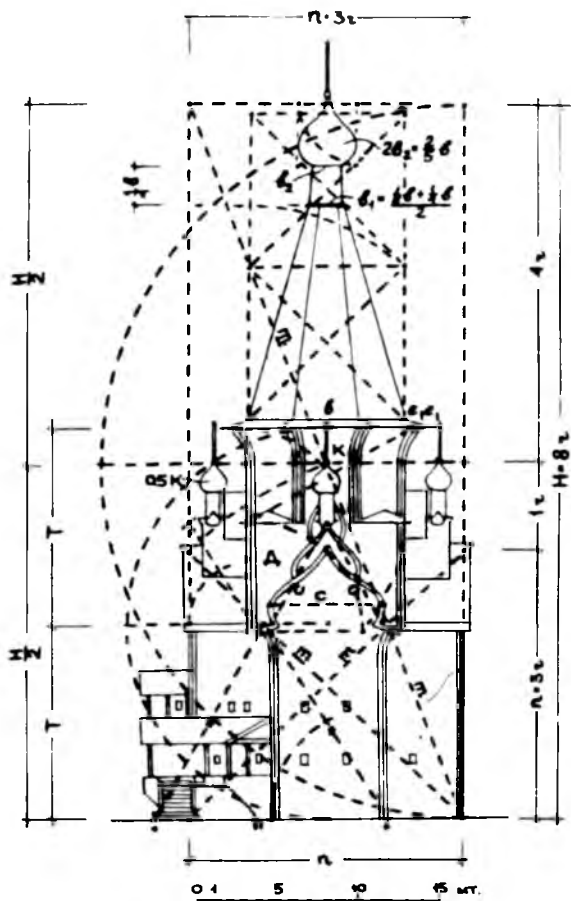

Рис. 9. Вознесенская церковь 1654 г.
с. Пияла Онежского района Архангельской области.
Фасад

аршина, насыпан землею"; "Шатер вверх мерою полу-четвертых (3 1/2) сажень"; "А меж... тарасами шириною сажень без полуаршина"; "...а тарасы рублены вышиною до мосту полторы сажени с двумя вершки"⁹.

Квадратный в плане четверик Вознесенской церкви с. Пияла составляет в осях точно 3 косые сажени

(2,16 м × 3 = 6,48 м) (рис. 8). Прирубы по ширине равны размеру четверика (а). Длина прирубов к четверику (И) определена диагональю, равной размеру удвоенной стороны квадрата четверика в осях (2а). Ширина паперти (Ш) равна 2,85 м, то есть сажени (2,16 м) с аршином (0,72 м), что составляет 2,88 м (по обмеру 2,85 м < 2,88 м на 3 см).

Исходя из размера четверика в осях (а), равного 6,48 (по обмеру 6,49 и 6,52 м), то есть трем косым сажениям, зодчие могли определить длину прирубов так: три косые сажени по 2,16 м можно принять за шесть косых полу-саженей по 1,08 м, ибо известно, что косая полусажень (1,08 м) относится к трубной сажени (1,871 м) как $1 : \sqrt{3} = 1 : 1,732$ (см. рис. 4), то есть дает возможность сделать арифметический расчет размера в плане и удобного в будущем натурного построения с промером диагоналей четверика (квадрата) прямой саженью (1; 5276 м) $1 : \sqrt{2} = 1,08 : 1,5276$ м. Отмерив на шнуре шесть трубных саженей, можно получить длину четверика с прирубом (Р). $1,871 \text{ м} \times 2,16 \text{ м} = 11,22 \text{ м}$, далее промерять этот размер косыми сажениями ($11,22 \text{ м} : 2,16 \text{ м} = 5,194$ кос. саж.) для соответствия измерения с исходной саженью. Затем вычесть три косых сажени (на четверик — квадрат) и получить размер длины прируба (И) : $5,194$ кос. саж. — 3 кос. саж. = $2,194$ кос. саж.

Общая длина (ширина) в осях четверика с двумя прирубами (I) составляет: 3 кос. саж. + $(2,194$ кос. саж. × $2) = 7,388$ кос. саж. $7,388 \times 2,16 \text{ м} = 15,96 \text{ м}$. Общая длина (ширина) сруба здания (п) с учетом двух полудиаметров бревен и двух выпусков "в обло" составит: $15,96 \text{ м} + 0,17 + 0,17 + 0,25 + 0,25 = 16,80$; $16,80 \text{ м} : 2,16 = 7,77$ косых саженей (п).

Определим ширину прируба к четверику на фасаде (С) с учетом двух полудиаметров бревен и двух выпусков бревен: $6,48 + 0,8 = 7,18 \text{ м}$ $7,18 : 2,16 = 3,33$ кос. саж. = 3 кос. саж. с аршином.

Определение наружных размеров сруба церкви было необходимо для расчета пропорциональных соотношений на фасаде (рис. 9). Метрологические размеры в плане по осям стен не соответствовали зрительно вос-

принимаемым соотношениям на фасаде, и зодчие, по-видимому, делали отдельный метрологический расчет по схеме фасада, используя геометрическую схему плана. Высота прируба к восьмерике с полницами (Т) от исходного размера ширины прируба (С) определена подобно соотношению ширины четверика к его длине вместе с одним прирубом. Метрологически этот расчет мог быть выполнен аналогичным способом расчета в плане: $3,33 \text{ кос. саж.} \times 2 = 6,66 \text{ косой полусажени по } 1,08 \text{ м.}$ Известно, что $1,08 \text{ м} : 1,871 = 1 : \sqrt{3}$ (см. рис. 4).

Определим высоту прируба (Т): $6,66 \text{ кос. полусаж.} \times 1,871 \text{ м} = 12,46 \text{ м.}$ Переведем в измерение, соответствующее исходной сажени,— $12,46 \text{ м} : 2,16 \text{ м} = 5,768 \approx 5,77 \text{ кос. саж.}$ Общая высота сруба равна $2 \text{ Т} = 5,77 + 5,77 = 11,54 \text{ кос. саж.} = 24,92 \text{ м.}$

Ширина наружного четверика, расположенного с уровня полиц над прирубами, и восьмерика над ним определена диагональю Д квадрата нефа плана нижнего четверика, измеренного по его наружным углам, и равна $9,90 \text{ м.}$

Обратим внимание на получение высотного размера, равного высоте срубов (Т + Т) и равного половине общей высоты до глав ($\frac{H}{2}$) над средними бочками прирубов к четверику. Высота до верха глав над средними бочками ($\frac{H}{2}$) определена диагональю m до пересечения ее с осью симметрии здания и могла быть рассчитана на основе соотношения $n : \frac{H}{2}$ как $3 : 4$ ($1 : 1,33 \dots$). Для этого разделим $n = 16,8 \text{ м} = 7,77 \text{ кос. саж.}$ на 3 части — $16,8 : 5,6 \text{ м.}$ (Методом одноразового подбора и повторением $1/3$ четыре раза). Высота $\frac{H}{4} = 5,6 \text{ м} \times 4 = 22,4 \text{ м; } 22,4 \text{ м} : 2,16 = 10,37 \text{ кос. саж.}$ Общая высота здания от низа сруба до верха главы равна $22,4 + 22,4 = 44,8 \text{ м} = 20,74 \text{ кос. саж.}$ и определена двумя диагоналями Т.

По обмеру высота здания, за вычетом $0,2 \text{ м}$ на фундамент выше уровня земли, равна $4,0 + 41,03 = 45,03 - 0,2 = 44,83 \text{ м.}$

Высота до верха нижнего яруса бочек несколько больше длины (ширины) здания — n . Это расхождение, вероятно, является следствием детального (натурного)

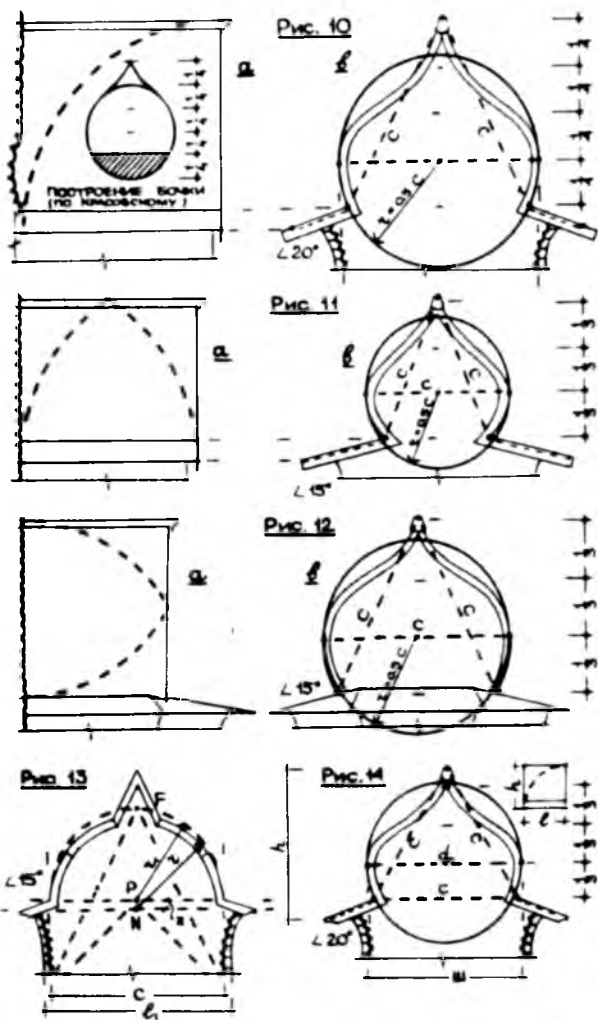

Рис. 10—14. Схемы построения бочек

уточнения размера фронтона бочки нижнего яруса и бочек двух вышерасположенных ярусов.

Для того чтобы нагляднее понять предлагаемое построение, приведем несколько простых примеров определения размеров бочек с полками в проекции на

плоскость и со стороны фронтона бочки (рис. 10, 11, 12, 13, 14). Построение бочки, подобное указанному на рис. 10, выявлено в Сретенской церкви (1666 г.) с. Заостровье около Архангельска.

В Вознесенской церкви с. Пиялы (рис. 9) фронтоны нижней и средней бочек расчерчены на основе равнобедренного треугольника со стороной С. Ширина нижней бочки С равна точно ширине прируба к четверику (нефу). Ширина восьмерика (9,90 м) относится к его высоте (5,71 м) как $\sqrt{3} : 1 = 1,732 : 1$, то есть в зависимости трубной сажени (1,871 м) и половине косо́й сажени (1,08 м, рис. 4).

В состоящихся сажнях — $9,90 : 1,871 = 5,29$ трубной сажени. Повторим количество трубных сажений в размере косо́х полусаженей и получим высоту восьмерика — $5,29 \times 1,08 = 5,71$ м.

Диаметр глав над бочками среднего яруса принят равным половине наружной грани восьмерика (0,5 К). Высота главы равна ее диаметру, то есть вписывается в квадрат. Ширина верха шейки равна половине диаметра главы.

Обращает внимание высота четверика к его ширине в точной зависимости стороны квадрата (высоты) к диагонали (ширине). Повал восьмерика имеет угол наклона 60° , полицы — 15° .

Ширина низа шатра приравнена размеру сруба ширины восьмерика за вычетом двух остатков бревен "в обло" и могла быть промеряна в косо́х полусажениях с получением высоты (в соотношении стороны квадрата и его диагонали) в прямых сажнях путем повторения количества и частей косо́х полусаженей (рис. 4). Для фиксации (записи) высоты шатра в исходной и единой для всего здания мере (косо́х сажнях или косо́х полусажениях) необходимо было промерять размер высоты (шнура) в косо́х сажнях.

Высота шейки принята в размере $1/4$ ширины низа шатра (b). Высота главы принята в размере $2/5$ низа шатра (b) и вписывается в остаток общей высоты здания. Ширина низа шейки равна средней величине между $1/4$ и $1/5$ ширины низа шатра (b). По схеме фасада с

данными размера шатра и оставшейся общей высотой на шейку и главу нетрудно было рассчитать их в исходной мере с фиксацией (записью) размеров.

Продолжая исследование, проанализируем план и фасад Владимирской церкви (1642 г.) в с. Белая Слуда Красноборского района Архангельской области (рис. 15).

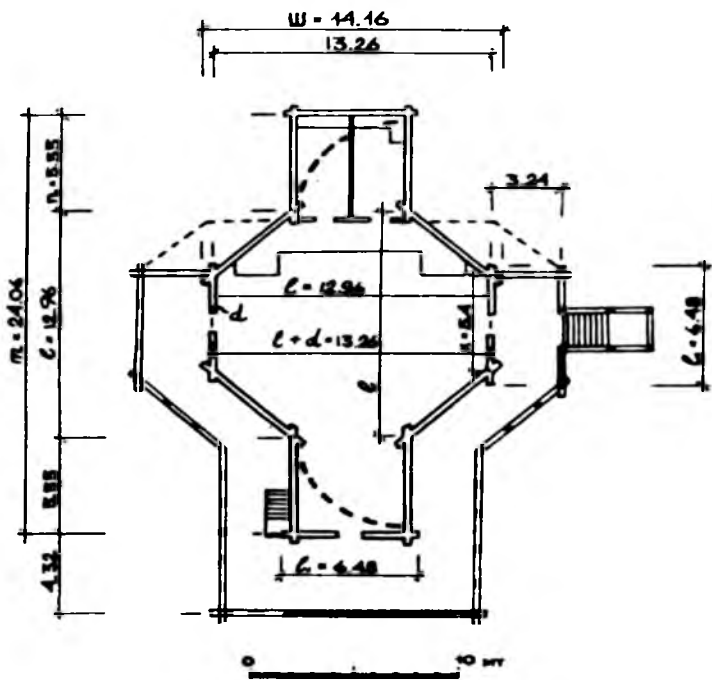

Рис. 15. Владимирская церковь 1642 г.
с. Белая Слуда Красноборского района Архангельской области.
План

В плане — восьмерик с двумя прирубам и галерея-паперть, охватывающая восьмерик и западный прируб. Обращает на себя внимание одинаковая длина бревен на восьмерике и прирубам к нему, равная трем косым сажням ($2,16 \times 3 = 6,48$ м). При этом ширина восьмерика ($l + d$) больше его длины (l) на диаметр бревна — 30 см.

ПОСТРОЕНИЕ ПРАВИЛЬНЫХ ВОСЬМЕРИКОВ ПРИ ДЛИНЕ
БРЕВНА В 2 И 3 КОСЫХ САЖЕНИ (4,32 И 6,48 М)

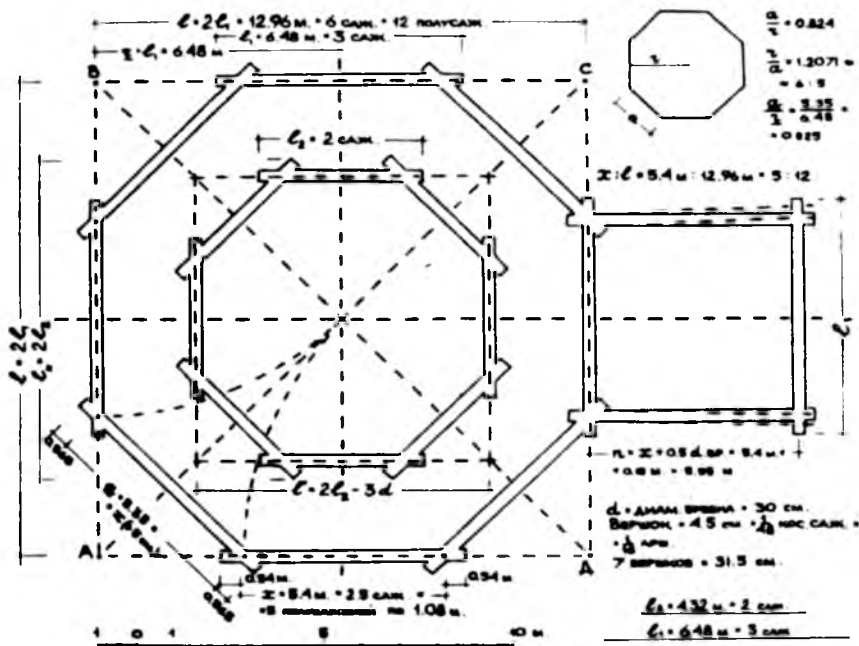

Рис. 16. Построение правильных восьмиугольников при длине бревна в 2 и 3 косые сажени (4,32 и 6,48 м)

Длина прирубов больше их ширины на 0,5 диаметра бревна. Диаметр бревна определялся в 7—8 вершков (31,5—36 см), что было обычным для строительства¹⁰.

Для того чтобы понять отличия размеров по длине и ширине в плане, построим правильный восьмиугольник и получаемый при этом прируб (не квадрат, так как длина его больше ширины и ширина у примыкания к восьмиугольнику меньше, чем у поперечной наружной стены) (рис. 16). Одновременно рассмотрим модель восьмиугольника с размером бревна, равным двум косым саженим, то есть приближающимся к минимальным размерам восьмиугольников на шатровых церквях.

Сделаем отступление и напомним, что в метрологии XVI в., со времени введения в России восточной меры — аршина (0,72 м), установилось деление сажени — 2,16 м¹¹. Но не исключено, что мастера были знакомы с этим делением сажени задолго до его официального введения. Предлагаемый анализ плана выявляет, что в соответствии с задуманным размером правильного восьмиугольника можно определить необходимую длину бревна и, наоборот, приняв длину бревна, можно определить размеры восьмиугольника в осях. Но для этого надо ввести (принять) размер, равный диаметру бревна. Наиболее часто встречающийся диаметр бревна 26—30—35 см за исключением нижних венцов у основания, которые имели диаметр соответственно больше.

При длине бревна в две сажени (4,32 м) и диаметре 30 см размер восьмиугольника в осях равен двукратной длине бревна за минусом трех диаметров (два радиуса бревна и два диаметра выпуска "в обло"). Обращает на себя внимание размер восьмиугольника в свету, равный двукратной длине бревна, то есть $l_n = 2l_2 = 4,32 \times 2 = 8,64 \text{ м} = 4 \text{ кос. саж.}$

При длине бревна в три сажени (6,48 м) и диаметре 30 см (26—35 см) размер восьмиугольника в осях равен двукратной длине бревна (12,96). Методом интерполяции легко представить два промежуточных размера восьмиугольника. При длине бревна 2 саж. 1 арш. (5,04 м) размер восьмиугольника в осях равен соответственно двукратной длине бревна за минусом двух диаметров. При длине

бревна 2 саж. 2 арш. (5.76 м) размер восьмерика в осях равен двукратной длине бревна за минусом одного диаметра. В свою очередь, определив размеры восьмерикового сруба в осях, можно найти его внутренние размеры (вычитанием одного диаметра) и наружные (прибавлением трех диаметров). Эта зависимость, по видимому, была известна зодчим из практики и широко применялась. Необходимо отметить, что получение правильного восьмерика при одинаковой длине бревен на восьмерике и двух (одном) прирубках к нему возможно только при увеличенной ширине алтаря у восточной стены на диаметр бревна (показано пунктиром). По всей вероятности, из композиционных соображений зодчие не шли на уменьшение ширины алтаря за счет уменьшения длины бревна на диаметр на восточной стене, так как это вело к лимиту ширины бочки в конструктивном примыкании к грани восьмерика и ограничению диапазона ее соразмерности с другими частями. Обратим внимание на то, что здесь получался неправильный квадрат или прямоугольник помещения алтаря.

Для того чтобы получить одинаковый размер ширины алтаря, необходимо было раздвинуть участки диагональных бревен, соприкасающихся с прирубком. Но это влекло за собой увеличение длины восьмерика на диаметр бревна по отношению к его ширине, что при продольной компоновке помещений еще больше изменяло соотношение длины к ширине здания. Кроме того, на увеличение пролета перекрываемого пространства зодчие шли очень осторожно и применяли особые конструкции. Примером может служить применение наклонно расположенного потолка от центра продольной оси к стенам в церкви в Белой Слуде. Это давало возможность разгрузить большие пролеты центральной части путем передачи части нагрузок от балок больших пролетов на балки уменьшающих пролетов с помощью досок заполнения, обеспечивающих совместную работу балок перекрытия на прогиб и передачу возникающего распора на три боковые грани стен восьмерика.

Зодчие, по всей вероятности, учитывали эти обстоя-

яательства (композиционные и конструктивные) и увеличивали ширину восьмерика на диаметр бревна путем незначительного перемещения продольных и диагональных граней восьмерика в наружную сторону. Одновременно перемещались части продольных стен прирубов в наружные стороны на диаметр бревна ($0,5 + 0,5$ диаметра) в местах соединения (примыкания) с восьмериком. Примером может служить план Владимирской церкви в с. Белая Слуда (1642) и план Никольской церкви (1589) в с. Лявля, где диагональные грани уменьшены на два диаметра бревна, но ширина восьмерика тоже больше длины на диаметр бревна. Более значительное перемещение продольных граней восьмерика в наружную сторону вело к дальнейшему увеличению разницы ширины восьмерика к его длине, что свойственно некоторым шатровым восьмериковым церквям с двумя прирубами (Георгиевская церковь в с. Вершины Верхнетоемского района Архангельской области — 1672 г., Никольская церковь в с. Согинцы Ленинградской области — 1696 г.). При этом площадь восьмерика не изменялась, но сокращался пролет продольно расположенных балок. Перейдем к метрологическим исследованиям восьмерика при длине бревна 3 косые сажени ($6,48 \text{ м} = l_1$) (рис. 16). Размер наружной грани восьмерика (X) в пересечениях осей врубок равен $5,4 \text{ м} = 2,5 \text{ саж.}$ по $2,16 \text{ м} = 5 \text{ кос.}$ полусаженной по $1,08 \text{ м}$ (при условии размера от пересечения осей врубок до торцов бревен с каждой из двух сторон по $0,54 \text{ м}$; $0,54 + 0,54 = 1,08 \text{ м} =$ полусажени) (рис. 17). Расположение бревен восьмерика в этом случае можно выполнить, построив квадрат ABCD, его оси и диагонали.

Длина восьмерика в осях равна двукратной длине бревна: $6,48 \text{ м} \times 2 = 12,96 \text{ м} = 6 \text{ кос. саж.}$ (l) = 12 кос. полусажен. Следовательно $X : l = 5 \text{ кос. полусажен.} : 12 \text{ кос. полусажен.}$ ($5,4 \text{ м} : 12,96 \text{ м} = 5 : 12$). При точном построении восьмерика засечками полудиagonalей квадрата ABCD со стороной $12,96 \text{ м} = 6 \text{ саж.}$ и длиной бревна $6,48 \text{ м} = 3 \text{ саж.}$ размер грани восьмерика в осях равен $5,35 \text{ м}$ (а). Варианты стески торцов бревен давали возможность уменьшать грань восьмерика в осях врубок

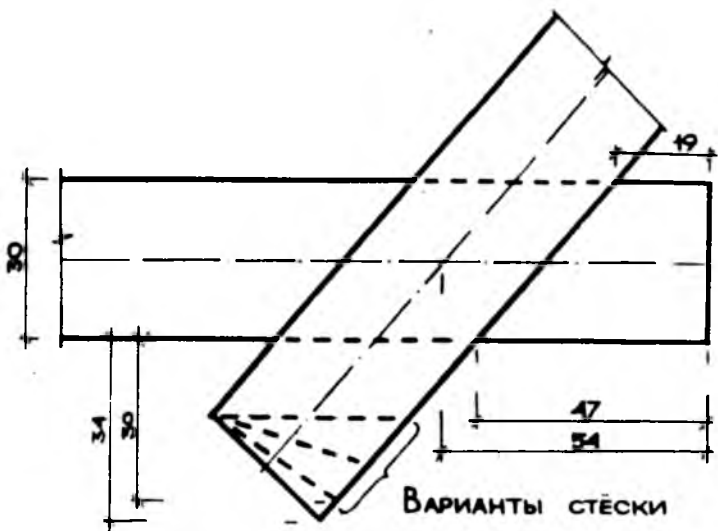

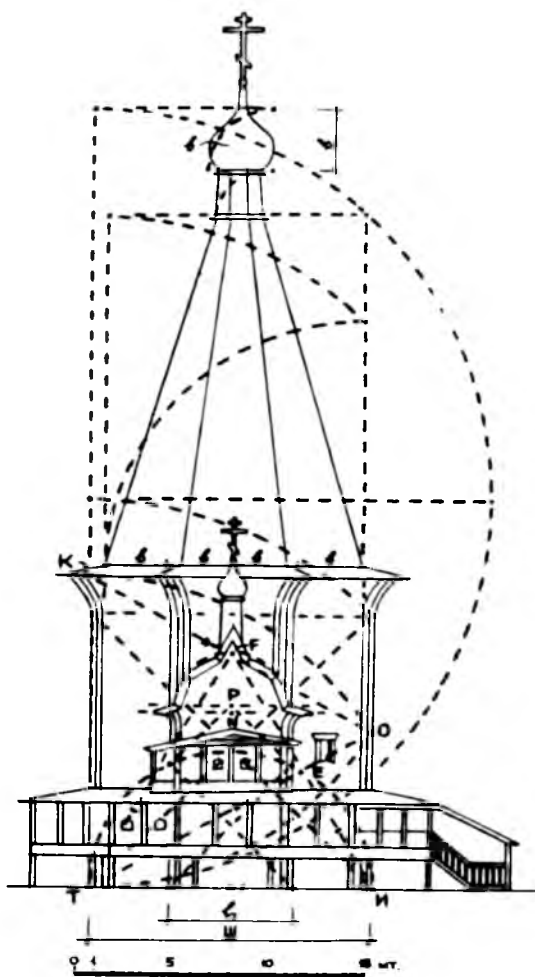
Рис. 17. Угловая врубка в восьмерике

до размеров его построения (5,35 м), исключая при этом чрезмерный выступ конца бревна (рис. 17).

Длина прируба в осях врубок равна $X + 0,5$ диам. бр. = 5,4 м + 0,15 м = 5,55 м = п. Длина восьмерика с двумя прирубами: $12,96 + (5,55 \times 2) = 24,06$ м = т (рис. 15) $24,06 : 2,16$ м = 11,14 кос. саж.

Раздвинув продольные стены прируба, примыкающие к восьмерику, на диаметр бревна, получим равный размер ширины прируба. Это вызовет незначительное перемещение диагональных граней, примыкающих к продольным стенам прируба в наружную сторону с общим перемещением на диаметр бревна продольных стен восьмерика тоже в наружную сторону. Поперечные бревна восьмерика на оси СД в подклете и в уровне до верха повала на прирубе к восьмерику конструктивно не применялись и в данном случае показаны условно для построения правильного восьмерика. При этом необходимо обратить внимание на то, что поперечные грани бревен восьмерика выше уровня верха продольных стен прирубов должны быть длиннее остальных

на диаметр бревна, чтобы обеспечить надежность на скалывание наружных врубок "в обло". Ширина восьмерика в осях $l + d = 12,96 \text{ м} + 0,30 = 13,26 \text{ м} = 6,14$ кос. саж. (рис. 15). Ширина восьмерика в свету равна

*Рис. 18. Владимирская церковь 1642 г.
с. Белая Слуда Красноборского района Архангельской области.
Фасад*

$Ш = (l + d) + (0,5d + 0,5d + d + d) = (12,96 + 0,30) + (0,15 + 0,15 + 0,3 + 0,3) = 14,16 \text{ м} = 6,55 \text{ кос. саж.}$
 Ширина галереи с севера (тоже с юга) равна $3,24 \text{ м} = 1,5 \text{ кос. саж.}$ Ширина галереи с запада равна $4,32 \text{ м} = 2 \text{ кос. саж.}$ По схеме и размерам в плане сделаны построения на фасаде (рис. 18).

Ширина восьмерика определила общую высоту, равную двум диагоналям квадрата. Метрологически это могло быть выполнено следующим расчетом. Представим размер восьмерика $6,55 \text{ кос. саж.}$ в виде косых полусаженей: $6,55 \times 2 = 13,10 \text{ кос. полусажени.}$ Известно, что косая полусажень ($1,08 \text{ м}$) относится к прямой сажени ($1,5276 \text{ м}$) как $1 : \sqrt{2} = 1 : 1,41$. $1,5276 \times 13,1 = 20,01 \text{ м}$. $20,01 \text{ м}$ промеряли в косых полусажениях — $20,01 : 1,08 = 18,53 \text{ косой полусажени.}$ Общая высота

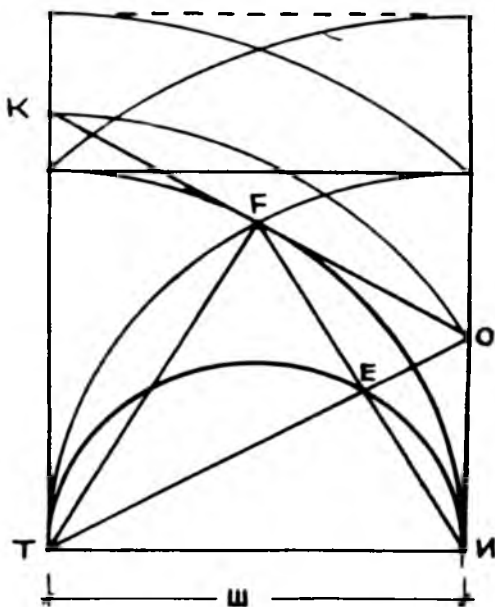

Рис. 19. Схема построения на основе двух равнобедренных треугольников с основанием по горизонтали и вертикали

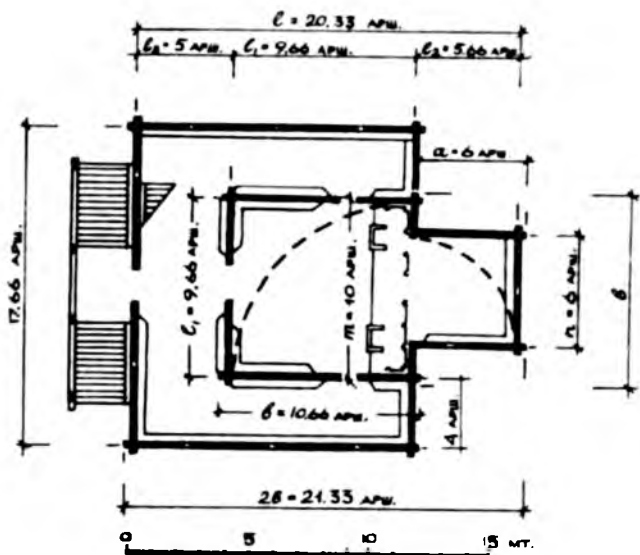

Рис. 20. Вознесенская церковь. 1666 г.
с. Кушерека Онежского района Архангельской области
(перевезена в Архангельский государственный музей
деревянного зодчества и народного искусства).

План

здания: $18,53 \times 2 = 37,06$ кос. полусаж., или $18,53$ кос. саж. $18,53 \times 2,16 \text{ м} = 40,02 \text{ м}$. Этот же расчет общей высоты можно сделать на основе зависимости косо́й саж. ($2,16 \text{ м}$) к парной прямой сажени ($1,5276 \text{ м} \times 2$), состоящих как $1 : \sqrt{2}$ (рис. 1).

Высота восьмерика до низа повала равна ширине восьмерика $\text{Ш} = 14,16 \text{ м} = 6,55$ кос. саж. Высота восьмерика до верха повала (полиц) определена равно-сторонним треугольником с основанием по вертикали (рис. 17). Графически это выполняется так (рис. 19): строится равносторонний треугольник с основанием (Ш) по горизонтали и с вершиной в точке F ; в его основании строится полуокружность, где точка E пересечения грани равностороннего треугольника с основанием по горизонтали дает направление нижней грани равностороннего треугольника с основанием по верти-

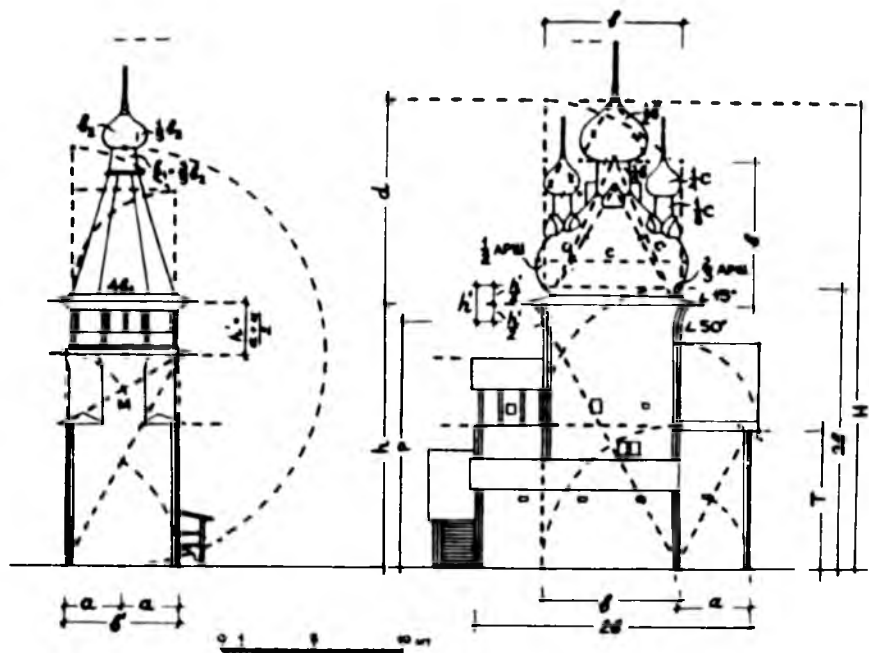

Рис. 21. Вознесенская церковь 1666 г. и колокольня XVIII в. с. Кушерека Онежского района Архангельской области (перевезена в Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства). Вид с юга

кали. Проведя отрезком ТО радиус до пересечения с вертикалью, получим точку К. Соединив точку К с точкой О, получим равносторонний треугольник КОТ. Кстати, отметим, что применение подобной геометрической схемы встречается в каменных церквях Покрова на Нерли (1152 г.) и в церкви Вознесения в Коломенском (1532 г.).

Произведем метрологический расчет высоты (Т.К.) восьмерикового сруба. Его ширина: $Ш\ 14,16 = 6,55$ кос. саж. Известно, что высота в равностороннем треугольнике относится к стороне как $1 : 1,154$. Такое соотношение имеет косая сажень к великой сажени: $216 : 249,46\text{ см} = 1 : 1,154$. Получим основание (Т.К.) равностороннего треугольника КОТ в количестве великих саженей, равных количеству косых: $ТК = 6,55 \times 249,46 = 16,34$ м. Измерим отрезок 16,34 м в исходных косых саженях: $16,34\text{ м} : 2,16\text{ м} = 7,56$ кос. саж. ($7,56$ кос. саж. $\times 2,16 = 16,33$ м).

Проанализируем построение бочки (рис. 18 и 13). Ширина прируба относится к высоте до уровня точки Р (низа бочки) как $1 : 1,5$, то есть $= 3$ кос. саж. $+ 1,5$ кос. саж. $= 4,5$ кос. саж. Точка F является вершиной равностороннего треугольника со стороной, равной Ш. Ширина низа бочки определена радиусом $Ч_1$ и равна двум отрезкам FP ($2\text{ FP} = С$), где $С = l_1 - 2$ диам. бр. $= 6,48 - 0,6 = 5,88$ м. Точка N, определившая уровень низа полиц, отстоит от точки Р на 2 диам. бревна (выпуска "в обло"). Этот размер $= l_1 - С = Z = 0,6 = \frac{1}{6}$ арш. Уточнение формы криволинейной части бочки при сохранении первоначальной ее ширины выполнено на основе радиуса $Ч = Ч_1$, но проведенного из точки N. При этом $Ч = 0,5С = 0,5 \times 5,88 = 2,94$ м $= 4$ арш. (+ 6 см). 6 см $= 1/12$ арш.

Угол наклона полиц шатра принят 15° и мог быть определен от свеса досок у повала в горизонтали, проходящей через точку К, наклонной линией до вертикали, фиксирующей ширину шатра. Ширина низа шатра равна ширине сруба восьмерика по внутренним граням и могла быть рассчитана метрологически: длина сруба восьмерика в осях (l) равна тоже 12,96 м, то есть длине

восьмерика в осях (рис. 15). Превратив отрезок 6 кос. саж. в 12 кос. полусаженной и измерив его прямыми саженьями в этом же количестве, получим высоту шатра = 18,33 м. $12 \text{ кос. полусаж.} : 12 \text{ прямых саж.} = 1 : \sqrt{2} = (1,08 \text{ м} \times 12) : (1,5276 \text{ м} \times 12) = 1,5276 \text{ м} \times 12 = 18,33 \text{ м}$
 $18,33 \text{ м} : 2,16 = 8,485 \text{ кос. саж.}$

Далее зодчие, по-видимому, определяли не ширину верха шатра, а размер главы, вписывающейся в квадрат, приняв ее в $1/4$ ширины низа шатра: $6 \text{ кос. саж.} : 4 = 1,5 \text{ кос. саж.}$

Шейка тоже вписывается в квадрат, и размер ее ширины (высоты) равен примерно $2/3$ ширины главы, то есть $(1,5 \text{ кос. саж.} : 3) \times 2 = 1 \text{ кос. саж.}$ Ширина верха шатра приравнена к ширине шейки.

Так зодчие четко могли выполнить схему плана и фасада, рассчитав ее метрологически.

Проанализируем план и фасад кубовой Вознесенской церкви в с. Кушерека Онежского района Архангельской области. Длина и ширина в осях молитвенного помещения — квадрат (рис. 20) : $11 = 6,96 \text{ м}$, $6,96 : 2,16 = 3,22 \text{ косых саж.} = 9,66 \text{ аршина} = 9\frac{2}{3} \text{ арш. (аршин 72 см)}$. Длина (ширина) его сруба в свету равна $7,68 \text{ м} = 3,555 \text{ кос. саж.} = 10,66 \text{ арш.} = 10\frac{2}{3} \text{ арш.} = b$.

Длина алтаря в осях $l_2 = 4,07 \text{ м} = 5,66 \text{ арш.} = 5\frac{2}{3} \text{ арш.}$ Ширина алтаря в осях $n = 6 \text{ арш.}$ При этом внутренний размер алтаря — квадрат. Наружная длина сруба алтаря $a = 6 \text{ арш.}$ Длина паперти в осях от западной стены молитвенного помещения — $l_3 = 5 \text{ арш.}$ Длина здания в осях = $14,66 \text{ м} = 6,78 \text{ саж.} = 20,33 \text{ арш.} = 20\frac{1}{3} \text{ арш.}$ Ширина паперти $17,66 \text{ арш.} = 17\frac{2}{3} \text{ арш.} = 12,72 \text{ м}$.

В размерах на плане четко выражено применение косой сажени, ее составных трех аршин и частей аршина: $1/3$ (24 см), $2/3$ (48 см).

Расчетными размерами на фасаде для центрального столпа и алтаря являются величины b и a . Высота восьмерика с повалом (h) равна среднеарифметическому значению между двумя квадратами ($2B$) и прямоугольником, определенным диагональю, равной удвоенному основанию (высота P) : $\frac{2h+P}{2} 2b = 3,555 \text{ кос. саж.} \times 2 =$

= 7,11 кос. саж. Теперь рассчитаем метрологически высоту Р: $b : p = 1 : 3 =$ косая полусажень (1,08 м) : : трубная сажень (1,871 м).

В нашем случае $b = 10,66$ арш. = 3,555 кос. саж. = 7,12 кос. полусажен. Повторив количество (7,12) кос. полусаженной в трубных саженях, получим высоту Р: $P = 7,12 \times 1,871 = 13,30$ м $13,3 : 2,16 = 6,157$ кос. саж.

Определим высоту сруба h:

$$h = \frac{2b + P}{2} = \frac{7,11 \text{ кос. саж.} + 6,157 \text{ кос. саж.}}{2} = \frac{13,26 \text{ кос. саж.}}{2} = 6,63 \text{ кос. саж.} = 19,89 \text{ арш.} = 19,9 \text{ арш.} = 14,32 \text{ м.}$$

Зодчие могли рассчитать это среднеарифметическое значение другим способом: 1. Определить разницу между $2b$ и Р: $7,11 - 6,15 = 0,96$ кос. саж. 2. Поделить разницу на 2: $0,96 : 2 = 0,48$ кос. саж. 3. Прибавить к Р или вычесть из $2b$ размер 0,48 кос. саж. Расчет соотношений на срубе алтаря (а : Т) выполнен аналогично определению соотношений ($b : p$) : $a = 2$ кос. саж. = 4 кос. полусаж. Соответственно Т = 4 трубные сажени = $4 \times 1,871 \text{ м} = 7,48 \text{ м.}$

$$7,48 : 2,16 = 3,46 \text{ кос. саж.} = 10,38 \text{ арш.}$$

Алтарная бочка с полицами вписывается в квадрат. Метрологический расчет: 6 арш. + $\frac{2}{3}$ арш. = $6\frac{2}{3}$ арш. ($\frac{2}{3}$ арш. = 48 см = двум выпускам "в обло" фронтона бочки, в дополнение к одному общему "в обло" от врубки угла). Повал четверика выполнен из пяти бревен под углом 50° и высота его составляет $\frac{h}{2} = 0,48$ кос. саж. Угол наклона полиц принят 15° .

Высота полиц, куба и шейки центральной главы равна $b = 3,555$ кос. саж. = 10,66 арш. = $10\frac{2}{3}$ арш. Высота от низа полиц до верха центральной главы равна диагонали квадрата b .

$b : d = 1 : \sqrt{2} = 2,16$ (кос. саж.) : $(1,5276 \times 2)$ к паре прямых саженей. Повторим количество кос. саж. в размере пары прямых саженей $d = 3,555 \times 3,055 \text{ м} = 10,85 \text{ м}$ $10,85 : 2,16 = 5,02$ кос. саж. = d .

Общая высота здания до низа главы — $h + d = 6,63$ кос. саж. + 5,02 кос. саж. = 11,65 кос. саж. = 33,95 арш. = 25,16 м = Н.

Наибольшая ширина бочки (С) = $b + (1/2 \text{ арш.} \times 2) = 11\frac{2}{3} \text{ арш.}$ Ширина низа бочки = $b - (2/3 \text{ арш.} \times 2) = 10\frac{2}{3} \text{ арш.} - \frac{4}{3} \text{ арш.} = 9\frac{1}{3} \text{ арш.}$

Наружные грани боковых глав совпадают с вертикалями стен четверика в свету (размер b). Верх боковых глав находится выше низа центральной главы на 20 см и совпадает с горизонталью, проходящей через вершину равнобедренного треугольника с наклонной стороной С. Верх кокошника центральной главы расположен в уровне вершины равностороннего треугольника, построенного по размеру низа куба. Ширина боковых глав равна $1/4$ С. Ширина шеек этих глав равна $1/8$ С. Соотношение ширины боковых глав к их высоте подобно соотношению стороны к высоте в равностороннем треугольнике. Ширина центральной главы равна $1/2b$. Соотношение ширины центральной главы к ее высоте подобно соотношению стороны к высоте в равностороннем треугольнике. Ширина низа шейки центральной главы равна $1/4b$.

В определении размеров глав четко выражено четвертичное деление величины. Сходное с Вознесенской церковью построение на четверике и кубе наблюдается в Климентовской церкви (1695 г.) Онежского района Архангельской области.

Проанализируем Одигитриевскую церковь в с. Кимжа Мезенского района Архангельской области (1763 г.) (рис. 22, 23). Обратим внимание, что здесь косая сажень принята не 2,16 м, а 2,13 м, то есть укороченная при Петре I до соответствия семи английским футам. В плане — линейная компоновка помещений. Длина бревен молитвенного помещения — 4 саж. по 2,13 = 8,52 м = 12 арш. Средний диаметр бревна 35—36 см. Длина бревен, исключая два выпуска "в обло" — 3,66 саж. = 11 арш. = a . Длина бревен в осях врубок = 3,5 саж. = 10,5 арш. = l_1 . Ширина молитвенного помещения в осях врубок ($Ш_1$) больше длины (l_1) на один аршин и соответственно равна 11,5 арш. = $Ш_1$. Длина алтаря в осях врубок = 2 саж. = l_2 . Ширина алтаря в осях врубок = 2,5 саж. = 7,5 арш. = $Ш_2$, что меньше молитвенного помещения на 4 аршина (по два с каждой

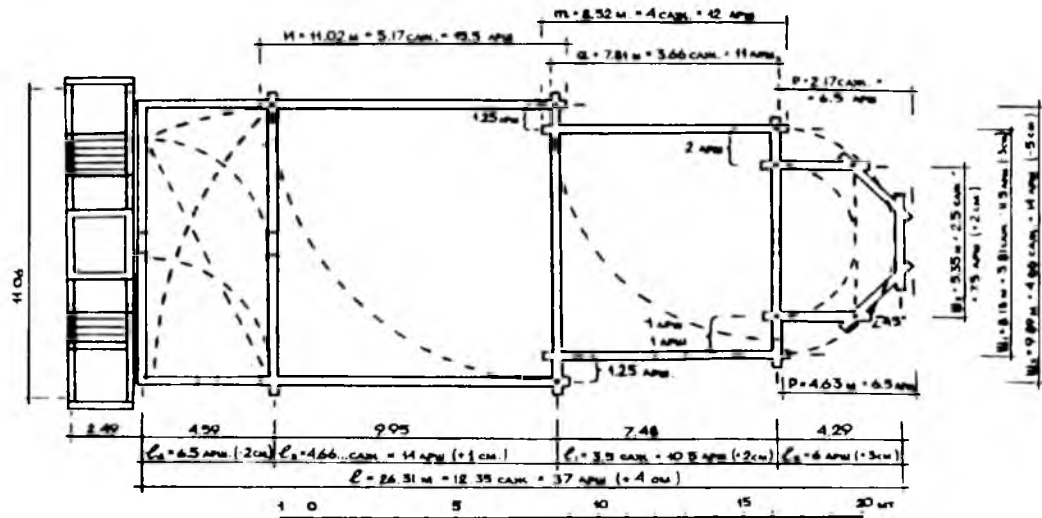

Рис. 22. Одигитриевская церковь 1763 г.
с. Кимжа Мезенского района Архангельской области.
План подклета

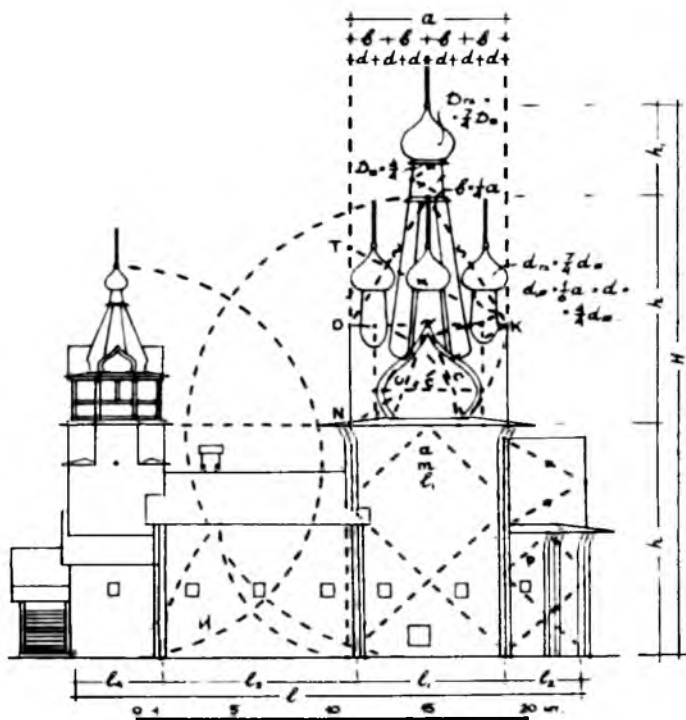

Рис. 23. Одитриевская церковь 1763 г.
с. Кимжа Мезенского района Архангельской области.
Фасад

стороны). Построение пятистенного алтаря сделано на основе двух полуокружностей и квадратов, построенных на их основе.

Трапезная в плане — квадрат. Размер в осях врубок равен 4,66 саж. = 14,0 арш. = l_3 . Длина бревен на трапезной равна 5,17 саж. = 15,5 арш. = $И$. Ширина трапезной больше ширины молитвенного помещения на 2,5 арш. (по 1,25 аршина с каждой стороны). Длина паперти $l_4 = 4,59 \text{ м} = 2,17 \text{ саж.} \approx 6,5 \text{ арш.}$ При этом длина паперти относится к ширине по внутренним размерам как $1 : 5 = 1 : 2,236 \approx 1 : 2,25$. Общая длина срубов в осях = 26,31 м = 12,35 кос. саж. = 37 арш. = 1. Ширина трапезной в осях = 9,89 м = 4,66 саж. = 14,0 арш.

(— 5 см). Отношение длины к ширине $37 : 14,0 \quad 1 : 2,8$.
Общая высота до низа креста равна $h + h + h_1 = 6 \text{ саж.} +$
 $+ 6 \text{ саж.} + 2,33 \text{ саж.} = 14,33 \text{ саж.} = 43 \text{ арш.} = 30,56 \text{ м.}$

Отношение длины здания к высоте: $26,31 \text{ м} : 30,56 =$
 $= 0,86 : 1$.

Соотношения на фасаде: ширина сруба молельни (m)
относится к высоте сруба до полиц (h) как $1 : 1,5 =$
 $= 4 \text{ саж.} : 6 \text{ саж.}; 8,52 \times 1,5 = 12,87 \text{ м} = 6 \text{ саж.} = 18 \text{ арш.}$
Такое же соотношение на срубe алтаря ($1 : 1,5$).

Высота сруба трапезной до уровня кровли относится
к длине в соотношении, близком с соотношением сто-
роны квадрата к диагонали. Соотношения на срубax
могли быть просто рассчитаны метрологически по раз-
мерам в плане.

Оригинальна схема построения крещатой бочки шатра
и главок. Исходным размером ширины крещатой бочки
принята длина сруба до наружных граней бревен по-
перечных стен ($a = 7,81 \text{ м} = 3,66 \text{ саж.} = 11 \text{ арш.}$).
Высота от низа полиц четверика до верха шатра равна
высоте сруба молитвенного помещения ($h = 6 \text{ кос. саж.}$).
Равносторонний треугольник, построенный с уровня
верха шатра, определил верх крещатой бочки (OK).
Оставшаяся высота ON имеет соотношение к ширине
бочки (a) как стороны квадрата к его диагонали. Уровень
верха боковых глав проходит по горизонтали через
точку T и мог быть определен равносторонним тре-
угольником (TKN) с основанием по вертикали. Бочка с
полицами вписывается в квадрат со стороной ON. Угол
наклона полиц и размер наибольшей ширины бочки
($C = ON$) определили размер низа бочки.

Диаметр верха шейки боковых глав равен $1/6a$
($d_{ш} = 1/6a = d = 4/4d_{ш}$). Основание шейки незначительно
расширено. Диаметр боковых глав равен $7/4$ диаметра
шейки ($d_{гл} = 7/4d_{ш}$). Соотношение диаметра боковой
главки к ее высоте определено в среднем значении
между квадратом и вписанным в него равносторонним
треугольником. Ширина верха равна $b = 1/4a$. Отно-
шение ширины низа шейки центральной главы к ее
высоте соответствует зависимости высоты в равносто-
роннем треугольнике с основанием по вертикали к его

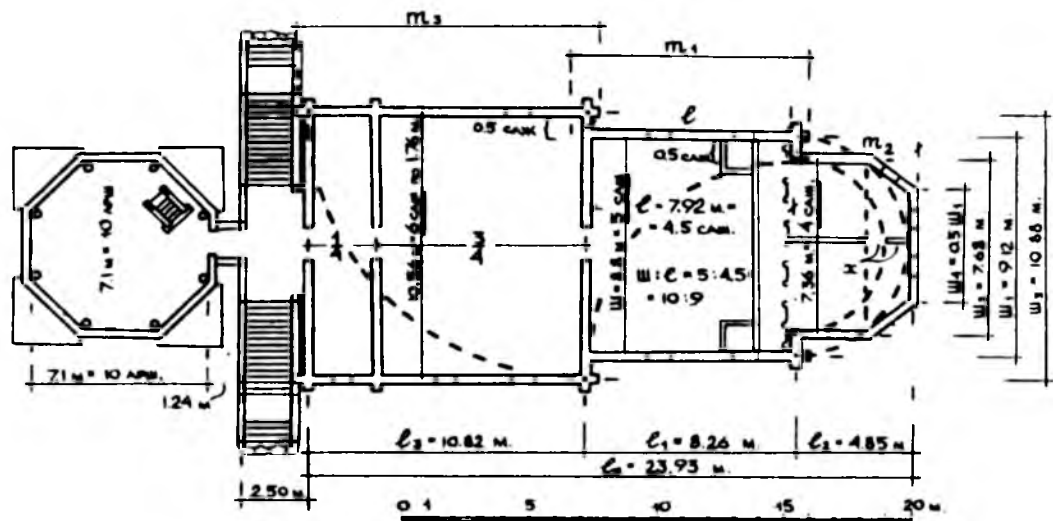

Рис. 24. Вознесенская церковь 1761 г.
с. Титиницы Медвежьегорского района Карелии.
План

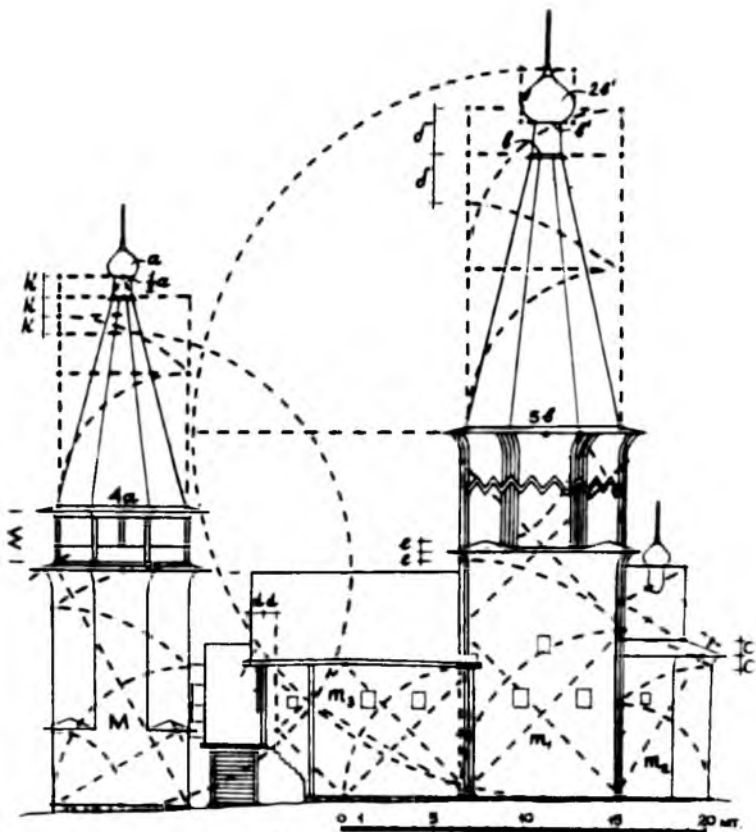

Рис. 25. Вознесенская церковь 1761 г.
с. Типиницы Медвежьегорского района Карелии.
Фасад

стороне. Ширина верха шейки незначительно меньше ее низа. Если диаметр верха шейки принять за $1 = 4/4$ ($D_{ш} = 4/4$), то диаметр центральной главы будет равен $7/4$ диаметра шейки ($D_{гл} = 7/4 D_{ш}$). Соотношение диаметра центральной главы к ее высоте определено в среднем значении между квадратом и вписанным в него равносторонним треугольником. Метрологический расчет в косых саженьях от размеров стороны квадрата и диагонали и высоты к стороне в равностороннем

треугольнике аналогичен приведенному расчету на Владимирской церкви в Белой Слуде.

Примером системного применения в геометрических построениях среднеарифметических значений между двумя величинами является пропорциональный анализ фасада Вознесенской церкви в с. Типиницы Медвежьегорского района Карелии АССР (1761 г.) (рис. 25).

В плане — линейная компоновка молитвенного помещения, алтаря и трапезной с сенями (рис. 24). Линейная мера применена по внутренним размерам (не в осях).

Длина молитвенного помещения равна 4,5 мерной сажени = 7,92 м. Ширина равна 5 мерным сажени = 8,8 м (мерная сажень = 1,76 м). Отношение длины к ширине $4,5 : 5 = 9 : 10$.

Трапезная с сенями представляет собой квадрат. Ширина трапезной 6,0 саж., что на сажень больше ширины молитвенного помещения. Длина трапезной на $1/4$ меньше ширины ($3/4$). Длина паперти равна $1/4$ ширины трапезной.

Ширина пятистенного алтаря 4 сажени, то есть на сажень меньше ширины молельни. Длина пятистенного алтаря 2,7 саж. и определена радиусом половины ширины молельни, взятой в осях стен. Восточная грань пятистенного алтаря приравнена к половине ширины молельни в осях. Диагональные грани построены от восточной грани под углом 45° до пересечения их с продольными стенами алтаря.

Длина срубов в осях = 23,93 м = 13,6 мерной саж.

Ширина здания трапезной в осях = 10,92 м = 6,17 мерной сажени. Высота здания до верха главы = 38,45 м — 21,8 мерной сажени.

Соотношение на фасаде длины к высоте до свеса кровли определено в срубе трапезной и сеней в среднем значении между полутора квадратными и прямоугольным, имеющим удвоенную диагональ меньшей стороны ($\frac{1,5 \cdot \sqrt{3}}{2} = \frac{1,5 + 1,732}{2} = 1,616$, то есть в соотношении, близком к золотому сечению $1 : 1,618$).

Соотношение в срубе четверика молитвенного помещения определено в среднем значении между прямо-

угольником, имеющим отношение стороны квадрата к диагонали, и прямоугольником за полутора квадратов ($\frac{1,41+1,5}{2} = 1,455$, т. е. в соотношении длины к высоте — 1 : 1,45).

Соотношение в срубе алтаря определено в среднем значении между прямоугольником, имеющим удвоенную диагональ меньшей стороны ($\frac{\sqrt{2} + \sqrt{3}}{2} = \frac{1,41 + 1,732}{2} = 1,57$, то есть в соотношении длины к высоте — 1 : 1,57).

Соотношение ширины шатра к его высоте определено в среднем значении между двумя квадратами и диагональю квадрата ($\frac{\sqrt{1} + \sqrt{2}}{2} = \frac{2 + 1,41}{2} = 1,705$, то есть в соотношении 1 : 1,7).

Высота восьмерика относится к ширине как $1 : \sqrt{2} = 1 : 1,41$.

Соотношение длины бочки к высоте в проекции на плоскость определены на основе равностороннего треугольника с вертикальным расположением одной грани.

В приведенном анализе схем построений и метрологических расчетов на планах и фасадах ряда памятников показана возможность использования при расчетах геометрических соотношений, имеющих между собой определенную метрологическую взаимосвязь.

Применяемые при расчете соотношений различные сажени на одном здании должны были переводиться в исходную для данной постройки меру длины (сажени). Иначе не определить общих размеров здания, а также высоты, состоящей из нескольких различных срубов, покрытия и главки. Вероятно, такой переход от применения нескольких метрологически различных расчетных размеров к единому-исходному считается нерациональным и весьма трудоемким, что вызывает сомнение у значительной части архитекторов, искусствоведов и других специалистов в его использовании. Но надо отметить, что метод применения единой меры для расчета соотношений на одном здании не менее, а иногда даже более трудоемок, чем применение метрологически взаимосвязанных сажени.

Безусловно, составление схемы-идеограммы можно выполнить в отвлеченном масштабе в простых соотношениях и с расчетом размеров в единой системе сажени. Для этого надо применить метод деления (отрезков) размеров в принятой исходной (единой) сажени в четном и нечетном делении. Следует еще раз обратить внимание на то, что упомянутый вариант более трудоемок по сравнению с применением расчета во взаимосочетающихся сажнях, если принятие последующего размера связано с необходимостью деления на части предыдущего размера (не совпадающего с кратным количеством сажени или полусажени), с повторением задуманного количества частей последующего размера и промером его в единой мере сажени.

Правда, нередко в размерах на плане молитвенного помещения, алтаря, трапезной и сеней наблюдаются кратные соотношения сажень или отличающиеся в пределах ее частей деления (полусажени, четверти сажени; для сажени 2,16 м или 2,13 м — двух с половиной аршин, двух аршин, одного аршина и его половины), что дает возможность, не применяя метод деления отрезков, определить последующие размеры (рис. 22, 24). Напомним, что размеры помещений в плане применялись в осях срубов или по внутренним стенам, тогда как соотношения форм на фасаде определялись по видимым снаружи размерам здания. Однако для расчетов зрительно воспринимаемых размеров форм на фасадах кратное количество сажень (полусажень) редко соответствует исходному количеству расчетных частей для определения пропорциональных соотношений. Обратим внимание на трудность выявления примененного метода простых соотношений по сравнению с методом геометрических, близких простым соотношениям. Например: $1 : \sqrt{2} = 1 : 1,41 \approx 5 : 7$, $10 \text{ м} : 14,1 \text{ м} = 1 : 1,41$; $5 : 7 = 1 : 1,4$, $10 \text{ м} : 14 \text{ м} = 1 : 1,4$. Разница 10 см. Безусловно, простыми соотношениями можно считать $4 : 5$ ($1 : 1,25$), $5 : 6$ ($1 : 1,2$), $4 : 6$ ($1 : 1,5$), $3 : 4$ ($1 : 1,33$) в виду того, что в указанных примерах нет близких геометрических (иррациональных) соотношений.

Метод предварительного натурального расчерчивания по

геометрической схеме плана и фасада зодчие могли применять как самый простой способ точного определения и фиксации без особых расчетов в единой мере, заданной подрядом, употребляя части деления сажени. Это же применимо в случае вдвойне трудоемких расчетов в схеме системного использования среднеарифметических значений между двух геометрических соотношений (рис. 25). Обращает на себя внимание точность размерных построений форм на фасадах в геометрических и простых соотношениях, проанализированных на большинстве чертежей в масштабе 1 : 50 архитектурно-археологических обмеров, несмотря на возраст построек 250—300 лет и осадку срубов.

Исследование древних деревянных церквей выявляет заделки над проемами окон и дверей, предусмотренные для осадки сруба. Надо отметить, что осадка срубов при отборно прочной и плотно припазованной древесине была незначительной, но, вероятно, на осадку строители добавляли в зависимости от высоты срубов размер в пределах одного-двух венцов. В особо высоких срубах добавление размера на осадку могло увеличиваться.

Предлагаемое исследование является одной из первых попыток показать возможные способы и объем расчетных работ, которые должны были предшествовать началу строительства, обеспечивать точность при построении архитектурной формы и давать возможность определить количество и размеры потребных материалов.

Примечания

¹ Тиц А. А. Два древнерусских проектных чертежа XVII в. // Ежегодник Института истории искусств. 1960. М., 1961. С. 14.

² Тиц А. А. Загадка древнерусского чертежа. М., 1978. С. 19—20.

³ Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1. С. 88—100.

⁴ Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI—XV вв. // СЭ. 1949. № 1. С. 67—91; он же. Архитектурная математика... С. 83—112.

⁵ Крохин В. А. Системы построения формы в древнерусском деревянном зодчестве XVI—XVII вв. // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. IV [НИИ культуры. Труды 35]. М., 1976. С. 219, 227.

⁶ Рыбаков Б. А. Мерило новгородского зодчества // ПКНО. 1974 г. М., 1975. С. 205—217.

⁷ Крохин В. А. Сравнение пропорциональных соотношений памятников деревянного и каменного зодчества // Архитектурное наследие и реставрация: Сборник научных трудов. М., 1984. С. 87.

⁸ Рыбаков Б. А. Архитектурная математика... С. 85.

⁹ Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера: Страницы истории. Л., 1981. С. 100, 108, 112.

¹⁰ Так, в порядной записи на строительство хором в Вологде (1684 г.) читаем: "в отрубе... в восемь вершков., а менши семи вершков не ставить" (Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Указ. соч. С. 29).

¹¹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975. С. 81—82.

При Петре I сажень в 2,16 м была уменьшена до 2,13 м, то есть до соответствия 7 английских футов. В связи с этим аршин уменьшен с 0,72 м до 0,71 м и вершок с 4,5 см до 4,45 см. (Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 237—239).

АРХИТЕКТУРА КАРГОПОЛЯ
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

(проблемы сохранения памятников)

ВПЛОТЬ до сегодняшнего дня историки не могут прийти к единому мнению о дате основания Каргополя, значении его названия. По обеим проблемам существует много мнений. Однако большинство исследователей считают, что этот городок с населением в 12 тыс. чел., расположенный в юго-восточной части Архангельской области, является одним из самых старых городов Русского Севера¹. Трудно представить, но несколько столетий назад он был одним из наиболее важных населенных пунктов². Торговый путь к Белому морю вдоль реки Онеги довольно долгое время имел большое значение. Соль постепенно перестала быть стратегическим товаром для этого региона, поэтому торговля сошла на нет. Скудное сельское хозяйство стало основой существования крестьян, в отличие от государственного сектора в самом городе. Только белокаменные церкви Каргополя напоминают о былом величии XVI—XVIII вв. Но большая часть этих памятников находится в ужасающем состоянии.

Каргополь напоминает город XVI века. Размеры его сохранились теми же, что и четыре-пять столетий назад. Немного сохранилось с тех пор, во многом из-за пожара 1765 г., уничтожившего город и даже повредившего каменные стены³. Когда город был отстроен, запретили строительство деревянных домов поблизости от церквей как из-за опасности возгорания, так и неэстетичности, умаляющей красоту белокаменных стен.

В соответствии с ландшафтом, Каргополь начал застраиваться планомерно со времен Екатерины кварталами одно-двухэтажных домов. Окна по окружности, по русской традиции, украшены резьбой и изящными

*Ил. 1. Каргополь. Колокольня и Христорождественский собор.
Фотография У. К. Брумфида. 1998 г.*

карнизами. В этом торговом, ремесленном, церковном, чиновничьем городе украшение деревянных домов отражало процветание и традиционный образ жизни.

В городе есть сооружение, заметное со всех сторон: колокольня собора Рождества Христова (ил. 1). Собор является самой старой и примечательной постройкой в городе. Построенный в 1552—1562 гг., он неоднократно перестраивался, впервые в 1652 г. после пристройки придела Святых Филиппа и Алексия с северной стороны, высокого крыльца и лестницы. Вскоре нечто подобное было пристроено к южному фасаду, а к западной стороне — также крыльцо и лестница⁴. Эти изменения визуально придавили собор к земле; с веками здание ушло в землю почти на метр.

Огромный пожар 1765 г. вызвал появление трещин в стенах собора. Большие контрфорсы позволили укрепить сооружение. Величественное оригинальное белое здание с пятью куполами выглядит сегодня громоздким со всех сторон. Пожар также повредил фрески собора. Купола, частично построенные с использованием дерева, также пострадали от пожара. Часть настенных росписей, уцелев во время пожара, была испорчена, поскольку в течение пяти лет собор стоял без всякого ремонта под открытым небом. Сегодня стены покрашены в белый цвет, виден лишь небольшой кусочек оригинальных фресок с западной стороны. От икон осталось лишь то, что было установлено после 1765 г. Необычным элементом внешней конструкции является железная балка, торчащая из центрального каменного барабана. К ее концу прикреплена цепь, держащая центральное паникадило.

Во время восстановления города после пожара территория вокруг собора Рождества Христова была очищена для так называемого Нового торгового двора, ограниченного с северо-востока церковью Рождества Иоанна Предтечи, построенной до пожара между 1740 и 1751 гг.⁵ (ил. 2). Подчеркнуто строгая по форме, эта церковь с куполами в стиле барокко высится над окружающей местностью. Центральным элементом ансамбля Нового торгового двора (иногда называемого Кафедральной площадью) является ог-

*Ил. 2. Каргополь. Церковь Иоанна Предтечи.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

ромная трехэтажная колокольня, выстроенная в 1767 г. с элементами барокко и классицизма (ил. 1). Нижняя часть сооружения должна была служить триумфальными во-

ротами для Екатерины Великой⁶. Ее визит так и не состоялся, но колокольня является прекрасным ориентиром. В северо-западной части Кафедральной площади находится Введенская церковь, построенная в 1802 г. в строгом архаичном стиле, гармонирующем с остальным ансамблем.

На востоке Каргополя около старой крепости и в нескольких сотнях метров от Нового торгового центра стоит величественная белокаменная церковь Воскресения, построенная в конце XVII в. в стиле русской церковной архитектуры XV в. (ил. 3). Как и во многих других

*Ил. 3. Каргополь. Воскресенская церковь.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

городах Севера, здесь также трудно представить, какое же нужно было иметь преуспевание, чтобы возводить такие церкви. Так много было утеряно в последние десятилетия (да и раньше тоже) и так мало делается для сохранения уцелевшего. Например, церковь Воскресения, давшая название прилегающей площади, по соседству имела еще одну церковь с колокольней. Сегодня из всего ансамбля осталась лишь она.

Но свидетельства многовекового труда ремесленников и строителей все еще заметны. Неподалеку от Воскресенской церкви высится купол Троицкой церкви, выстроенной в неовизантийском стиле. Троицкая церковь, начатая в 1790 г. и законченная в 1802 г., также дала имя площади, на которой в свое время стояла еще одна церковь Иоанна Богослова с колокольной⁷. Сегодня церковь Троицы является местом выставок народных промыслов, организуемых местным краеведческим музеем. Огромное пространство под куполом выгодно подчеркивает произведения мастеров. В западной части города находится целая группа церквей, среди которых выделяется Благовещенская церковь, выстроенная к 1692 г. из местного белого камня. Огромные окна украшены богатой каменной резьбой, поражающей воображение. Историк искусства Игорь Грабарь написал в начале столетия, что это напоминает дворцы раннего флорентийского Возрождения⁸. Это скорее было бы характерно для архитектуры Московского Кремля XV в., но в Москве этого нет вообще. Апсида церкви с аркатурным фризом вообще несравнима ни с чем. Вот еще одна загадка Русского Севера: кто привнес и выполнил это чудо?

Увы, Благовещенская церковь ныне находится в разрушенном состоянии. На север от нее находится Никольская церковь (1741 г.), строгая по исполнению и производящая впечатление постройки в традициях классицизма. Вместе эти церкви формируют территорию Старого торгова, с севера ограниченную церковью Рождества Богородицы (1680 г.). Хотя по размерам она меньше Благовещенской, но ее украшают богатые резные украшения, и структура сбалансирована двумя приделами с севера и юга. В наше время это единственная действующая православная церковь в Каргополе. Город не может позволить себе большего.

На западе в границах старого города на холме находится последняя каргопольская уцелевшая церковь Св. Зосимы и Савватия, построенная в 1819 г. в честь царя Александра I. Классический стиль и округлый купол напоминают романский замок или грандиозное сельское поместье. Эта церковь была одной из самых богатых

в городе благодаря тому, что владела значительными лесными угодьями. Здание подверглось перестройке и является сегодня частью местного художественного и краеведческого музея. Здесь находится интересная выставка икон и церковного искусства, в том числе резные деревянные лики святых (среди них Николай Можайский). Следует отметить, что некоторые каргопольские иконы находятся в музеях многих городов России, включая Эрмитаж и Русский музей в Санкт-Петербурге.

К началу века Каргополь имел примерно 3 тысячи жителей, 22 церкви и 2 монастыря⁹. Как и другие российские города, обойденные железными дорогами (Суздаль, например), Каргополь впал в состояние сна. К несчастью, это не спасло памятники искусства и архитектуры после революции. В советский период половина городских церквей была разрушена.

Борьба за сохранение памятников архитектуры в Каргополе трудна, но ситуация в районе еще сложнее, а ведь там находятся настоящие произведения русской деревянной архитектуры. Знаток Севера и фотограф Генрих Гунн утверждает, что в течение последних двух десятилетий в среднем три примечательных памятника деревянного зодчества разрушаются здесь каждый год. Многие из замечательных произведений существуют ныне лишь на фотографиях.

Как бы то ни было, в радиусе 100 км вокруг Каргополя есть примечательные места. Ближе всего находится д. Саунино (в 5 км) с шатровой церковью Иоанна Златоуста (построена в 1665 г., реконструирована в начале XX в.) и колокольней. В храме находятся лишь фрагменты иконостаса, но разрисованный потолок (или "Небо") сохранился полностью. Потолки из многих провинциальных церквей размонтировали для хранения в музеях — трудное и противоречивое решение.

В большом и красивом селе Ошевенском, состоящем из трех деревень — Погост, Ширяха и Низ, многое находится в хорошем состоянии, поскольку некоторые дома сдаются горожанам на лето под дачи (ил. 4). Новая Россия дает надежду забытым богом местам. В Ошевенске есть не только примечательная миниатюрная

*Ил. 4. С. Ошевенское. Деревянный дом.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

Георгиевская часовня в д. Низ (сейчас реставрируемая (ил. 5), но и деревянная шатровая Богоявленская церковь (1787 г.) с отдельно стоящей колокольней в д. Погост (ил. 6). Интерьер является наиболее просторным среди всех церквей данного региона, а иконостас и небо просто ошеломляющие по цвету и площади. Ключница сказала мне, что священник проводит службы нерегулярно, но женщины с округи собираются здесь иногда по воскресеньям петь псалмы. Обрядовость возвращается к своему истинному смыслу. К несчастью, по дороге к Ошевенску можно увидеть руины монастыря св. Александра Ошевенского, основанного в 1453 г. (год, когда пал Константинополь).

Наиболее примечательное деревянное сооружение, что мне довелось увидеть во время февральской поездки (1998 г.) находится в с. Лядины, в 80 км от Каргополя. Этот замечательный ансамбль состоит из 3 памятников: летняя высокая шатровая Покровская церковь (1761 г.) (ил. 8), зимняя Богоявленская церковь (1793 г.) (ил. 10) с пышными куполами и огромная колокольня (ил. 7).

*Ил. 5. С. Ошевенское (д. Погост). Богоявленская церковь.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

Обе церкви имеют множество элементов выдающегося дизайна, и лучшего сочетания иконостаса и неба, чем в Покровской церкви (ил. 9), я вообще не видал нигде прежде. Такой тройной ансамбль, типичный для многих северных деревень, к нашему времени уже почти исчез (Кижы являют собой именно такой уцелевший ансамбль). Лядины уже не процветающая деревня. Та старушка, что открывала нам церковь, необыкновенно духовна, хотя и живет в домишке за колхозным скотным двором. Как долго еще она сможет присматривать за церковью? И кто займет ее место?

Я много фотографировал и понял из разговоров с местными колхозниками, проходившими мимо, что забота о бесценных памятниках — не их дело. Их жизнь трудна, и я не обвинял их в этом. Но во многих деревнях церкви исчезли именно из-за равнодушия жителей и, хуже того, из-за их вандализма. Лидия Севастьянова, директор Каргопольского краеведческого и художественного музея, сказала, что церковь Богоявленская требует немедленной реставрации, и показала

*Илл. 6. С. Ошевское (д. Погост). Интерьер Богоявленской церкви.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

трехстраничную смету на реставрацию комплекса в Лядинах. Необходимо не более 500 тысяч денонмированных рублей, но областные и федеральные власти не могут найти и таких денег.

Примечания

¹ Некоторые исследователи, опираясь на записи о походах князя Вячеслава против чуди, датой основания Каргополя называют 1146 год. Таким образом, в 1996 г. город отметил свой 850-летний юбилей.

² Флетчер Джильс. О государстве Русском. СПб., 1911. С. 30.

³ Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 30—32.

⁴ Гунн Г. П. Каргополье — Онега. М., 1974. С. 13—14.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же. С. 30—31.

⁷ Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 78.

*Ил. 7. С. Лядины. Комплекс церковных зданий.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

*Ил. 8. С. Лядны. Покровская церковь.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

⁸ История русского искусства / Под ред. И. Грабаря. Т. 1, М., б/г. С. 14.

⁹ Гунн Г. П. Каргополье — Онега. М., 1974. С. 34—35.

Перевел с английского Ю. В. Кудряшов

*Ил. 9. С. Лядины. Интерьер Покровской церкви.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

*Ил. 10. С. Лядины. Богоявленская церковь.
Фотография У. К. Брумфилда. 1998 г.*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уильям Крафт Брумфилд, член Национального центра гуманитарных наук в 1992—1993 гг., является профессором славистики Тулейнского университета (Новый Орлеан), где он также читает лекции на факультете архитектуры. Он получил диплом доктора славистики (специализация — русская литература и история XIX в.) в Калифорнийском университете, Беркли, а также преподавал в университете Висконсина, Вирджинии и Гарвардском университете.

Он является автором ряда работ, увидевших свет в Америке, по русской архитектуре и фотографий к ним: *Золото в лазури: тысячелетие русской архитектуры* (1983 г.); *Истоки модернизма в русской архитектуре* (1991 г.); *История русской архитектуры* (1993 г.), которую книжное обозрение газеты Нью-Йорк Таймс включило в свой список "Выдающиеся книги 1993 года"; *Потерянная Россия: фотографии развалин памятников русской архитектуры* (1995 г.); *Вехи русской архитектуры: фотообозрение* (1997 г.) и многих других публикаций по вопросам русской архитектуры и литературы. Он читает лекции по данной тематике в музеях и университетах Сев. Америки и Европы.

Фотографии У. К. Брумфилда по памятникам русской архитектуры экспонируются во многих галереях и музеях, являются частью коллекции фотоархива Национальной художественной галереи в Вашингтоне, а также составляют самостоятельные выставки, в частности "Искусство деревянного зодчества в России" и "Потерянная Россия: фотографии Уильяма Брумфилда", открывались во многих городах Америки и России.

У. К. Брумфилд часто бывает в нашей стране. В общей сложности он прожил здесь четыре года. Занимался научно-исследовательской работой в Московском и Ленинградском университетах, а также Российском институте истории искусства в Москве. Он был соруководителем летнего университетского факультатива: "Москва: архитектура и искусство в исторической перспективе", который проводился в Москве летом 1994 г. С тех пор У. К. Брумфилд постоянно

руководит ежегодным семинаром для преподавателей московских вузов, проходящим под покровительством Российского института истории искусств.

С любезного согласия У. К. Брумфилда публикуется здесь перевод его работы с фотографиями этого года. Текст рассчитан на американских историков, между тем будет интересен и для россиян. Текст статьи напечатан почти целиком. Опущены лишь незначительные для нашего сборника лирико-бытовые отступления.

Часть путья

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР
СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ
В ЕГО ОТНОШЕНИИ К НОВГОРОДСКОЙ
АРХИТЕКТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

НЕСМОТРЯ на то, что Соловецкий монастырь находится в Новгородской земле и в Новгородской епархии, что документально подтверждено работой здесь новгородского мастера в середине XVI в.¹, постройки Соловецкого монастыря этого времени, в том числе и Спасо-Преображенский собор, не рассматривались до сих пор как произведения новгородской архитектурной школы XVI в. Причины этого, на наш взгляд, достаточно ясны: во-первых, новгородская архитектура XVI в., а особенно 40—60-х гг. этого века, практически не изучена и работ, посвященных памятникам этого времени (которых сохранилось около пятидесяти), очень немного²; во-вторых, образ собора так сильно воздействовал на исследователей, что они безоговорочно признавали его оригинальность, даже не пытаясь найти аналогии и параллели в русской архитектуре. "Спасо-Преображенский собор не находит аналогий в кругу близких ему по времени храмовых построек. Это одно из тех исключительных явлений, которые порождаются не столько видимым процессом историко-культурного развития, сколько скрытыми, подчас ускользающими от истории течениями противоборствующих идей, столкновением волевых начал или сугубо местными особенностями жизненного уклада. Привычные художественные образы и строительные приемы столкнулись в нем грандиозным замыслом зодчих — создать величественный храм-монумент, совмещающий в себе роль культового и оборонно-дозорного сооружения.

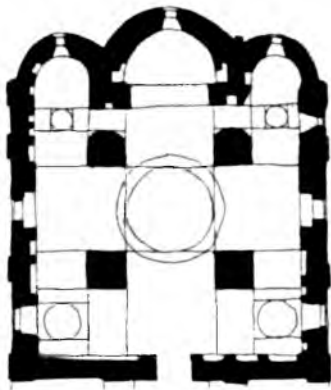
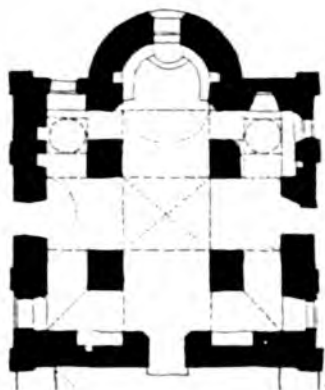
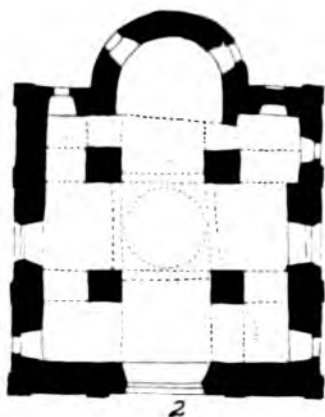
© Петров Д. А., 1998

В соловецком храме необычно все (разрядка моя — Д. П.): и внешний облик, и внутренняя структура объемно-плановой композиции, и детали архитектурно-строительных конструкций. Совершенно индивидуальную особенность памятнику придают система завершения с угловыми башенными надстройками и ряд других не менее существенных деталей"³ (рис. 1, 2).

В этих словах О. Д. Савицкой сконцентрированы все основные положения, характерные для отношения исследователей к соловецкому собору. С одной стороны, нельзя не признать их правильности, но, с другой стороны, собор как бы выносится за рамки эволюционного ряда развития русской и, что особенно важно, новгородской архитектуры.

Однако в результате изучения архитектуры Новгорода XVI в. мы пришли к совершенно иному взгляду на эту проблему. Нельзя сказать, что в соборе все обычно. Нет, это, несомненно, выдающееся и оригинальное произведение русского зодчества. Оно имеет сложную структуру художественного образа и, на наш взгляд, является продуктом развития определенного направления в новгородской архитектуре XVI в., оплодотворенного знанием как о постройках другого архитектурного течения в Новгороде, так и о наиболее замечательных памятниках московской архитектуры второй четверти XVI в. По поводу новгородского происхождения архитектуры памятников Соловецкого монастыря середины XVI в. О. Д. Савицкая писала: "Памятники этого ансамбля совершенно необычны на архитектурном фоне своего времени. И все же, по чисто образной характеристике, кажется очевидной их новгородская ориентация, выразившаяся скорее в идейной приверженности к художественным вкусам древнего Новгорода, нежели в привнесении тех или иных приемов, которые являются здесь в значительной степени местной разработкой"⁴. Ниже мы попытаемся доказать, что и внешний облик, и "внутренняя структура объемно-планировочной композиции, и детали архитектурно-строительных конструкций" собора имеют глубокие корни в новгородской архитектуре, а собор является

*Рис. 1. Спасо-Преображенский собор
(по В. В. Сошину и О. Д. Савицкой).*

*Черным цветом на планах показаны части постройки 1566 г.
1. План подклета. 2. План собора. 3. План верхнего яруса.
4. Западный фасад. 4а. Вариант реконструкции завершения*

характерным для середины XVI в. соединением нескольких художественных линий, развивающихся до этого независимо и в разных регионах России. К сожалению, наши знания об архитектуре собора совершенно недостаточны и ограничены лишь той информацией, которая

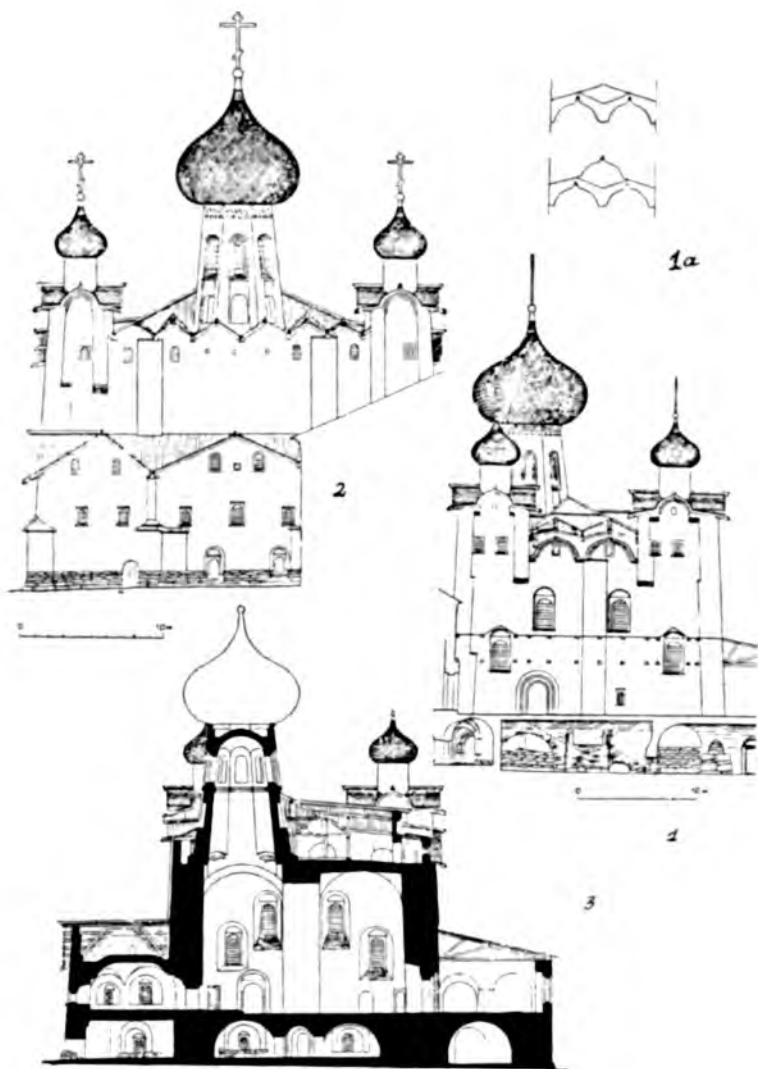

Рис. 2. Спасо-Преображенский собор. 1558—1566 г.
 1. Северный фасад.
 1а. Вариант реконструкции завершения.
 2. Восточный фасад. 3. Разрез собора

была опубликована. Однако, учитывая большой объем литературы о соборе, а также многочисленные попытки истолкования архитектурного образа собора и в то же время полное отсутствие простейшего, но необходимого иконографического анализа форм этого храма, без которого невозможно понять место собора в истории строительства XVI в., мы считаем возможным высказать свою точку зрения, надеясь хоть в какой-то мере восполнить указанный пробел.

Основное внимание исследователей было уделено установлению первоначальной композиции собора. Выделялись три ведущих направления: 1) выяснение характера завершения центральной главы собора (шатер или барабан); 2) выяснение происхождения композиции с угловыми приделами-капеллами; 3) выяснение композиции восточных приделов собора³.

Конечно, прежде всего внимание исследователей было привлечено к вопросу о завершении центрального барабана собора. На наш взгляд, эта проблема при сегодняшнем состоянии источников без привлечения новых документов вообще неразрешима. Исследователи отмечали мастерство строителей собора (П. Н. Максимов, И. Свирский, О. Д. Савицкая), грандиозность замысла митрополита Филиппа (О. Д. Савицкая, В. В. Скопин). Вопросу о происхождении общей композиции собора посвятили свои работы М. А. Ильин, А. Г. Мельник и С. А. Шаров.

М. А. Ильин довольно подробно разработал гипотезу о развитии конструктивного двустолпия соловецкого собора из визуального "двустолпия" московских четырехстолпных храмов с высоким иконостасом, о взаимосвязи композиции верхних приделов Спасо-Преображенского собора с наметившейся в московской архитектуре 20—40-х годов XVI в. тенденцией к обособленности угловых компартиментов и превращению их в отдельные объемы. М. А. Ильин указал также на кремлевский Успенский собор в качестве возможного "образца" для соловецкого собора. С. А. Шаров представил завершение собора как натурное воплощение "Горнего града", то есть не как результат естественного

развития архитектурной формы, а как реализацию в жизни идеальной модели.

Совершенно соглашаясь с Ильиным по поводу зависимости схемы двустолпия собора от пространственных характеристик четырехстолпного храма с высоким иконостасом, заметим, однако, что нет никакой необходимости искать аналогии далеко на Северо-Востоке, так как в самом Новгороде с середины XV в. идет процесс трансформации пространства конструктивно четырехстолпного храма в зрительно "двустолпный храм". Высокие иконостасы, появляющиеся на Руси во второй половине XV в., и исчезновение тогда же угловых палаток в памятниках новгородской архитектуры превращают центрическое (крестообразное) и симметричное пространство церкви в асимметричный двустолпный зал⁶. Тенденция к увеличению в западной части храма появилась в Новгороде еще в XII в., существовала и в XIV—начале XV вв.⁷, но она скрадывалась угловыми палатками. С их исчезновением и появлением пространственных типов новгородских церквей, которые Вл. В. Седов выделяет в типы "храма на четырех пилонах" и "удлиненного двухколонного храма", "зрительное двустолпие", как пространственный тип, становится характерной чертой новгородской архитектуры. Этот тип переходит в XVI в., теряя миниатюрность и изысканность построек 50—70-х гг. XV в. и приобретая величие и монументальность⁸.

Наиболее близкие к соловецкому собору интерьеры с могучими, широко расставленными квадратными столбами мы можем увидеть в церкви Успения в Колмове 1528 г., Спасо-Преображенском соборе во Ржеве начала XVI в., церкви Федора Стратилата на Щирковой улице 1546 г.⁹ (рис. 3).

Однако своды указанных выше церквей не имеют мощных пониженных подпружных арок. В XVI в. в Новгороде пониженные подпружные арки практически не используются. Мы знаем всего лишь несколько случаев их применения (в церкви Жен Мироносиц 1510 г., в Христорожественском соборе Каргополя 1561—1562 гг.¹⁰ и, возможно, в церкви св. Никиты Мученика вт. пол.

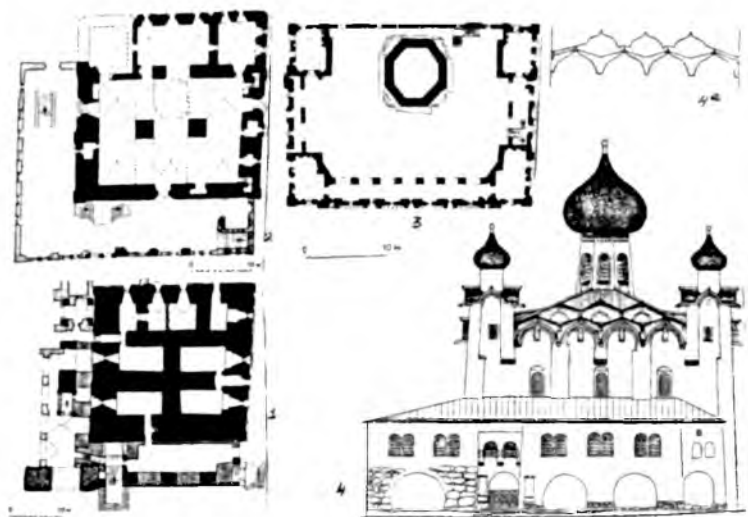

Рис. 3. 1. Новгород. Церковь Жен Мироносиц. 1510 г. Разрез.
 2. Ржев. Спасо-Преображенский собор. Нач. XVI в. План.
 3. Новгород. Церковь Успения в Коломове. 1528 г. План.
 4. Новгород. Церковь Федора Стратилата. 1546 г. План

1550—1562 гг. Конечно, нельзя забывать, что в течение предыдущих четырехсот лет новгородская архитектура не знала никаких других видов подпружных арок, кроме пониженных. Поэтому считать эти арки аномалией для Новгорода вряд ли возможно. В то же время, конечно, нельзя не учитывать, что в московской архитектуре пониженные подпружные арки распространяются именно во второй четверти — середине XVI в. На подпружные арки соловецкого собора опираются крестовые своды, которые перекрывают все пространственные ячейки, кроме центральной. В Новгороде крестовые своды на пониженных подпружных арках известны в хутынском соборе (1515 г.), близкие к крестовым без подпружных арок — в сырковском соборе (1554 г.). Скорее всего крестовые своды были и в церкви Никиты Мученика. Крестовые своды были хорошо известны и в Москве, причем перекрытие всех ячеек, не занятых куполами, как это впервые сделано Фиораванти в Ус-

пенском соборе, применялось в разных по типу памятниках (четырёхстолпном Троицком соборе Данилова монастыря в Переяславле-Залесском 1532 г., шестистолпном Смоленском соборе Новодевичьего монастыря вт. пол. XVI в.)¹¹. Поэтому точно определить происхождение крестовых сводов в соловецком соборе кажется невозможным.

Решение подкупольного квадрата Спасо-Преображенского собора, когда барабан несут ступенчатые тромпы, опирающиеся на арки, переброшенные со столбов на восточную стену, на первый взгляд, вообще не имеет аналогии в русской архитектуре первой половины XVI в. Однако такой вывод был бы весьма поспешным. Около 1557 г. в Новгороде сооружается бесстолпная церковь Троицы в Духовом монастыре (рис. 4)¹². Она перекрыта сферическим куполом (без барабана), поддерживаемым парусами, опирающимися на арки, переброшенные с восточных столбов на западную стену храма. Как видно, эта конструкция близка конструкции соловецкого собора. Не хватает только ступенчатых тромпов соловецкой постройки. Но эта проблема легко разрешается, если обратиться к другим бесстолпным постройкам Новгорода середины XVI в. Мы обнаружим, что церковь Троицы — единственная бесстолпная купольная постройка Новгорода XVI в., где не использованы ступенчатые тромпы¹³. Правда, следует заметить, что на Соловках применены скорее даже не тромпы, а ступенчатые арки, в Новгороде же эта конструкция чуть ближе к ступенчатым тромпам. Но в целом, учитывая уникальность этих конструкций для архитектуры первой половины XVI в., их можно признать практически идентичными.

Между подпружными арками и тромпами мастера сделали арочный уступ, как не имеющий аналогии в других памятниках, так и не имеющий конструктивного смысла. Подобные арки и уступы, но несколько больших размеров, характерны для новгородских церквей первой половины XVI в. Мы знаем их в церквях св. Филиппа Апостола (1526 г.), св. Прокопия (1529 г.), Спаса в Ржеве (начало XVI в.), св. Бориса и Глеба (1536 г.) и др.

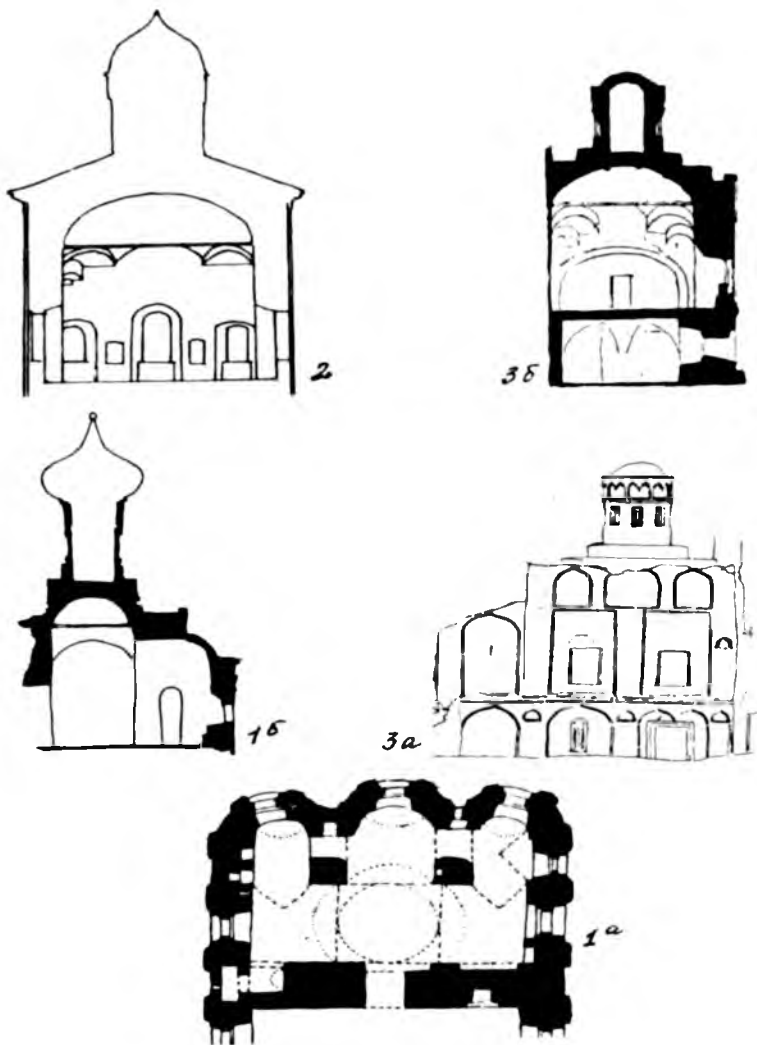

Рис. 4. 1а. Новгород. Церковь Троицы Духова монастыря. Ок. 1557 г. План. 1б. Церковь Троицы — продольный разрез. 2. Новгород. Церковь Сретения Антониева монастыря. 1530-е гг. Продольный разрез. 3а. Новгород. Церковь Никиты Мученика. Фасад (обмер в процессе исследования). 3б. Новгород. Церковь Никиты Мученика. Поперечный разрез северного придела

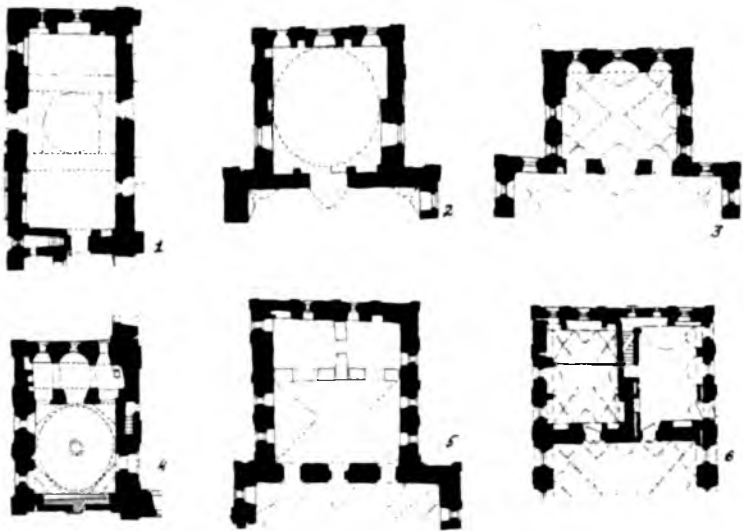
Каменные подклеты в Новгороде стали обычны еще во второй половине XV в. Храмы без подклета в XVI в. здесь скорее аномалия.

Спасо-Преображенский собор имеет пониженный относительно главного объема алтарь с прямоугольными апсидами. Отсутствие апсид встречается и в московской архитектуре¹⁴, но как исключение. В Новгороде культовые постройки, не имеющие апсид, получают широкое распространение в первой половине XVI в. Это церкви Никиты при церкви св. Филиппа Апостола (1526 г.), Сретения в Антониевом монастыре (1533—1536 гг.), Варлаама (1549—1551 гг.) в Хутынском монастыре, св. Николы на Красном поле (сер. XVI в.) (рис. 5). В это же время мы видим и строительство церквей с пониженным алтарем прямоугольной формы — храмы Одигитрии на Хутынском подворье (1556 г.), св. Пантелеймона (1554 г.) и, вероятно, Благовещения на Михалице (1555 г.).

А. Г. Мельник указал на возможность происхождения верхних приделов соловецкого собора от угловых палаток новгородских церквей¹⁵. Угловые палатки-капеллы, образующие второй, а при наличии подклета — третий пространственный ярус церковного здания, — характерный признак новгородской архитектуры. Проявившись в XII в.¹⁶, они вплоть до XVI в. имели композиционное значение только в интерьере, организуя крестообразное (или Т-образное) пространство церкви, на фасадах же палатки никак не выявлялись. Внутреннее пространство самих палаток не имело художественной целостности: перекрытые четвертным сводом, освещенные боковыми окнами, они представляли, несмотря на находившиеся там престолы, конечно, второстепенные помещения.

В XVI в. отношение к внутреннему пространству палаток меняется. Ясно выражена тенденция к превращению палаток в самостоятельный по художественному образу, бесстолпный одноглавый храм. Возможно, что первая попытка создать такой храм-капеллу, была принята в церкви Успения в Тихвине 1510-х гг.¹⁷ Если в Воскресенском приделе церкви Филиппа Апостола

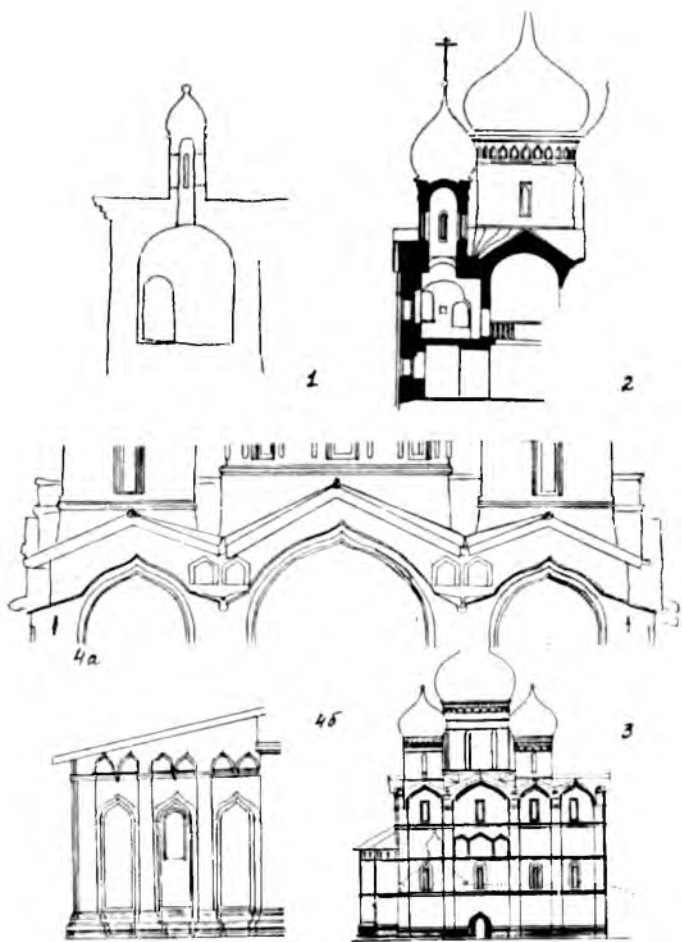

Рис. 5. Новгород. Схемы планов церквей XVI в.

1. Церковь св. Николы на Нутной ул. 1528 г.
2. Церковь Сретения Антониева монастыря. 1530-е гг.
3. Церковь Варлаама Хутынского монастыря. 1549—1551 гг.
4. Северный придел церкви Никиты Мученика.
5. Церковь Благовещения на Михалице. 1555 г.
6. Церковь Воскресения на Красном поле. 1550-е гг. (?)

1526 г. миниатюрный световой барабан (внутренний диаметр около 60 см)¹⁸ поддерживается простым коробовым сводом, то в церкви св. Бориса и Глеба (1536 г.) оба придела имеют уже сложную систему взаимно перпендикулярных арок, поддерживающих широкие световые барабаны, окончательно превращаясь тем самым в центрические капеллы (рис. 6). Южная палатка Успенской церкви Белозерска очень близка борисоглебским палаткам (только здесь использован сомкнутый свод), а северное помещение — палатка для часов — оказывается размещенной уже практически на своде¹⁹. Хорошо видна тенденция, в свете которой появление на сводах соловецкого собора четырех изолированных центрических капелл-приходов не кажется неожиданным.

Конечно, ни в коем случае нельзя отвергать и другие

- Рис. 6. Новгород. 1. Церковь св. Филиппа Апостола.
 Схема разреза южной палатки.
2. Новгород. Церковь Бориса и Глеба. 1536 г.
 Разрез южной палатки (чертеж В. В. Шретера).
3. Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря.
 1515 г. Северный фасад.
4. Владимирский собор Сыркова монастыря
 под Кокошники основного объема.
- 4б. Владимирский собор
 Сыркова монастыря. Завершение притвора

источники, которые могли повлиять на формирование композиционного завершения соловецкого собора. Мы лишь хотели показать то, что конкретные формы, в которых исполнено его завершение, с большей простотой и естественностью могут быть найдены в архитектуре Новгорода, чем в архитектуре других русских земель, а эволюция этого приема достигает в соловецком соборе высшей и конечной точки своего развития. Характерно, что пятиглавие собора имеет специфический характер: при внешнем пятиглавии внутри церковь выглядит одноглавой (ср. с интерьером церкви св. Бориса и Глеба).

Нельзя не отметить и решение лестницы, ведущей на верхний ярус собора. В XIV—XVI вв. в Новгороде используется только один тип внутростенных лестниц — простые одномаршевые лестницы, в лучшем случае имеющие один изгиб марша. Только в двух памятниках — хутынском соборе 1515 г. и сырковском соборе 1554 г. — мы знаем винтовые лестницы, выходящие на кровлю, причем в Хутыни она устроена в столпе, а в Сыркове — в северо-западном углу здания.

Хотя полной аналогии архитектурным формам галерей собора и входов на них найти мы не можем, все же следует сказать, что в Новгороде именно в середине XVI в. появляются большие двухэтажные галереи — в церкви Жен Мироносиц и у церковей Михаила Архангела и Благовещения на Михайловой улице.

Завершение соловецкого собора представляет собою два ряда кокошников. Первый состоит из килевидного кокошника (с профилированным архивольтом), "накрытого" палаточным покрытием, причем парапетная стенка, несущая палаточное покрытие, тоньше стены с кокошником. Второй ряд, несомый специальной стеной, стоящей на сводах собора, мог быть килевидным, с широкими ендовами и еще более широкими полками по краям.

Такое устройство завершения имеет только одну аналогию во всей русской архитектуре. Это верхняя часть Владимирского собора Сыркова монастыря 1554 г. Конечно, закомара, "накрытая" палаточным покрытием,—

это типичный архитектурный прием XVI в. на Северо-Западе России. До войны подлинное покрытие сходной формы сохранилось на церкви св. Бориса и Глеба, а после войны остатки таких покрытий обнаружены на многих новгородских церквях XVI в. Однако только во Владимирском соборе мы находим расслоение стены на килевидный кокошник с профилированным архивольтом и парапетную стенку с палаточным покрытием. Из-за очень широких лопаток во владимирском соборе между кокошниками образовались очень широкие ендовы.

Завершение угловых приделов одной килевидной закомарой известно в южном приделе Андреевской церкви Грузинского погоста, датируемой предположительно 40-ми гг. XVI в.²⁰

Касаясь галерей-переходов между угловыми палатками Спасо-Преображенского собора и не споря с А. Г. Мельником и С. А. Шаровым, указывающими на памятники Белозерской школы в качестве аналогии²¹, отметим, что в памятниках Новгорода XII—XV вв. угловые палатки связывались хорами-переходами. В основном эти хоры были узкими деревянными мостиками между палатками. Иногда хоры делались каменными, как, например, в церкви Власия 1407 г. или Федора Стратилата 1361 г. В последней хоры были отделены от пространства церкви каменной стенкой²². Думаем, что такой архитектурный элемент вполне мог послужить дополнительной отправной точкой для создания переходов Спасо-Преображенского собора.

Килевидные закомары западного и северного фасадов собора опираются на ступенчатые консоли. Хотя это достаточно простой конструктивный прием, его применение в соловецком соборе, на наш взгляд, имеет некоторые особенности.

Прежде всего следует отметить, что консольное опирание архивольтов закомар для новгородской архитектуры было, по-видимому, обычно. Наиболее ранний памятник, в котором все закомары опираются на консоли,— это церковь Мины в Старой Руссе начала XV в. В XVI в. лопатки церкви Жен Мироносиц (1510 г.),

церкви Успения на Торгу (1542—1545 гг.) и подворья Коневского монастыря на Буяновой ул. (до 1551 г.)²³ также имели консольное опирание. Этот прием доживает в Новгороде до XVIII в., используя последний раз в Успенской трапезной Деревяницкого монастыря 1725 г.²⁴

Однако особенность соловецкой постройки, где часть архивольтов опирается непосредственно на консоли, а часть — на лопатки, заставляет нас обратиться к поискам дополнительных аналогий. Попеременное опирание арки на лопатку (вертикальную тягу) и консоль впервые появляется в аркатуре барабанов Благовещенского собора 1484—1489 гг. в Московском Кремле и получает законченный ордерный декор в барабанах Архангельского собора 1504—1508 гг. Но только в двух памятниках архитектуры первой половины XVI в. мы найдем использование такого приема в завершении плоскости фасада: это завершение восьмерика церкви Вознесения в Коломенском (там килевидные архивольты опираются на лопатки на гранях восьмерика и на консоли простенков) и завершения притвора Владимирского собора²⁵. Любопытно, что и в Спасо-Преображенском соборе, и в церкви Вознесения размеры килевидных архивольтов занимают среднее положение в иерархии размеров фасадных форм, будучи несколько меньше, чем закомары, которые могли бы завершить фасады обеих построек в соответствии с их масштабом, и в то же время еще не приближаясь к размерам других чисто декоративных форм.

Особого внимания заслуживает помещение окон непосредственно в тимпаны закомар соловецкого собора. Хотя они освещают чердак собора, совершенно ясно, что для освещения чердака и переходов в палатки такого количества окон не нужно. Следовательно, их устройство преследовало какие-то другие цели. Конечно, эти окна резко усиливают ритмическое разнообразие собора. Однако возможен еще один аспект толкования этого приема. Дело в том, что ни в новгородских, ни в каких-либо других русских памятниках с закомарным покрытием окна не "задираются" так высоко, практически под ар-

живольт закомары. Размещение их в соловецком соборе наиболее близко аналогичной композиции закомар хутынского собора. Здесь мы видим те же окна, в квадратной филенке высоко в тимпане закомары. Несомненно, что в этом соборе такое размещение окон вызвано подражанием Успенскому собору в Москве²⁶.

Архивольты закомар соловецкого собора имеют внутренний уступ. Это традиционный прием в новгородско-псковской архитектуре XII—XV вв. Интересно, что в XVI в. в новгородской архитектурной школе внутренний уступ уже не используется, а делается выступающая полочка. Ступенчатое решение оконного откоса также весьма характерно для северо-западной архитектуры. В Новгороде такой прием впервые употреблен в церкви Жен Мироносиц.

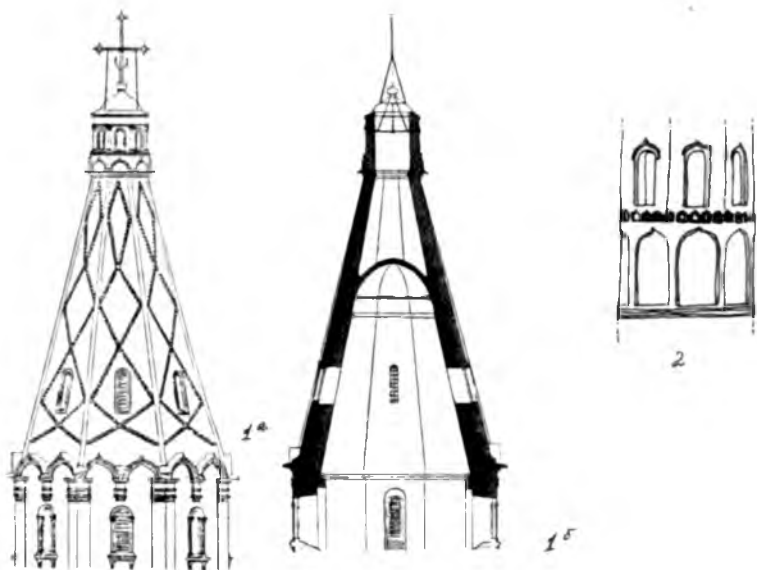
Спасо-Преображенский собор почти лишен какого-либо архитектурного декора. Исключение составляет лишь барабан. Следует отметить, что размещение декора соответствует новгородской традиции: он имеет вид горизонтального фриза в верхней части и состоит из бегунца и пояса из одноступенчатых пятиугольных ниш. Бегунец — орнамент, традиционный для архитектуры Северо-Запада. Однако если в Пскове он широко распространен вплоть до XVII в., то в Новгороде последние случаи его употребления известны в церкви св. Климента на Иворовой улице 1521 г., видимо, в апсидах церкви св. Федора Стратилата на Щирковой улице 1546 г. Фризы из пятиугольных ниш можно смело назвать типичным признаком новгородской архитектуры второй половины XVI в. После 1550 г. они есть по существу в каждом сохранившемся новгородском памятнике. Эти ниши все без исключения — двухступенчатые²⁷. В соловецкой же постройке они — одноступенчатые. Одиночные одноступенчатые пятиугольные ниши стали применяться в Новгороде еще во второй половине XVI в. Горизонтальный ряд таких ниш впервые украсил фасад церкви св. Иоанна Милостивого в 1421 г.²⁸ Мы можем увидеть их также на барабане собора Николо-Медведицкого монастыря в Новой Ладоге²⁹. В декоре соловецкого собора мастер предпочел

избрать достаточно архаические формы, хотя новгородская архитектура второй трети XVI в. предоставляла ему очень богатый выбор монументальной декорации.

Барабан Спасо-Преображенского собора представляет собой неправильный восьмигранник с сильно наклонными стенами. Внутри он также восьмигранный и перекрыт восьмилотковым сводом. Над сводом устроена парапетная стена, в которой выложены декоративные фризы. Снаружи углы восьмигранника украшают граненые лопатки. Между ними в два яруса располагаются простые с полуциркульным завершением и окна с многоступенчатым профилем. Выше архивольтов окон грани лопаток сливаются.

Восьмилотковый свод использовался в первой половине XVI в. в постройках строго определенного типа — в столпообразных церквях. Впервые он был применен в колокольне Ивана Великого 1508 г., построенной Боном Фрязиным. Используется такой свод и в других постройках столпообразного типа: церкви Одигитрии Иосифо-Волоколамского монастыря 1511 г., церкви Происхождения Честных Древ 1515 г. в Суздальском Покровском монастыре, колокольне Николо-Пешношского монастыря³¹. Во всех указанных памятниках мы видим и отмечающие углы восьмигранника лопатки.

Помня о наклоне граней восьмигранника центральной главы Спасо-Преображенского собора, необходимо рассмотреть и аналогичные лопатки на гранях шатров. Оказывается, что к 1560 г. мы можем обнаружить всего лишь два шатра с акцентированными углами граней шатра: в церкви Вознесения в Коломенском 1532 г. — это гурты полукруглой в сечении формы (рис. 7); в соборе Василия Блаженного 1555 — 1561 гг. мы встречаем граненые лопатки, "наложенные" на грани шатра. Однако в шатре Василия Блаженного лопатки, в отличие от соловецкого собора, продолжены до самого верха, подчеркивая тем самым "взлет" шатра. На Соловках же эти грани сделаны только до архивольтов окон. Гладкий шатер до начала 1560 г. известен только в церкви Воскресения в Городне 1530-х (?) гг.³¹ и церкви Преображения в селе Спасском под Перемышлем первой половины XVI (?) в.³²

Рис. 7. 1а. Коломенское. Церковь Вознесения. 1533 г. Фасад восьмерика и шатра. 1б. Разрез восьмерика и шатра. 2. Новгород. Церковь св. Никиты Мученика. Фрагмент южного придела

С церковью Вознесения связаны и еще две уникальные детали Спасо-Преображенского собора: размещение окон в наклонной части шатра (или барабана) — в плоскости стены и дверь в верхней части южной грани шатра. Только в этих двух постройках в первой половине XVI в. мы встречаем такой прием, нигде более не известный.

Глухая арка внизу граней барабана и проем наверху, может быть, появились под влиянием граней новгородских столпообразных церквей св. Григория Армянского "под колоколы" 1536 г. в Хутынском монастыре и св. Феодосия "под колоколы" в церкви св. Никиты Мученика³³.

Обрамление окон барабана в соборе несколькими уступами в новгородской архитектуре неизвестно, но встречается на Северо-Востоке (окна трапезных).

Заключая наш беглый анализ архитектурных форм Спасо-Преображенского собора, рассмотрим тектоническую структуру фасадов и пластику поверхностей. Здесь совершенно четко различаются две манеры, два направления. К первому относится весь объем храма, кроме центрального барабана, ко второму — центральный барабан.

Формы основного объема соловецкого собора можно было бы назвать квинтэссенцией представлений новгородской архитектурной школы о стене как об элементе художественного образа. Огромный, абсолютно инертный, ничем не расчлененный массив каменной кладки, толщина которой подчеркнута небольшими и узкими лопатками, перестает казаться делом рук человеческих, становясь чем-то природным по происхождению. Это ощущение возникает и от того, что, хотя стены собора и расчленены лопатками, но никакой ясной, привычной для Северо-Востока структуры фасад не имеет, так как половина лопаток, в том числе и несущие угловые лопатки, опираются на консольные уступы, тем самым подчеркивая ведущую конструктивную роль стены как массива кладки. Архитектурный образ соловецкого собора при всем несходстве конструктивно-функционального решения очень близок к образу гигантских контрфорсов Софийского собора в Новгороде, построенных, по-видимому, в 1547—1548 гг.³⁴

В то же время барабан собора как будто сделан другой рукой. Граненая форма, структурированная сама по себе, еще более подчеркнута "лопатками", получившимися в результате помещения на грани окон и ниш и многоуступчатых проемов окон.

В интерьере собора эта разница несколько менее заметна, так как грани крестовых сводов создают более опосредованный переход от скульптурной пластики стен и оконных откосов к сухому, жесткому решению опорного узла.

Анализируя архитектуру соловецкого собора, мы невольно приходим к мысли о двух периодах в его строительстве. В нижних частях собора, а также в угловых капеллах мы видим продолжение той же стилической

линии, что и в Успенской трапезной 1552—1556 гг.: тяготение к лаконичности фасадов, массивным несущим конструкциям, но при этом — достаточная свобода в построении объемно-пространственной композиции. В верхних же частях собора наблюдаются совершенно новые черты: при сохранении свободного и уверенного владения архитектурной формой резко меняется стилистика архитектуры¹⁵.

Кажется достаточно очевидным, что строитель Спасо-Преображенского собора мастер Игнатий принадлежит к новгородской архитектурной традиции. В данной работе мы не можем определить ни его место в новгородском строительстве и архитектуре XVI в., ни его творческий метод. Все это предмет рассмотрения в последующих исследованиях. Однако даже сейчас можно предполагать, что мастер Игнатий, оставаясь целиком в русле одного из самых архаических для середины XVI в. течений в новгородской архитектуре, отличался необыкновенной способностью воспринимать формы новой архитектуры, переводя их на привычный для себя пластический язык, и хорошо знал современные ему постройки как в Новгороде, так и в Москве.

Примечания

¹ Савицкая О. Д. Исследование трапезной Соловецкого монастыря // Исследования и реставрация.— М., 1975. Вып. 1. С. 176; она же. Архитектура Соловецкого монастыря // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 51.

² Романов К. К. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях // ИРАИМК. Л., 1925. Т. IV. С. 209—241; он же. К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде в XV—XVI вв. // Изобразительное искусство. Л., 1927; Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л., 1939. С. 185—209; Воронин Н. Н. Хутынский столп 1636 г. // Советская археология. 1946. VIII. С. 300—306; Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер

Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований: Раздел "Архитектура XVI в.". М., 1964. С. 245—263; Булкин Вал. А. К истории новгородского зодчества начала XVI века // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972. С. 18—19; Подъяпольский С. С. Успенская церковь в Белозерске // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 177—182; Кузьмина Н. Н. Забытый памятник новгородской архитектуры XVI в. (Трапезная с церковью Николы в Воскресенском монастыре на Красном поле) // Новгородский край. Л., 1984. С. 222—229; она же. Памятники архитектуры XVI в.— церкви Филиппа Апостола и Николая Чудотворца на Нутной улице в Новгороде // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 147—158; она же. Исследования церкви Успения в Колмове // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 136—146; Кондратьева Е. В. Новое о Никольской церкви Николо-Стороженского монастыря // СА, 1985. № 3. С. 264—267; Седов В. В. Спасо-Преображенский собор в Ржеве — памятник новгородской архитектуры XVI в. // АИППЗ, 1986. Псков, 1987. С. 31—33; он же. Храм на четырех пилонах в Новгородской и псковской архитектуре XV—XVI в. // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Тезисы конференции. Псков, 1988. С. 48—50; он же. Об иконографии внутреннего пространства новгородских храмов XVIII — начала XVI века // Иконография архитектуры. М., 1990. С. 102—127; он же. Древняя церковь Андрея Первозванного // Архитектура и строительство России. 1992. № 1. С. 16; Петров Д. А., Седов Вл. В. Каменные храмы в городах, монастырях и погостах Новгородской земли // АИППЗ, 1986.— Псков, 1987. С. 26—28; они же. Конструктивная типология новгородских крестовокупольных храмов XVI в. // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Тезисы конференции. Псков, 1988. С. 51—52; они же. Каменное строительство в Новгородской земле в последней четверти XVI в. // АИППЗ, 1989 — Псков, 1990. С. 43—45; Петров Д. А. О Владимирском соборе Сыркова монастыря в Новгороде // АИППЗ, 1988.— Псков, 1989. С. 65—67; он же. Зодчие Новгорода XVI в. // Архитектура и строительство России. 1989. № 10. С. 26—27; он же. К вопросу о механизме культурной интеграции в Московском государстве первой половины XVI в. (строительство в Новгородском Хутыньском монастыре) // Архитектура и культура. М., 1990. 4.1.

С. 93—101; он же. О церкви Федора Стратилата на Щирковой улице в Новгороде // АИППЗ, 1989 — Псков, 1990. С. 45—47; он же. К вопросу о бесстолпных конструкциях в архитектуре Новгорода XVI в.— там же. С. 48—50; он же. Опыт иконографического анализа Новгородского Спасо-Преображенского Хутынского собора // Иконография архитектуры. М., 1990. С. 128—151; он же. О двух каменных палатках середины XVI в. в Новгороде // Развитие и реконструкция исторических городов России. М., 1990. С. 84—95; он же. Контрфорсы Софийского собора в Новгороде (к строительной истории памятника) // Архитектурная археология и реставрация. М., 1991. С. 211—217; он же. Памятники XV—XVI вв. в Николо-Вяжищском монастыре (анализ старинной голландской гравюры) // Архитектура и строительство России. 1992. № 3. С. 22—23.

³ Савицкая О. Д. Архитектура... С. 72—74.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Щепкина М. В. Царские лицевые рукописи XVI — начала XVII вв. Кандидатская диссертация. М., 1945; Свирский И., Максимов П. Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря // АН. М., 1958. № 10. С. 111—126; Савицкая О. Д. Некоторые черты северного зодчества на примере архитектурных памятников Соловецкого монастыря // АН. М., 1973. № 21. С. 60—68; она же. Исследования и реставрация Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1990. Вып. 3. С. 91—107; см. также указанные выше другие работы О. Д. Савицкой; Мильчик М. И. Архитектура в древнерусской живописи // Декоративное искусство СССР. 1973. № 2. С. 24—27; он же. У истоков древнерусской иконописи Соловецкого монастыря // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 315—330; Курлов В. И. Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI века // СА. 1974. № 1. С. 79—101; он же. О реставрации Соловецкого Преображенского собора XVI в. // СА. 1981. № 1. С. 88—99; Ильин М. А. О первоначальном виде собора Соловецкого монастыря 1558—1566 гг. // СА. 1976. № 1. С. 146—152; он же. Русское шатровое зодчество. М., 1980. С. 100—105; Буров В. А. К вопросу о реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в. // СА. 1977. № 4. С. 306—313; Скопин В. В., Щенникова Л. А. Архитектурно-художественный ансамбль

Соловецкого монастыря. М., 1982. С. 19—21; Мельник А. Г. К вопросу о формировании архитектурно-художественной системы Преображенского собора Соловецкого монастыря // Архангельское Поморье. История и культура. Архангельск. 1983. С. 74—87; Шаров С. А. О завершении Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря // АН. М., 1986. № 34. С. 224—229; Скопин В. В. На Соловецких островах М., 1990. С. 44—49.

⁶ Гладенко Т. В. и др. Ук. соч. С. 242—224; Петров Д. А., Седов Вл. В. Забытый памятник новгородской архитектуры // Архитектура СССР. 1986. № 6. С. 110—111 (церковь Николая Папоротского монастыря, третья четверть XV в.). Седов Вл. В. Церковь Николая в Гостинополе XV века // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1990. С. 213—226; Петров Д. А. Об одном хорошо забытом памятнике новгородской архитектуры XV в. (церковь Иоанна Богослова в Велебицах) // ПКНО (в печати).

⁷ Булкин В. А. Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве. Конец XI—начало XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. С. 217—222; Петров Д. А. Церковь Андрея Юродивого в Новгороде // АИППЗ, 1987. Псков. С. 106—107.

⁸ Седов Вл. В. Храм на четырех пилонах.; Петров Д. А., Седов Вл. В. Конструктивная типология.; Седов Вл. В. Об иконографии... С. 114—115.

⁹ Кузмина Н. Н. Исследования церкви Успения.; Седов Вл. В. Спасо-Преображенский собор.; Петров Д. А. О церкви Федора Стратилата...

¹⁰ Гладенко Т. В. и др. Ук. соч. С. 254—258; Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 41—43.

¹¹ Воронин Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.; Л., 1934. С. 25. Смоленский собор не имеет точной датировки. Указывая в качестве датировки его вторую половину XVI в., мы опираемся на мнения С. С. Подъяпольского и В. В. Кавельмаера.

¹² Арх. Макарий. Археологическое описание Новгорода и его окрестностей. М., 1860. С. 130.

¹³ Петров Д. А. К вопросу о бесстолпных...

¹⁴ Максимов П. Н., Торопов С. А. Церковь села Чашникова Нарышкиных // АН. М., 1969. 18. С. 18—24.

¹⁵ Мельник А. Г. Ук. соч. С. 83.

¹⁶ Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли

XI—XIII веков: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Л., 1984. С. 9—11; Мильчик М. И., Штендер Г. М. Западные камеры собора Мирожского монастыря в Пскове (к вопросу о первоначальной композиции храма) // Древнерусское искусство. Художественная культура X—первой половины XIII вв. М., 1988. С. 77—94.

¹⁷ В современном соборе Успенского Тихвинского монастыря никаких угловых палаток-капелл нет. Однако сохранившаяся лестница, ведущая наверх, и указание летописи (ПСРЛ // т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929. С. 539) на существование придела Николы заставляют нас предположить наличие там палатки-придела. Этим, возможно, объясняется и странное, не имеющее аналогий в русской архитектуре отнесение западных световых глав собора в крайне западное членение шестистолпного храма.

¹⁸ Кузьмина Н. Н. Памятники архитектуры... С. 162.

¹⁹ Подъяпольский С. С. Успенская церковь... Церковь не датируется абсолютно твердо: существуют порядная запись на ее строительство 1552—1553 гг. и известие о ее возведении в 1574 г. Однако архитектурные особенности церкви, по нашему мнению, говорят о сооружении Успенской церкви в 50-х гг. XVI в.

²⁰ Седов Вл. В. Древняя церковь...

²¹ Мельник А. Г. Указ. соч. С. 82—83; Шаров С. А. Указ. соч. С. 229.

²² Ковалева В. М. Росписи в новгородской церкви Федора Стратилата // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. С. 148. На хорах была сооружена каменная стена высотой 2,85 м, позднее стесанная.

²³ Петров Д. А. О двух каменных палатах...

²⁴ Каргер М. К. Новгород. Л., 1980. С. 216.

²⁵ В настоящее время мы публикуем большую статью о Владимирском соборе, где подробно рассматриваем его отношение к коломенским постройкам 1530-х гг.

²⁶ Петров Д. А. Опыт... С. 135.

²⁷ В первой половине века пятиугольные двухступчатые ниши встречаются также в Хутынском соборе. Там же используются и очень крупные одноступчатые ниши.

²⁸ Методика реставрации памятников архитектуры. М., 1977. С. 33, илл. 26.

²⁹ Собор не датирован. Архитектурные формы сооружения, по мнению О. Г. Гусевой и Вл. В. Седова, с которыми мы

совершенно согласны, могут принадлежать к первой четверти XVI в. См.: Гусева О. Г. Никольский собор в Новой Ладогге — памятник новгородского зодчества XVI в. // Краткие сообщения института археологии АН СССР. Вып. 205. Славяно-русские древности. М., 1991. С. 106—110.

³⁰ Ильиенкова Н. В. Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. Исследования // Охрана и реставрация памятников культуры. Опыт работы мастерской. М., 1982. № 13. С. 75—81; Кавельмахер В. В. К истории строительства колокольни Иосифо-Волоколамского монастыря // Материалы научно-практической конференции "Архитектурный ансамбль Иосифо-Волоколамского монастыря. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации. 30—31 октября 1986 г." М., 1969. С. 11—15; Варганов А. Суздаль. Владимир, 1957. С. 68; Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 1. С. 81—82. Церковь датируется первой третью XVI в.

³¹ Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М., 1980. С. 43—55.

³² Преображенский М. Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891. С. 61. Табл. VII. Церковь не датирована, и, приводя датировку первой половины XVI в., мы опираемся на мнение С. С. Подъяпольского, предположившего возможность такой датировки.

³³ Петров Д. А. О непрерывности строительства в Новгороде и его земле в 1468—1510 гг. // АИППЗ, 1990 (в печати); он же. К вопросу о механизме...; он же. Алексеевская трапезная Юрьева монастыря и ее место в новгородском строительстве 30—40-х гг. XVI в. // Доклад на конференции в Ленинградском филиале института "Спецпроектреставрация", январь 1991 г.; он же. "Мастер Владимирского собора" и предполагаемый круг его построек // Доклад на конференции, посвященный 125-летию Новгородского музея, 25—26 сентября 1990 г.; Петров Д. А., Седов Вл. В. Каменное строительство...

³⁴ Петров Д. А. Контрфорсы... С. 215—216.

³⁵ Гипотеза о двух периодах строительства собора находит подтверждение в архивном свидетельстве о достройке приделов "на полатех" через четыре года после освящения храма.

*О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ТРАНСФОРМАЦИИ
АРХИТЕКТУРЫ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ
В ТРЕХ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯХ
КОНЦА XVI—НАЧАЛА XVII в.¹*

ИЗОБРАЖЕНИЯ архитектуры в произведениях древнерусской живописи исследуются давно и в самых разных аспектах².

Часто подобные изображения привлекаются как источник не только для графической реконструкции первоначального облика зданий, но также и для их реставрации. В последнем случае особенно важно знать, что в древнем изображении действительно передает натуру, а что домыслено иконописцем, который, как известно, вовсе не стремился к реалистическому отражению действительности, а архитектурные прототипы под его кистью подвергались трансформации³.

В этой связи, учитывая специфику средневекового мышления и творчества, особый интерес представляет вопрос о том, не было ли у древнерусских художников определенных и достаточно устойчивых приемов трансформации форм реальной архитектуры?⁴ Настоящая работа посвящена выявлению этих приемов в трех изображениях Соловецкого монастыря, а именно: в иконах "Обитель Зосимы и Савватия Соловецких" конца 70-х — начала 80-х гг. XVI в.⁵, "Обитель Зосимы и Савватия" начала XVII в.⁶ и в заглавной миниатюре рукописного лицевого "Жития Зосимы и Савватия" начала XVII в.⁷.

Выбор для анализа данных произведений определен следующим: во-первых, это одни из древнейших изображений реального ансамбля; во-вторых, несмотря на относительную разницу по времени создания, различия

в иконографии и жанре, в них прослеживаются, как будет показано ниже, сходные приемы трансформации архитектуры и, в-третьих, велика вероятность, что все они написаны под непосредственным впечатлением от архитектуры ансамбля или скопированы с подобных изображений⁸. Надо иметь в виду, что во второй половине XVI—начале XVII в. ансамбль почти непрерывно изменялся, получая новые каменные здания. Это должно было заставлять художников внимательно присматриваться к архитектуре монастыря, так как каждые несколько лет им приходилось во вновь создаваемые по старому изводу произведения вносить коррективы, убирая устаревшие (например, изображения деревянных сооружений) и добавляя новое (например, изображения каменных построек). Поэтому для второй половины XVI—начала XVII в. особенно правомерно говорить о сознательном применении тех или иных приемов изображения архитектуры Соловецкого монастыря.

Обращение же к иконографии именно этого ансамбля объясняется высокой изученностью в натуре его архитектуры⁹. Таким образом, для выяснения поставленного вопроса нет более надежного способа, чем детальное сравнение изображения с его реальным прототипом.

За основу такого сравнения взят эскизный проект реставрации центрального соборного комплекса Соловецкого монастыря¹⁰, составленный О. Д. Савицкой и В. В. Сошиным (рис. 1). Надо оговориться, что здесь близки к первоначальному виду лишь три постройки XVI—начала XVII в.: Успенская церковь с трапезной (1552—1557 гг.), Преображенский собор (1558—1566 гг.) и соединяющие их переходы (1602 г.). В проект не вошла ныне утраченная звонница, располагавшаяся в XVI—начале XX в. над западным фронтоном трапезной. Паперть собора оставлена в более поздних формах.

В последнее время В. В. Сошин, проведя дополнительные исследования, предложил окончательный вариант проекта восстановления завершения Преображенского собора¹¹. Ныне данный проект почти уже воплощен в натуре. Именно на него мы и будем опираться.

По натурным данным, в XVI в. собор с западной

Рис. 1. Западная панорама соборного комплекса Соловецкого монастыря XVI—XIX вв. Эскизный проект реставрации 1977 г.

стороны¹² имел завершение в виде двух ярусов килевидных кокошников вперебежку. Причем над первым ярусом этих кокошников, игравших декоративную роль, была устроена шипцовая кровля. Пологая плоская тесовая кровля, шедшая от кокошников к центральному барабану, с земли практически не просматривалась. Видимо, такое завершение храма могло восприниматься двояко: либо как усложненная система шипцов и кокошников, либо просто как два яруса кокошников. Верхние угловые приделы завершались килевидными кокошниками, а не шипцами, как думали раньше.

Остальные здания, показанные на эскизном проекте реставрации, относятся к XVIII—XIX вв. Но два из них — колокольня и стоящая рядом пятиглавая Никольская церковь — расположены на месте своих каменных предшественниц XVI—начала XVII в. Поэтому по ним мы сможем представить реальные расстояния между основными сооружениями соборного комплекса в рассматриваемый период.

К сожалению, в настоящей работе приходится ограничиваться анализом изображений в основном лишь четырех монастырских сооружений: Успенской церкви с трапезной, Преображенского собора, каменной крепости (1582—1594 г.) и Благовещенской надвратной церкви (1600 г.), то есть тех, древний облик которых известен по их натурным исследованиям.

Итак, обратимся к самому раннему из рассматриваемых произведений. Сразу же бросается в глаза не только отличающееся от природы расположение близко сдвинутых к центру иконы Успенской трапезной церкви и Преображенского собора, но также и их значительно вытянутые вверх формы.

Еще большей трансформации подверглись в изображении завершения храмов. Так, у Успенской церкви над ярусами соответствующих натуре щипцов появились домысленные иконописцем еще два яруса щипцов под центральной главой и один — под южной главой (рис. 2, 1).

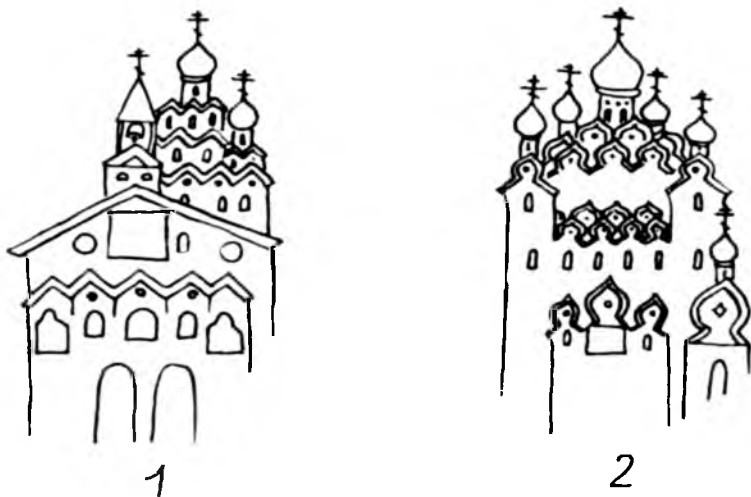

Рис. 2. Прорись фрагментов иконы "Зосима и Савватий Соловецкие". Конец 70—начало 80-х гг. XVI в.

1. Успенская церковь с трапезной;

2. Преображенский собор.

МДА. № 1а 94

Тем самым завершение церкви приобрело весьма характерный для XVI в. вид пирамиды из щипцовых кокошников, как бы обозначающих переход от четверика к центральному барабану. Правда, это завершение можно истолковать несколько иначе: как слив-

шиеся в единую композицию отдельные пирамиды¹ из щипцов, располагающихся под каждым из двух барабанов.

Однако достаточно мысленно убрать рожденные воображением иконописца ярусы щипцов, а барабаны с главами опустить на уровень существующих в натуре — и церковь приобретет облик, близкий к реальному.

Изображая завершение Преображенского собора, художник оставил два ряда реально существовавших кокошников на предназначенном им месте, но повторил их выше, отбросив по одному кокошнику из каждого яруса (рис. 2, 2). Вследствие этого вместе с верхними западными приделами они образовали характерную пирамиду кокошников в завершении храма. Заметной трансформации подверглись в иконе два восточных придела, приподнятые и сдвинутые к центральной главе, а также придел Архангела Михаила, находившийся в натуре в южной апсиде¹³. На иконе он оказался выдвинутым из-за основного объема здания и примыкает к нему справа. Очевидно, только недостаток места на иконе левее храма не позволил сделать то же самое с располагавшимся в северной апсиде приделом Зосимы и Савватия. Кроме того, иконописец изменил и щипцовое в натуре покрытие Михайловского придела на изображение кокошника или бочки, сходной с кокошниками завершения собора.

Подвергнутый подобным "операциям" храм на иконе, разумеется, мало походит на свой прототип. При внимательном рассмотрении изображения собора создается впечатление, что художник сначала написал основной объем здания, заверченный двумя рядами кокошников и возвышающимся западными угловыми приделами, а потом уже дописал верхнюю часть с расположенными над нею вымышленными рядами кокошников. Очевидно, поэтому реально существовавшие кокошники оказались в весьма странном месте — где-то в средней части фасада храма, а между домысленной верхней частью и угловыми приделами остались довольно хорошо различимые разграничительные линии. Все это

является как бы ключом к детрансформации изображения Преображенского собора.

Мысленно вернем верхние восточные и Михайловский приделы на их законные места, отбросим вымышленную часть завершения, центральную главу с барабаном опустим на уровень верхнего ряда существующих в натуре кокошников, и мы, как в случае с Успенской церковью, увидим близкий к реальному образ Преображенского собора.

Как видим, при изображении обоих рассмотренных храмов художник применил одни и те же приемы трансформации, а именно: вытягивание форм по вертикали (основные объемы сооружений и их отдельные элементы); перемещение по горизонтали отдельных сооружений и их элементов; наращивание вверх подобных форм (ярусы шипцов и кокошников); замена одних форм другими (кокошник Михайловского придела, появившийся вместо существующего в натуре шипца); гипертрофированное изображение отдельных элементов сооружения (ярусы шипцов и кокошников в виде этажей с оконными проемами).

Что же побудило художника применить эти приемы?

Надо полагать, что вытягивая по вертикали изображения Успенского и Преображенского храмов, он преследовал две основные цели: выделить наиболее значительные компоненты ансамбля и уравновесить живописную композицию, поскольку Успенская церковь с трапезной в натуре значительно ниже Преображенского собора.

Перемещение к центру основных сооружений соборного комплекса произошло, вероятно, потому, что при выбранном масштабе они бы не уместились на вытянутой по вертикали иконной доске. А сдвиг верхних восточных и нижнего Михайловского приделов вызван стремлением показать эти весьма значительные, но плохо или совсем не видимые с точки, выбранной иконописцем, элементы здания.

Заменяя же шипец Михайловского придела кокошником, то есть сводя основные элементы в завершении храмов к единому образцу, художник, очевидно, стре-

мился придать облику собора на иконе большую, чем в натуре, целостность. По той же причине, конечно, не были изображены щипцы, располагавшиеся над нижним рядом кокошников в завершении собора.

И, наконец, наращивая подобные формы в верхних частях обоих храмов, "жертвуя" тем самым своеобразием их архитектуры, художник создавал на иконе как бы "художественный идеал эпохи" — храм с завершением в виде пирамиды щипцов или кокошников. Такие церкви имели широчайшее распространение в России XVI—XVII вв.¹⁴

Характерно, что художественная мысль иконописца и зодчих того времени двигалась как бы в одном русле. Строители XVI—начала XVII в. самое большое внимание уделяли завершению культовых зданий, и мастер рассматриваемой иконы максимальной трансформации подверг именно завершение изображенных храмов. Таким способом живописец решал определенные художественные задачи, пользовался вполне конкретными приемами и исходил при этом из реальных форм архитектурного прототипа.

Те же приемы трансформации архитектуры использованы и в иконе "Обитель Зосимы и Савватия" начала XVII в. (рис. 3).

Сравнивая две иконы, легко убедиться в том, что изображения Успенской церкви и Преображенского собора на них очень близки между собой, хотя эти живописные произведения разделяют 20—25 лет. Отличия касаются лишь деталей. Так, на иконе начала XVII в. у Успенской церкви под южной главой не один, а два яруса вымышленных щипцов (рис. 3, 1). А в завершении Преображенского собора художник отбросил один из четырех кокошников нижнего ряда, существующий в натуре. Подобную операцию мастер иконы XVI в. решился произвести лишь с домысленными ярусами кокошников. В обоих случаях художники, надо полагать, стремились "устранить" некоторую несообразность в решении западного фасада храма, состоящую в том, что основной объем его, расчлененный лопатками на три прясла, завершался не тремя, как тогда было принято, а четырьмя кокошниками¹⁵.

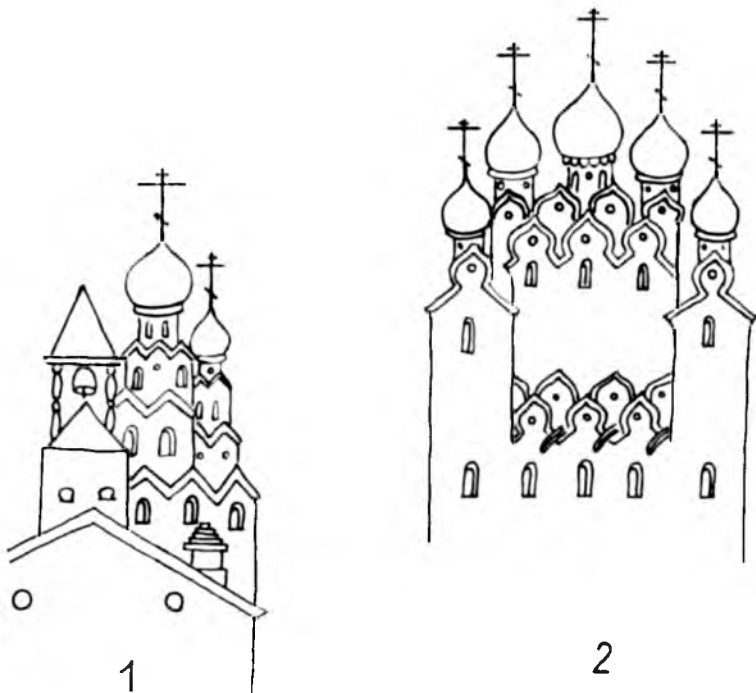

Рис. 3. Прорись фрагментов иконы
 "Обитель Зосимы и Савватия". Начало XVII в.
 ГТГ. № 12068

Очевидно, по причине недостатка места на второй иконе придел Архангела Михаила остался "не выдвинутым" из-за основного объема собора.

При написании надвратной Благовещенской церкви художник также прибег к трансформации, хотя в данном случае в натуре существовала та самая система завершения, которая столь последовательно представлена в иконописных версиях Успенского и Преображенского храмов, а именно — пирамида из трех рядов щипцов вперемежку¹⁶. Но художник и не пытался точно следовать натуре. Над тремя нижними, соответствующими реальности щипцами он пишет сильно вытянутый вверх ярус, но не с двумя, как было у

церкви, а с тремя шипцами и всю композицию венчает главой.

Это лишь в первом приближении напоминает завершение реальной Благовещенской церкви. Судя по данному примеру, трансформация архитектуры была, в некотором смысле, самоцелью для иконописца.

Все рассмотренные выше отличия в изображениях архитектуры на иконах лишь подчеркивали однотипность примененных в обоих случаях приемов ее трансформации.

Теперь обратимся к выходной миниатюре "Жития Зосимы и Савватия" начала XVII в. (рис. 4). Как и на рассмотренных иконах, в миниатюре основные объемы Успенской церкви с трапезной и Преображенского собора вытянуты по вертикали. Завершение Успенской

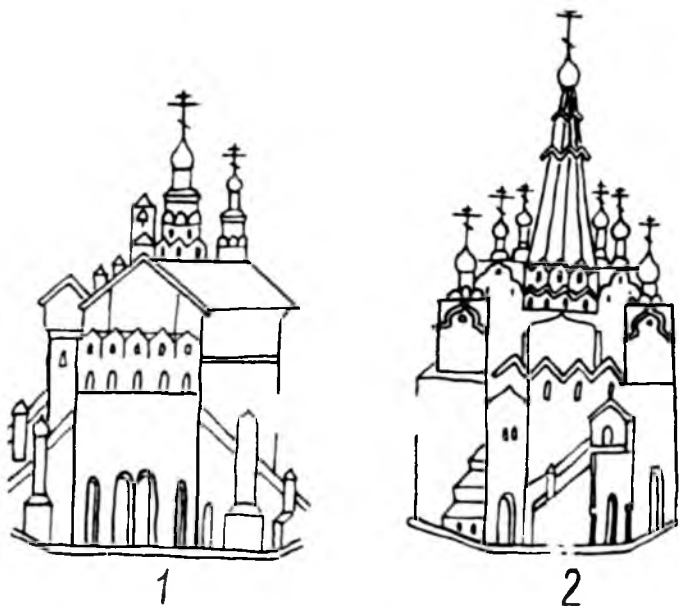

Рис. 4. Прорись фрагментов с титульного листа рукописи "Житие Зосимы и Савватия". Начало XVII в.
1 — Успенская церковь с трапезной;
2 — Преображенский собор.
ГИМ. Собрание Вахрамеева. 71

церкви трансформировано путем наращивания сходных форм. Только в отличие от иконных изображений надстроены ярусы не щипцов, а полуциркульных кокошников, а их пирамиды под каждой из глав не слиты в одну общую композицию, но обособлены друг от друга. Как мы помним, тенденция к такой обособленности существовала и в иконах.

Подобно иконописцам миниатюрист оставил "ключи" к детрансформации изображения, правда, иного рода. Это окрашенные в цвет всех остальных крыш монастыря кровельки, помещенные между барабанами глав и вымышленными формами. Тем самым как бы были обозначены границы вымышленных вставок, убрав которые, легко восстановить первоначальные формы завершения.

Теми же приемами был трансформирован и облик Преображенского собора. Восточные верхние приделы оказались сдвинутыми к центру, а нижние — выдвинуты из-за основного объема храма и сильно вытянуты вверх до слияния в единую композицию с венчающей частью храма. Причем как и на первой иконе, завершение нижних приделов было уподоблено завершению верхних. Но если на иконах наращивались подобные реальным кокошники, то в миниатюре лишь верхний ряд кокошников уподоблен щипцам нижнего ряда, значительной же трансформации подвергся центральный барабан храма. Под кистью художника он превратился в высокий шатер. Замечательно, что мастер не просто вытянул барабан вверх, а как бы надстроил его ярусами, показав границы между этими ярусами в виде щипцовых кровелек, хорошо видных в верхней части шатра.

Без сомнения, в этом случае художником владел другой идеал эпохи — тип шатрового многопридельного храма, с наибольшей силой воплощенный в соборе Василия Блаженного. К этому типу мастер явно и стремился привести облик Преображенского собора на своей миниатюре. И, что очень важно, миниатюрист, как и авторы рассмотренных икон, исходил из реальных форм здания (граненый, сужающийся кверху централь-

ный барабан и шесть объемно выявленных приделов), лишь определенным образом видоизменяя их.

Как видим, применение одного и того же приема трансформации еще не вело обязательно к одному результату. Все зависело от того, какие цели стояли перед художником, то есть какими идеалами эпохи он руководствовался. Это в свою очередь определяло и выбор тех элементов здания, которые избирал художник для трансформации.

Из изложенного вытекает сопутствующий для настоящей работы вывод о том, что Преображенский собор Соловецкого монастыря никогда не был шатровым¹⁷. Подтверждением этому служат изображения собора с центральной главой, а не с шатром на двух иконах, иконография которых восходит к 60—80-м гг. XVI в., ко времени, когда монастырь окружали еще деревянные стены¹⁸, то есть к первым годам существования храма. Вместе с первой иконой, рассмотренной в нашей работе, это древнейшее из известных изображений реального Преображенского собора.

Завершение Благовещенской церкви на миниатюре показано очень неопределенно. Возможно, как считает М. И. Мильчик, когда писалась миниатюра, надвратная церковь еще только строилась¹⁹.

Как и на иконах, в миниатюре серьезной трансформации подверглись лишь наиболее значимые с точки зрения художника или заказчика сооружения ансамбля. К ним отнесены и каменные монастырские стены. На миниатюре крепость показана не пятигранной в плане, как это есть в натуре, а близкой к квадрату. Несомненно, и здесь мастер уподобил облик монастырской ограды горнему Иерусалиму, что стремились делать и зодчие России того времени²⁰.

Согласно Апокалипсису, горний Иерусалим "...расположен четверугольником и длина его такая же, как и широта" (Апокалипсис. XXI. 16). Миниатюристу пришлось из двух прясел — юго-восточного и юго-западного — сделать одно, уподобив его противоположной, северной, стене крепости. Кроме того, северная и южная стены были сильно вытянуты в длину, чтобы приблизить

план монастыря к образу горнего Иерусалима. Угловые же башни крепости на миниатюре оказались "надстроенными" лишними ярусами. Но, как и у соловецких храмов, подобие кровелек, расположенных примерно на одной трети высоты башен, напоминает об их реальных размерах.

Подведем итоги. Во всех трех рассмотренных изображениях Соловецкого монастыря художники использовали одни и те же приемы трансформации архитектуры: вытягивание форм, сдвиг целых сооружений и их отдельных элементов по горизонтали, гипертрофированное изображение отдельных форм, приведение разных форм к единому образцу, наращивание подобных форм по вертикали, устранение отдельных архитектурных элементов.

Трансформируя архитектуру изображаемых сооружений, мастер преследовал три основные цели: выделить наиболее значимые, с точки зрения его или заказчика, сооружения и их отдельные элементы; придать более целостный, чем в природе, облик зданиям и всему ансамблю; приблизить их к наиболее типичному для того времени облику, другими словами — к идеалу эпохи. При этом художник, как правило, исходил из существовавших в природе архитектурных форм, оставляя, невольно или вольно, "ключи" к детрансформации изображений в виде швов, кровелек и т. п.

Данные примеры показывают, насколько отличаются реальные памятники от их живописных версий, что заставляет с предельной осторожностью использовать средневековую иконографию даже такого позднего периода, который рассмотрен в данной работе, как источник для реконструкции первоначального вида архитектурных сооружений.

В заключение хочется сказать, что выявленные приемы трансформации архитектуры, по нашим предварительным наблюдениям, были довольно широко распространены в живописи России второй половины XVI—начала XVII в.²¹ Однако анализ столь широкого иконографического материала не входит в задачи этой статьи.

Примечания

¹ Основные положения настоящей статьи были изложены в двух докладах, прочитанных в Москве в НИИ искусствоведения 5 июня 1990 года и на Соловках на конференции Соловецкого музея-заповедника 10 сентября 1990 г.

² Султанов Н. Образцы древнерусского зодчества в миниатюрах // Памятники древней письменности. СПб., 1881. Вып. VII; Щепкин В. Н. Житие святого Нифонта. М., 1903. С. 6—11; Арциховский А. В. Миниатюры синодального списка Никоновской летописи // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. М., 1934. С. 123; Арциховский А. В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944. С. 104—106; Щепкина М. В. Царские лицевые рукописи конца XVI—начала XVII в. (Диссертация). М., 1945; Воронин Н. Н. У истоков русского национального искусства // Ежегодник Института истории искусств АН СССР. М., 1952. С. 257—316; Свирин А. Н. К вопросу об изображении архитектурных форм в произведениях древнерусской живописи, хранящихся в собрании Государственной Третьяковской галереи // ГТГ. Материалы и исследования. М., 1956. Т. 1. С. 10—20; Воронин Н. Н. Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 364—374; Сидорова Т. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр // АН. М., 1958. № 10. С. 73—100; Ильин М. А. Изображения Иерусалимского храма на иконе "Вход в Иерусалим" Благовещенского собора // Византийский временник. 1960. Т. XVII. С. 105—113; Стоякович А. Об изучении архитектурных форм на материале некоторых русских икон // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 116—123; Воронин Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1962. Т. II. С. 140, 142—143, 147, 362; Подобедова О. М. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 43, 48, 88, 166, 172, 177—184, 188, 190, 192—194; Осташенко Е. Я. Архитектурные фоны в некоторых произведениях древнерусской живописи XIV века // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV—XV вв. М., 1970. С. 275—309; Мильчик М. И. Архитектура в древнерусской живописи // Декоративное искусство СССР. № 2. 24—28; Кочетков И. А. О принципах изображения архитектуры на иконах митрополитов Петра и Алексия

// СА. 1973, № 4. С. 123—134; Мильчик М. И. Древнерусский архитектурный ансамбль на чертеже и иконе XVII века // История СССР. 1974. № 2. С. 202—216; Мильчик М. И. Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 233—267; Попова Т. Д. Памятники Московского Кремля в Лицевом своде XVI в. // СА. М., 1983. № 4. С. 83—94.

³ Кочетков И. А. Указ. соч. С. 123.

⁴ О возможности такой постановки вопроса Б. А. Успенский писал: "К произведению старого искусства правомерно подходить как к предмету дешифровки, пытаясь выявить особый язык художественных приемов, то есть специальную систему передачи того или иного содержания на плоскости картины". Успенский Б. А. О семантике иконы // Труды по знаковым системам. Т. V. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту. 1971. Вып. 284. С. 178.

⁵ Собр. Церковно-археологического кабинета при Московской духовной академии. Инв. № 1а94. См. Воспроизведение иконы. См.: Мильчик М. И. У истоков древнерусской иконографии Соловецкого монастыря // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 319.

М. И. Мильчик датирует эту икону первой половиной XVII в., с чем мы не согласны по следующим причинам: во-первых, на ней изображены деревянные крепостные стены, построенные в 1578 г., во-вторых, на иконе между Преображенским собором и звонницей показана Никольская церковь, по всей вероятности, деревянная, разобранная в 1583 г., после освящения сменившей ее каменной церкви того же посвящения (Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 315—316). Кроме того, в 1582 г. начала строиться каменная крепость Соловецкого монастыря, однако деревянные укрепления исчезали не сразу, а постепенно, участками, по мере возведения каменных стен и башен (Косточкин В. В. Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря // АН. М., 1972, № 20. С. 34). Таким образом, эта икона могла появиться лишь в самом конце 70-х — начале 80 гг. XVI в.

⁶ ГТГ. Инв. № 12068. См.: воспроизведения иконы: Муратов П. Древнерусская живопись в собрании И. С. Острохова. М., 1914. С. 31; Антонова В. И. Каталог древнерусской

живописи ГТГ. М., 1963 Т. П. № 642; Реформаторская М. А. Северные письма. М., 1968. Илл. 38; Мильчик М. И. Архитектурный ансамбль... С. 243.

⁷ ГИМ, собр. Вахрамеева, 71. Воспроизведения заглавной миниатюры Вахрамеевской рукописи см.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1888. Илл. после С. 48; Богуславский Г. А. Острова Соловецкие. Архангельск. 1977. Вклейка между С. 64 и 65; Ильин М. А. О первоначальном виде собора Соловецкого монастыря // СА. 1976. № 1 Вклейка между С. 152 и 153; Вереш С. В. Эволюция облика Соловецкого монастыря по его изображениям // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 209.

⁸ По мнению М. И. Мильчика, икона Третьяковской галереи создана на Соловках или, по крайней мере, художником, хорошо знавшим монастырь, а заглавная миниатюра Вахрамеевской рукописи написана с использованием "чертежа" монастыря, который мог быть составлен, как то и полагалось, вскоре после окончания строительства каменной стены (Мильчик М. И. Архитектурный ансамбль... С. 247—248, 252); М. В. Щепкина полагала, что указанная миниатюра написана с иконы (Щепкина М. В. Указ. соч. С. 117).

⁹ См.: Савицкая О. Д. Некоторые черты северного зодчества на примере архитектурных памятников Соловецкого монастыря // АН. 1973. № 21 С. 60—68; она же — Исследование трапезной Соловецкого монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975. Вып. I. С. 168—176; она же — Архитектура Соловецкого монастыря // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 43—130.

¹⁰ См.: Савицкая О. Д. Архитектура Соловецкого монастыря... С. 50—51.

¹¹ См.: Савицкая О. Д. Исследования и реставрация Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1990. Вып. III. С. 100.

¹² Здесь дается описание завершения собора лишь с западной стороны, так как на всех трех рассматриваемых изображениях он, как и весь ансамбль, показан только с запада.

¹³ В. А. Буров со всей убедительностью доказал, что Михайловский и Зосимо-Савватиевский приделы с самого

начала существования Преображенского собора находились в его северной и южной апсидах (Буров В. А. К вопросу о реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в. // СА. 1977, № 4. С. 306—313)

¹⁴ Ильин М. А., Максимов П. Н., Косточкин В. В. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. М., 1955 Т. III. С. 364.

¹⁵ См.: Мельник А. Г. К вопросу о формировании архитектурно-художественной системы Преображенского собора Соловецкого монастыря // Архангельское Поморье. История и культура. Архангельск. 1983. С. 77.

¹⁶ Савицкая О. Д. Некоторые черты ... С. 64.

¹⁷ Библиографию о Преображенском соборе см.: Савицкая О. Д. Исследования и реставрация... С. 106—107.

¹⁸ Одна икона "Обитель Зосимы и Савватия" хранится в Музеях Московского Кремля (иконостас Ризоположенской церкви), инв. № 3092; другая находится в частном собрании, негатив с нее имеется в фонде Соловецкого музея-заповедника, инв. № 242.

¹⁹ Мильчик М. И. Архитектурный ансамбль... С. 242.

²⁰ Бусева-Давыдова И. Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей // АН. М., 1986, № 34. С. 207.

²¹ Например, прием наращивания подобных форм в завершении храма применен в изображении Софийского собора Новгорода в клеймах иконы "Зосима и Савватий Соловецкие в житии" 60-х гг. XVI в. (См.: Скопин В. В. Щенникова Л. А. Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М., 1982. С. 32, 34) и в изображении Преображенского собора новгородского Хутынского монастыря на иконе "Видение пономаря Тарасия" начала XVII в. (См.: Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 61).

ЧАСОВНИ НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

ЧАСОВНИ Соловецких островов — неотъемлемая часть архитектурного ансамбля архипелага — до сих пор оставались вне поля зрения историков архитектуры, а между тем литературные источники конца XIX столетия только за пределами монастыря насчитывают 24 часовни. Часть из них расположена близ монастыря, а часть — в удаленных скитах, местах промыслов, а также на соседних островах¹. Большинство из них было построено во второй половине XIX столетия: после смелого отражения нападения английской эскадры монастырь вновь громко заявил о себе как месте святых подвигов. Одним из результатов возвеличивания деяний монастыря стало активное храмовое строительство и в том числе возведение каменных и деревянных часовен. И все же первые часовни на островах появились гораздо раньше. Представляется важным, основываясь на анализе рукописных и графических источников, сделать общий обзор этого рода памятников, а также проследить их судьбу. Настоящую работу следует рассматривать лишь как начало изучения соловецких часовень.

Их роль, конечно, не ограничивается только художественным впечатлением, той тонкой поэтической нотой, которую они вносят в архитектурный ансамбль монастыря или хрупкий соловецкий пейзаж. Большое значение они имеют как памятники истории, как места религиозного поклонения.

Согласно древним церковным правилам, часовни — малые безалтарные церкви — ставились над входами в подземные кладбища, над пещерными храмами, воздвигнутыми, в свою очередь, над гробами мучеников или просто над гробницами церковных деятелей. Примерами таких часовен на Соловках могут служить существовавшие в монастыре с XVII столетия сначала деревянные, а затем каменные часовни во имя местных преподобных Иринарха и Германа. Сильно перестроенные в XIX столетии, они и сейчас стоят в монастыре между Никольской церковью и Преображенским собором.

Часть часовен имеет другое происхождение: они связаны с Божественным чудом или с памятью важных событий в жизни церкви. Таких часовен на Соловках большинство, и о них-то в основном будет идти речь впереди. Однако на островах были и часовни, не связанные с тем или иным историческим местом или мемориальной темой, а просто игравшие роль небольших храмов в тех местах, где не было постоянного населения. Традиции возведения таких часовен, как, впрочем, и других, пришли с материка. Достаточно вспомнить часовню на реке Выг, куда перед смертью приплыл с острова Савватий: она лишь эпизодически посещалась промысловиками морского зверя и торговцами.

Названные выше часовни Иринарха и Германа существенной роли в архитектурном ансамбле монастыря не играли и потому заслуживают самостоятельного рассмотрения вне данной статьи, прежде всего как монастырские реликвии. В то же время часовни, расположенные за пределами Кремля, не только освящали места своего размещения, но и, как правило, становились идейно-образным и художественным центром всего окружения.

До конца XVII столетия многочисленные описи Соловецкого монастыря не упоминают часовен, находящихся вне крепостных стен, как, впрочем, нет в них описаний многочисленных и бесспорно существовавших тогда сооружений жилого и хозяйственного назначения. Тем не менее часовни, вероятно, сущест-

вовали, но в немногих местах, например, в Савватиеве, где впервые поселились соловецкие "начальники" Савватий и Герман, в известном с XVII столетия Исакове, возможно, получившем название от византийского пустытника Исаакия Далмацкого, или в Сосновке, где в 1627 г. на сосне чудесно явилась икона Богоматери. Явленная икона была перенесена в монастырь и поставлена в Преображенском соборе, а место чуда отмечено часовней.

Первое графическое изображение деревянных часовен мы находим в известной гравюре Василия Андреева 1699 г., где впервые подробно представлено ближайшее окружение монастыря². На гравюре к западу от стен монастыря, на берегу моря, показаны пять часовен: Петровская, Чуда о просфоре, Филипповская с расположенной рядом с ней Надкладезной и дальше к западу — Зосимовская (ил. 1). Они изображены как простые прямоугольные срубы, перекрытые высокими четырехгранными шатрами с барабанами, главами и крестами. Хорошо заметны полицы и повалы — характерные признаки народного деревянного зодчества. Недостаточно ясно изображена Петровская часовня, построенная в 1694 г. по случаю приезда в монастырь Петра I. Оригинальной формой отличалась часовня над Филипповским колодцем: ее шатер опирался лишь на четыре открытых угловых столба.

Изображения на гравюре можно дополнить описанием, составленным в 1705 г. В нем Петровская часовня определена как "древянная осьмигранная забрана тесом в столбы, в косяк, на ней шатер с открышкою покрыт тесом с зубцами. На том шатре шия и главы обиты чешуею древянною, на главе крест четвероконечной опаян белым железом. В той часовне крест большой четвероконечной царского изрядного дела"³.

Описание часовни Чуда о просфоре отсутствует, но описаны другие часовни, изображенные на гравюре В. Андреева. Надкладезная часовня, по существу, была сенью над вырытым когда-то игуменом Филиппом колодцем, "древянная четвероугольная рублена покрыта тесом на два ската с зубцами". Расположенная рядом

*Ил. 1. Соловецкий монастырь.
Гравюра В. Андреева. 1699 г.*

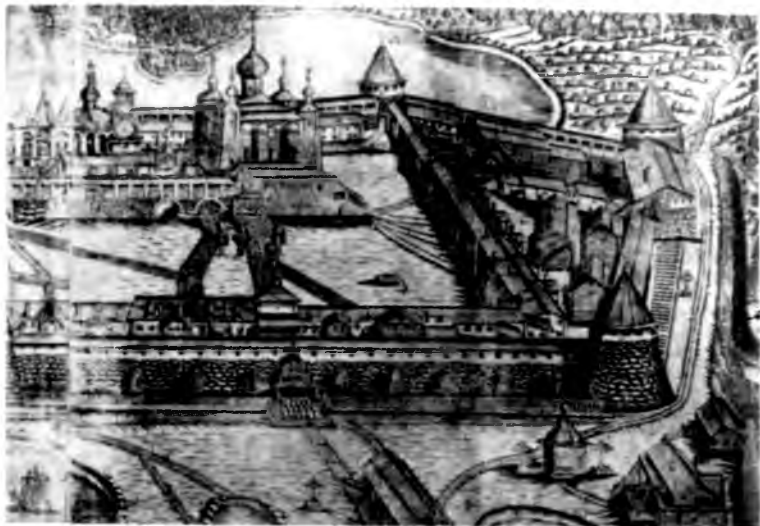
собственно Филипповская часовня "деревянная забрана тесом, на ней шатер обит тесом с открышкою, а шия и глава обита чешуею деревянною. На главе крест ось-

миконечной деревянной большой, на нем распятие Господне резное и писано краски"⁴.

Еще одна надкладная часовня, расположенная в версте от монастыря над вырытым еще в XIV столетии преподобным Зосимой колодцем со свежей водой, описана в 1705 г. как "Деревянная, рубленая, шатровая, покрыта тесом, а шия и главы обиты чешуею деревянною... На главе крест деревянной осьмиконечной. Внутри той часовни крест деревянной осьмиконечной". И наконец, эта первая опись монастырского окружения дает представление еще об одной часовне — Таборской, расположенной восточнее монастыря, за скотным двором, на месте, где в 1668—1676 г. стояли царские ратные люди и где хоронили погибших при осаде монастыря. "Часовня деревянная, рубленая, шатровая, на ней шатери и шия и глава обиты чешуею деревянною, на главе крест четырехконечной... в той же часовне четыре окна в колодах в них окончины слудные в железе. Около часовни с трех стран паперть забрана тесом"⁵. Эта часовня имела предшественницу, которая, будучи построенной стрельцами по грамоте архангелогородского архиепископа Афанасия, в 1691 г. перенесена на Заяцкий остров, где располагалась монастырская пристань⁶. Ее изображение недалеко от церкви Андрея Первозванного можно видеть на гравюре, датируемой 1800 г.

Таким образом, судя по описаниям конца XVII—начала XVIII в. все часовни тогда имели шатровые завершения, обитые чешуей барабаны и главы и в целом отражали черты, характерные для народной архитектуры Древней Руси. Некоторым исключением выглядела лишь восьмериковая Петровская часовня, формы которой были навеяны образами каменной архитектуры Московской земли. Однако именно она послужила отдаленным прототипом для множества восьмигранных часовен, построенных в середине XIX столетия. Наиболее наглядное представление о ее внешнем виде дает известная гравюра братьев Зубовых 1744 г. (ил. 2)⁷.

Наше представление о часовнях при монастыре в первой половине XVIII столетия расширяет "доношение" соловецкого архимандрита Варсанофия от 1722 г.⁸.

*Ил. 2. Фрагмент Соловецкого монастыря
с Петровской часовней. Кон. XVII в.
Гравюра братьев Зубовых. 1744 г.*

Оно было связано с указом Петра I о разборке всех часовен и передаче их имущества монастырям и приходом, к которым они были приписаны. В документе, помимо перечисленных выше часовен, названы новые: "где жил Савватий" (в 12 км от монастыря) и часовня в Сосновской губе (в 18 км от монастыря), "иде бывал соляной промысел и тамо жили монахи и мирские и за дальностью монастыря свершали в той часовне вечерню и утреню и часы"⁸. Возведенные, видимо, в давнее время, эти часовни по неясным для нас причинам не были включены в опись 1705 г. Неизвестно также, когда была приведенная в списке 1722 г. часовня в Реболде — в 15 км от монастыря при нерпичьем промысле, заведенном еще в XVI столетии.

В заключении документа соловецкий архимандрит указывал, что "в вышеописанных часовнях, которые построены над крестами и над кладезями никакова молитвословия не совершается, токмо построены ради дождя", и просил их не разбирать. О том, что часовни

*Ил. 3. Часовня в Реболде. XIX в.
Литография В. Черепанова. 1884 г.*

на Соловецких островах не только не были разобраны, но и постепенно ремонтировались и даже увеличивалось их количество, сообщают письменные источники середины XVIII столетия.

В 1756 и 1758 гг. были заново покрыты и снабжены образами часовни в Реболде (ил. 3), Таборской и Савватиевской. В 1758 г. Зосимовская часовня была "перестроена вся с фундамента и покрыта епанчей на 4 ската и глава поставлена с крестом". Упоминание в донесении архимандрита того, что на этом месте "трудился в лето 6944 (1436 г.), от монастыря две версты, от моря в двадцати саженьях" указывает на прочность известного монастырского предания о месте первоначальной кельи Зосимы. О том же свидетельствует и описание деревянной часовни Германа, "где он прежде жил, от монастыря две версты с половиной, а от Зосиминой полверсты, от моря четыре сажени". В это время часовня была перебрана и покрыта на четыре ската, "глава и крест поставлен, прежде не было, внутри образ писан". Иными слова-

ми, часовня была построена несколько ранее, но, видимо, после 1722 г.⁹. Поправлен в это время был и колодец при ней.

В это же время была построена еще одна часовня — Филипповская, расположенная на месте кратковременного уединения митрополита Филиппа в Филипповской пустыни, в двух километрах к северо-востоку от монастыря. При ней также находился колодец, вырытый в середине XVI столетия игуменом. Возможно, на этом месте существовала часовня и ранее, но по какой-то причине была заброшена или просто не упомянута пере-

*Ил. 4. Часовня в Старой Сосновке.
Литография В. Черепанова. 1884 г.*

писчиком. То же самое можно сказать о часовнях Зосимы и Германа. В это время летописец назвал также Петровскую, Чуда о просфоре и Сосновскую часовни (ил. 4).

Следующая опись монастырских часовен относится к 1759 г. и интереса тем, что в ней более подробно описаны некоторые из них. Например, там даны размеры Германовской, Зосимовской и Петровской часовен. Любопытны и подробности, касающиеся их облика¹⁰.

*Ил. 5. Часовня в Филимоново. Сер. XIX в.
Литография В. Черепанова. 1884 г.*

Описи конца XVIII столетия повторяют те же часовни, за исключением одной новой — Филимоновской (ил. 5), расположенной в 8 км от монастыря по дороге на Реболду, на берегу Долгой губы¹¹. Общее представление о внешнем виде часовен этого времени можно почерпнуть из большого гравированного плана Соловецких островов 1800 г., изданного Д. А. Ровинским¹².

Наиболее подробные сведения о соловецких часовнях приводит главная церковно-ризничная опись монастыря 1866 г.¹³ В ней содержится описание их внешнего вида и интерьеров, а также даны размеры. Многие из старых часовен к этому времени были уже перестроены, а несколько других названы впервые. Перечислим здесь лишь вновь возведенные: каменная восьмигранная Александровская была поставлена близ монастыря в 1858 г. в честь пребывания в монастыре императора Александра I; похожая на нее, но поскромнее — Константиновская была построена в 1844 г. в честь приезда брата императора Великого князя Константина Николаевича. Обе они стоят на берегу морской пристани, близ монастыря.

*Ил. 6. Часовня в Исаково. XIX в.
Литография В. Черепанова. 1884 г.*

По дороге на Реболду, в трех километрах от монастыря, появилась деревянная Варваринская часовня. В северном направлении, ведущем к Секирной горе, у ее подножия в середине столетия была возведена каменная восьмигранная часовня во имя Чуда архангела Михаила в Хонех. Впервые в этой описи упоминаются и деревянные часовни в Исаково (ил. 6) и в Новой Сосновке (16 км от монастыря). В пяти километрах от обители была поставлена деревянная прямоугольная в плане Печорская часовня с колодцем внутри. В летней резиденции архимандрита Александра в Макарьевой пустыни была сооружена деревянная часовня в честь Александра Невского, в память о победе над англичанами в кампанию 1854 г.

Впервые в этой описи упомянуты многочисленные часовни, стоявшие на соседних островах. На острове Большая Муксалма при скотном дворе — Рождественская часовня, позже перенесенная на остров Малая Муксалма. Новая восьмериковая деревянная часовня увенчала самую высшую точку Большой Муксалмы — Фаворскую гору.

На втором по размерам Анзерском острове в середине XIX столетия стояло шесть часовен, из которых лишь две — в честь Покрова Богородицы близ Капорской губы да во имя Богородицы всех Скорбящих Радость на пристани в Кенге — были восьмигранными каменными. Остальные четыре, расположенные в различных местах острова, были деревянными, прямоугольными в плане. К ним относится часовня во имя Знамения Пресвятой Богородицы в Троицком скиту, в память жительства Елиазария Анзерского в двух километрах от скита, Троицкая также в двух километрах от него на берегу морской губы и, наконец, часовня во имя Кирилла Новоезерского в Кирилловской тоне.

Многочисленные часовни, расположенные на островах в XIX столетии, несмотря на их очевидную типологическую близость, имели какие-то свои, индивидуальные признаки. Заметим, что ныне лишь семь часовен сохранилось на Соловках. Подробный архитектурный анализ тех, что не дошли до нашего времени, — дело будущего. Однако несомненно, что обозначение мест, где они стояли, а в отдельных случаях, может быть, и воссоздание поможет вызвать к новой жизни множество забытых мест архипелага, без которых трудно представить себе образ великой северной обители.

Примечания

¹ История первоклассного Ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899.

² Воспроизведение гравюры см.: Вереш С. В. Эволюция облика Соловецкого монастыря по его изображениям. // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Под общей редакцией Д. С. Лихачева, М., 1980. С. 215.

³ ГММК, ОР. Ф. Соловецкого монастыря. Д. 1240. Л. 334.

⁴ Там же. Лл. 344 об.— 345.

⁵ Там же. Лл. 352, 352 об.

⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН. Кол. 2. Д. 149. Л. 148.

⁷ Воспроизведение см.: Вереш С. В. Указ. соч., С. 216—219.

⁸ РГИА. Ф. 179. Оп. 2. Д. 422. Л. 147.

⁹ БАН. Ор. Архангельское собрание. Д. 570. Лл. 62—64.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 728. Лл. 1—32.

¹¹ РГБ ОР. Ф. 178. Д. 4302. Л. 11.

¹² Ровинский Д. А. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб., 1893. Т. IV, № 21.

¹³ ГММК ОР. Ф. Соловецкого монастыря. Д. 1285. Лл. 53—184.

*ОБРАЗ ПЕТРА I В ОНОМАСТИКЕ САКРАЛЬНОЙ
АРХИТЕКТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА
(ХРАМЫ, ЛАБИРИНТЫ, КОРАБЛИ)*

В НАИБОЛЕЕ совершенной и завершенной форме порождающий, энергийный потенциал "ядерного" имени "Петр" отражен в организации священного ономастического пространства Санкт-Петербурга, основанного на островах в устье Невы. Сам процесс установления эkkлезионимической системы новой столицы России (ономастики ее центральных храмов) можно метафорически уподобить реакции распада атомного ядра, представленного агионимом "Петр". "Если первой петербургской церковью был собор Петра и Павла, заложенный в день ангела царя (29 июня 1703 г.; это было первое публичное здание нового города), то второй стала церковь во имя Исаакия Далматского, заложенная в день рождения Петра, 30 мая 1707 г. Церковь была посвящена святому, в день памяти которого родился в 1672 г. царь Петр <...> ...И следующие по времени петербургские храмы прямо или косвенно связаны с прославлением Петра и его дела. В 1710 г. на Петербургской стороне воздвигается Троицкая церковь, что, видимо, связано с условной датой основания Петербурга (в Троицын день, 16 мая 1703 г.), и затем по Выборгской дороге — церковь св. Сампсония. <...> ...Наконец, пятой петербургской церковью становится храм Александра Невского, освященный в том же 1710 г. Таким образом, все первые петербургские святыни дешифруются символикой Петровской эпохи"¹.

Экклезионимическая система Петербурга перекликается (а в известной степени и порождается ею) с сакральной ономастикой Русского Севера, который явился для Петра "опытным полем", пространством (полигоном), где формировалась идеология его преобразований. складывался образ новой молодой России. В этом смысле крайне симптоматично олонецкое предание "Маковка из корней", в котором обнажается основной механизм петровского преобразования России, связанный с идеей ее переворачивания, инверсией верха и низа: "Перед тем как заводить порядки на Олонце, он (Петр Первый) долго смотрел на небо и после взял за макушку молодую сосну, в толщину оглобли, в рост человека, вырвал ее из земли и посадил в землю торчмя головою, вверх корнем. "Коли сосна приживется, дело удастся!" Поглядели люди: корни стали маковкою и дело пошло как по маслу!"².

В этом предании раскрывается один из центральных мифологических мотивов (актов) строительного ритуала — возведение "мирового древа" в космологическом центре строящегося здания (дома, храма, города, государства). Отличие петровского строительного мифа и ритуала состоит в его инвертированности, в акцентированности аморфного, хаотического, до-творительного начала, в ориентированности на ценности "иного мира" (которые "не от мира сего").

Подобная ритуальная технология и религиозная аксиология Петра выражают его предельную "русскость" и глубинную архаичность. И в самом деле, Петр в принципе не является ни "западником", ни новатором, но, напротив,— исконно русским архаистом, который за внешне новыми формами воспроизводит архаичную мифопоэтическую технику "бриколажа", основанную на идеях отождествления, уподобления, метафорики, переноса, перемещения, перестановки местами, свободной (поэтической) игры с одним и тем же набором элементов мироздания. Для петровского замысла о России особо значимыми и актуальными были мифопоэтические приемы инверсии культурно-исторического пространства (Запада и Востока, центра и периферии, сакрального

и профанного). Все эти перемещения ценностей, переносы образа центра (столицы) России с места на место явно обнаруживаются в перестройке "архангелогородского мифа", в пространство которого начинает "вмонтироваться" создаваемый царем-преобразователем "петербургский (петропавловский) миф".

Петербург, новая столица России, строится на противопоставлении и в то же время на усвоении-перенесении сакральной идеи Москвы (как старой столицы Руси) и Новгорода (как столицы Северной Руси). "Любопытно отметить, что с перенесением мощей Александра Невского, исключительно торжественно обставленным Петром, выявилась и ориентация патрональных святынь на связь с Новгородом... <...> Одновременно сквозь "римскую" символику собора Петра и Павла просвечивала символика Москвы как третьего Рима; после смерти Петра Петропавловский собор в Петербурге оказывается как бы заместителем Архангельского собора в Москве, поскольку он является усыпальницей русских государей"³.

Но реальным и хронологически самым близким прототипом (предтечей) Петербурга является Архангельск, в сакральной топографии которого изначально была укоренена как символика Москвы (через образ архангела Михаила), так и Новгорода (через образ Спасо-Преображения). Поэтому Петербург — это прежде всего Ново-Архангельск: "Так, Петербург, воспринимаемый не только как новый Рим, но и как новая Москва... в практической жизни в качестве торговых ворот в Европу воспринимался как новый Архангельск. Однако это влекло за собой и символическое толкование: покровителем Архангельска был Михаил Архангел — один из патронов Московской Руси. Победа Града Святого Петра над городом Михаила Архангела могла толковаться символически"⁴.

Ономастический и архитектурно-топографический план (проект) центра Петербурга начал создаваться в окрестностях Архангельска, на периферии "архангелогородского мифа", в образе Новодвинской крепости, в названии которой, вероятно, отражено ее противоп-

ставление "стародвинской" крепости (Архангельску). Закладка Новодвинской ("петропавловской") крепости, которая послужила прямым архитектурным и тезоименным прообразом Петропавловской крепости в Петербурге, состоялась 1 мая (по другим данным, 12 июня) 1701 года: "На особо устроенном помосте были поставлены 3 аналая с иконами и стол с евангелием, крестом и водосвятной чашей. Архиепископ Афанасий и прочее духовенство сначала "пели часы", а потом совершили "чин основания града" <...> ...На месте помоста архиепископ Афанасий распорядился поставить часовню во имя апостолов Петра и Павла..."⁵.

Во время очередного приезда в Архангельск "29 июня 1702 г. Петр I торжественно отпраздновал сооружение Новодвинской крепостной церкви во имя апостолов Петра и Павла. Означенная церковь постройкою была начата одновременно с самой крепостью"⁶. "Новоманерный" регулярный план Новодвинской крепости, неканоничность внутреннего устройства Петропавловской церкви ("в ней достойно чрезвычайного примечания, что для сидения поделаны параллельно, как в немецких церквях, лавки, чего нигде в России нет") — все эти "западнические" атрибуты петропавловского культа и ономастикона были перенесены Петром из старой столицы Севера Московской Руси в новую столицу императорской России — "Северную Пальмиру" (Петербург).

В петровскую эпоху культ Петра и Павла, получивший статус официального, государственного, стал широко распространяться в периферийных, пограничных землях России, а петропавловские храмы и тезоименные им города стали своеобразными пограничными знаками, окаймлявшими границы Российской империи, символами вновь освоенного пространства. В северо-западных землях Руси, в зоне русско-карелофинского пограничья, благодаря культуртрегерской деятельности Петра, закладываются новые русские города Петрозаводск и Лодейное Поле с патрональными кафедральными храмами во имя апостолов Петра и Павла. Процесс установления этих новых "петропавловских" знаков

на границе со Швецией нашел отражение в исторических преданиях Русского Севера о закладке Петром Лодейного Поля и Петрозаводска": "Приехал Петр I и поставил тут завод чугунный, церковь во имя Петра и Павла и сад посадил"; "В Лодейном Поле, где Петр I заложил собственными руками первый русский корабль и где также поставил он церковь Петра и Павла, стоит теперь небольшой памятник с его изображением и надписью"⁷.

В этих преданиях ярко раскрывается образ Петра как культурного героя, который устанавливает новые технологии, преобразует "дикий" природный ландшафт, строит тезоименные ему храмы, которые очерчивают и знаменуют границы освоенного (отвоеванного) им пространства. «"Пограничный и культуртрегерский потенциал агнионима "Петра и Павла" был столь велик, что даже после смерти строителя империи, в результате активной землепроходческой и мореходческой деятельности инициированной им первой Камчатской экспедиции, на дальних восточных рубежах России в 1740 году основывается город Петропавловск-Камчатский, а летом следующего года отсюда на открытие Чаемой Земли Американской двинулись тезоименные новому городу и царю-преобразователю корабли второй Камчатской экспедиции — "Святой Петр" и "Святой Павел"»⁸.

Наиболее полная разверстка экклезионимов, восходящая к своему ядерному имени — "Петр", воплощена в сакральном ономастиконе храмов и агитопонимике Соловков как острова спасения, который в системе координат религиозно-мифологической географии Северной России одновременно является и центром, и границей "инога мира".

Центральным патрональным храмом Петра на Соловецких островах стала деревянная часовня во имя апостолов Петра и Павла, возведенная над крестом, воздвигнутым Петром во время его первого приезда в обитель. В 1855 г. на месте деревянной часовни была построена каменная, символика внутреннего убранства которой ("царский" крест, иконы равноапостольных

Константина и Елены, равноапостольного Владимира, св. князя Александра, св. Исаакия Далматского, портрет Петра I) не только отражала персональные знаки судьбы Петра, но и воспроизводила важнейшие эмблемы и мифологемы идеологии Московского царства, возводимой к культу Константина Великого: "Восточная церковь канонизировала Константина Великого, первого христианского властителя, создателя христианской государственности, и почитала орудие его победы, символ христианской власти — крест Константинов"⁹. "Значение креста Константинова как эмблемы еще более повысилось в период основания Петербургской империи... которая вообще охотно перенимала у Московского царства его символические формы, впрочем, сокращая или вовсе отменяя присущее им религиозное содержание"¹⁰.

С приездом Петра иноки Соловецкой обители связывали надежды на возрождение симфонических отношений между святостью и царством, между Российским самодержавием и монастырем. Как известно, эта симфония была нарушена в тревожные времена церковной Смуты, вызванной никоновским "поновлением" Русской Православной Церкви. В целях восстановления и упрощения гармонии царства и святости на Соловках, бывший соловецкий инок Тобольский митрополит Игнатий в своем письме в монастырь от 12 марта 1696 г. призывал расширить священное ономастическое пространство "петропавловского культа". Он "просил, чтобы на Савватиевой горе, называемой Секирною, была построена церковь в честь Вознесения Господня и в главе ее придел во имя апостолов Петра и Павла, по образцу церкви, устроенной патриархом Никоном подле Нового Иерусалима"¹¹. В письме митрополита Игнатия существенным представляется не только уподобление священной топографии Соловецкого и никоновского Новоиерусалимского монастырей топографии Святой Земли Палестины (исторического, первого Иерусалима), но и скрытое указание на особые "симфонические" ("собинные") отношения между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, которые совместно участвуют в закладке и строительстве

подмосковного Новоиерусалимского монастыря. Во время приезда Алексея Михайловича на освящение деревянной Воскресенской церкви строящегося монастыря "царь неожиданно сравнивает новый монастырь и его окрестности с Иерусалимом. И даже более того — называет это место Новым Иерусалимом, каковое название подтверждает письменно. Письмо царя патриарх Никон влагает в особый ковчежец и полагает затем под крест на месте престола будущего каменного собора Воскресения, замечательного по подобию храму Гроба Господня, или в камень при закладке и освящении места будущего собора <...> ...Такое сакральное значение царскому письму патриарх Никон придавал не случайно. Как известно, в 135 году от Рождества Христова в честь императора Элия Адриана древний палестинский Иерусалим был переименован в Элию Капитолию, и только обратившийся ко Христу император Константин Великий вернул городу через двести лет, вскоре после 325 года, прежнее имя, назвав при этом его Новым Иерусалимом (в земном значении — возобновленным). Алексея Михайловича давно сравнивали на православном Востоке (да и в России) с Константином Великим, называли новым Константином. Патриарху Никону поэтому нужно было, чтобы "новый Константин" и дал название подмосковному "Новому Иерусалиму"¹². Петр I — законный наследник власти московских царей, воспреемник престола своего отца Алексея Михайловича — наследует и его харизматический статус "нового Константина", с которым связываются упования иноков Соловецкого монастыря на возрождение былой славы и святости их обители, на возвращение ей исконного чистого образа и имени "Нового Иерусалима".

В сакральной топографии Соловков наличествует еще один тезоименный Петру храм — деревянная часовня во имя Исаакия Далматского. "Исаково — древнейшая пустынь Соловецкого острова <...> ...Однако возникла она, возможно, и раньше, еще при Филиппе <...> ...Видимо, еще в XVII столетии существовала в пустыни деревянная часовня в честь Исаакия Далматского, давшего название летнему поселению и озеру"¹³.

Как известно, культ Исаакия Далматского занимал весьма скромное место в русском религиозном сознании и он лишь "напоминал людям петровской эпохи в первую очередь о дне рождения их царя"¹⁴. Поэтому "встреча" Петра со св. Исаакием Далматским на далеком Соловецком острове была не случайной, но глубоко промыслительной. Впоследствии образ Исаакия Далматского, запечатленный в скромной деревянной часовне, воплотился в величественных архитектурных формах Исаакиевского собора в Петербурге, а в интерьере новой каменной "петропавловской" часовни Соловков икона Исаакия Далматского разместились рядом с "парсуной" Петра I. Соположение "петровского" ономастикона храмов Соловков и Петербурга проявилось и в воздвижении на Большом Соловецком острове, по дороге, ведущей в Исаакиевскую пустынь, часовни во имя благоверного великого князя Александра Невского, нетленные мощи которого были перенесены из старой столицы Северной Руси Новгорода в новую северную столицу России Петербург, где возник тезоименный Александру Невскому монастырь.

"В параллели Новгород — Петербург, Рим — Петербург была заложена характерная для культуры барокко идея двойничества. Так, фигура апостола Петра могла получить двойника в образе его брата апостола Андрея. Апостол Андрей воспринимался как более национальный для России, так как посетил Восточную Европу: согласно "Повести временных лет", он предсказал великое будущее Руси, поставил крест на Киевских горах и удивлялся баням в Новгороде. Таким образом, он был как бы "русским вариантом" апостола Петра, русским Петром. С этим связывается отчетливо выраженный культ апостола Андрея в идеологии Петровской эпохи: сразу же по возвращении из Великого посольства Петр учреждает орден Андрея Первозванного <...> ...Флот получает "андреевский флаг". В качестве другого варианта Петра мог выступить равноапостольный святой князь Владимир. По крайней мере Феофан Прокопович в своей трагедии "Владимир" прозрачно придал крестителю Руси черты царя Петра"¹⁵.

Уподобление Петра князю Владимиру, который почитался как первый "новый" и русский Константин, объясняет появление иконы крестителя Руси в иконостасе "петропавловской" соловецкой часовни, а вхождение предтечи Владимира апостола Андрея в родовое ономастическое древо Петра I обуславливает строительство, "андреевской" церкви на Заяцком острове Соловецкого архипелага. "На острове Заяцком, близ коего стоял Российский флот, повелено было государем соорудить деревянную церковь во имя св. Апостола Андрея"¹⁶.

Именно в процессе строительства этой церкви в полной мере развернулся культуртрегерский и мифопоэтический гений Петра. Церковь во имя апостола Андрея Первозванного была возведена в течение нескольких дней, и, по существу, она может относиться к разряду "обыденных храмов", строительство которых велось по особой технологии и имело строгие временные ограничения. Возведение обыденных храмов было связано с наступлением кризисной, чрезвычайной ситуации в жизни человека и природы, когда разрушался привычный порядок вещей, распадался космос и в мир вторгались деструктивные силы хаоса. Для преодоления кризиса, для обуздания хаотической стихии и возводились обыденные храмы, которые, по определению, должны были сооружаться в течение одного дня с полным соблюдением всего технологического цикла. Строительство обыденного храма наделялось глубочайшим религиозно-мифологическим смыслом и обладало мощным мироустроительным потенциалом, соразмерным по масштабам акту творения мироздания. Мифологема обыденного храма (и вообще всякой "обыденности" — моментальности) была весьма созвучна "переворотному" камертону русской души, уповавшей на мгновенное обретение "нового мира" ("здесь и сейчас"). Отзывалась она и в душе "самого русского" царя — Петра, который в акте строительства "однодневного" (обыденного) храма превращался в демиурга-творца, созидающего модель (проект) нового космоса русской жизни на островном пространстве Студеного моря.

Мифологизация культурутрегерской деятельности Петра на Соловецких островах коснулась обстоятельств строительства не только Андреевской церкви, но и ряда других объектов культурного и природного происхождения. В частности, с деяниями Петра мифологизирующая память потомков связала сооружение знаменитых соловецких лабиринтов и квазиархеологических памятников ("городков Петра"). Даже такой именитый соловецкий иннок-историограф, как архимандрит Досифей, был убежден в "петровском" происхождении лабиринтов Заяцкого острова. Неподалеку от церкви Андрея Первозванного "выкладен был по земле в два ряда булыжных камней вавилон, или лабиринт, который и поныне еще виден"¹⁷. В более поздней редакции церковно-исторического предания о "петровских" лабиринтах присутствуют уже вполне светские, рационалистические мотивы строительства Петром "вавилонов" ("вавилоны", или "лабиринты", — ряд дорожек, обозначенных булыжниками и пересекающихся в разных направлениях. Построен "лабиринт" этот по приказанию царя для развлечения солдат"¹⁸.

Мифопорождающий потенциал культурутрегерского образа Петра был столь велик, что даже в книжной среде ученого соловецкого монашества зарождались квазиисторические легенды и предания о "петровской" этиологии отдельных элементов археологического и природного ландшафта. В частности, с именем Петра монастырская фольклорная традиция устойчиво связывала происхождение трех каменных насыпей (холмов, сопок), известных как "петровские городки": "В записях монастырского архива найдено, что в 1702 году Великий государь Петр Алексеевич, при вторичном посещении Соловецкого монастыря, стояв со флотом своим за противными ветрами между островом Анзерским, Муксальмским и Соловецким приказал сделать в память своего пребывания три городка, или большие кучи насыпей камней с землею, одну на острове Анзерском, другую в Муксальмском, а третью на Соловецком, так, чтобы курганы издали могли быть видны"¹⁹.

Генезис соловецких преданий об этиологии "городков Петра I", имеющих скорее всего не рукотворную, а естественную природу, связан как с аборигенами (поморскими) религиозно-мифологическими моделями, так и с "петрографической" и культуртрегерской мифологией Петра I. Мемориально-маячные функции "петровских городков", отмечаемые соловецким преданием, позволяют проследить их мотивационные истоки в поморском обряде сооружения каменных насыпей (курганов) — "гуриев", которые, подобно поморским крестам, являлись погребально-поминальными, памятными и путеводными знаками. Кроме того, в поморском фольклоре, в исторических преданиях Русского Севера о борьбе с внешними врагами широко представлен мотив "окаменения". В камень превращаются не только внешние, но и "внутренние" враги, то есть вообще все нарушители границ православного мира ("пре-ступники" — люди, пре-ступившие грань человеческого, зашедшие за-кон). В северных преданиях постоянными нарушителями границ Святой Руси выступают "немцы" (шведы), которые Божеским попусшением, в полном соответствии со своей "немецкой" ("немой", "нечеловеческой") природой, превращаются в камни.

Все эти мотивы поморской "каменной" мифологии (борьба с немцами-шведами, превращающимися в камень, сооружение на границе-могиле каменных "оборонительных" и поминальных знаков — "городков" и "гуриев"), восходящие в конечном счете к кругу идей погребально-поминального ритуала, контаминируются с петрографической и культуртрегерской мифологией Петра I, который в образе Громовержца вел постоянную войну с хтоническим противником, переустраивал, возводил каменные крепости и города.

В соловецких преданиях градостроительная ипостась Петра воплощается не только в сооружении каменных насыпей ("городков"), но и в устройстве лабиринта, название которого — "Вавилон" — раскрывает его "городскую" природу. В этом смысле весьма примечательно, что Петр как строитель соловецких городков и вавилонов имел своего предтечу в фольклорном

образе карельского богатыря, воина-"князя" на новгородской службе, который оборонял новгородские земли от "норвежских немцев". В историческом предании, записанном еще в XVI в., повествуется о том, что после победы над врагами "на побоище немецком, где Варенгский летний погост, на славу свою, принес с берегу своими руками положил камень, в вышину от земли есть и ныне более косые сажени, а около его подале выкладено камнем, кабы городской оклад в двенадцать стен; а назван был у него тот оклад Вавилоном.

А в Коле, где ныне острог, обложено было у него камнем в двенадцать стен тем же обычаем; а тот камень, что в Варенге и по сей час слывет Валитов камень <...> ... А меж Печенги и Пазреки, от Печенгской губы... есть губа морская, вышла в берег кругом, а середь ее остров камен высок, кругом сверху ровен: тут у него для крепости и покоя загорода место было"²⁰.

Кольское предание о Валите имеет ключевое значение не только для раскрытия мифологического образа Петра I как культурного героя-устроителя соловецкого архитектурно-природного ландшафта, но и для выявления религиозных истоков севернорусского культуртрегерского мифа о сооружении лабиринта. Лабиринт — это город ("городской оклад"), и в этом смысле он может рассматриваться в одном ряду с теми каменными "городками" и "городищами", которые закладываются культурными героями-"градостроителями": карельским князем-воином Валитом и российским царем Петром. В переводе с карельского имя "Валит" означает "избранный". "Избранничество" Валита, дополненное и усиленное его христианским именем "Василий" (царский), придает карельскому воину-богатырю царственный облик, сближающий его с Петром I и в то же время обнажающий в их градостроительных деяниях архаичную мифологию "Царя и Города" (древнерусского Царьграда). "Царьград" — это великий город, располагающийся в самом центре мироздания, а потому он наделяется наивысшим сакральным смыслом, получает ранг священного города. Лабиринты, которые со-

оружаются Валитом в Варенге и Коле, Петром — на Соловках, также обладают статусом священного центра, святилища. Но святость лабиринта-города имеет хтоническую окраску "города мертвых", где совершаются погребально-поминальные ритуалы. Лабиринт сооружается на месте погребения "нечистых", "заложных" покойников — иноземцев ("на немецком побоище") и выполняет мемориальные (поминальные) функции ("на славу" победителя). Генезис севернорусского мифа о лабиринте в его "валитовской" и "петровской" редакциях связан как с аборигенной мифологией, так и с образно-символической метафизикой Откровения Иоанна Богослова, составившего сердцевину поморского мирозерцания, особой "севернорусской идеи".

В религиозно-мифологическом универсуме саамов лабиринт являлся космографической картой "иного мира" и в этом смысле был изоморфен и изофункционален шаманскому бубну. Лабиринт выполнял функции священного ритуального центра, где совершались обряды, сюжет которых включал обязательное посещение героем ритуала хтонического мира мертвых. Лабиринт — это не только "карта" иного мира, но и "путеводитель", указывающий дорогу в мертвое царство, где странствующего героя ожидают испытания в форме загробного судебного поединка с хозяином нижнего мира. Путеводная хтоническая мифология лабиринта обусловила его центральное положение в пространственной организации ритуальной системы саамов, прежде всего так называемых "обрядов перехода" или "переходных обрядов", связанных с жизненным циклом индивидуума и социума (рождение, инициация-посвящение, свадьба, смерть). Но поскольку все обряды имеют переходную природу, то можно говорить о ритуальной полифункциональности лабиринта как священного центра, где совершались обряды всех циклов (календарного, технологического, жизненного и др.).

Помимо саамской ритуально-мифологической традиции, на складывание севернорусского мифа о лабиринте огромное воздействие оказали апокалиптические образы как Нового Иерусалима — святого Града "новой земли и нового неба", так и Вавилона — столицы старого,

"ветхого" мира. Это воздействие проявилось в наименовании лабиринтов "вавилонами" и в числовой символике их архитектурной планиграфии ("городовой" оклад в двенадцать стен), соположении исконной хтонической семантики лабиринта с образом умирающего Вавилона. Однако в "валитовской" редакции мифа о лабиринте произошла контаминация апокалиптических образов Вавилона и Нового Иерусалима; архитектурно-планировочный и иконографический ансамбль последнего был основан на двенадцатиричной символике (12 ворот, 12 ангелов, 12 колен Израилевых, 12 оснований городских стен, 12 драгоценных камней, измерения города — "двенадцать тысяч стадий", "сто сорок четыре локтя"), в то время как Вавилон — это город на семи горах (холмах), черты описания которого заимствованы из исторической действительности языческого "семихолмного" Рима, который в ранней христианской общине слыл под именем Вавилона.

Известная контаминация новоиерусалимской и вавилонской символики отмечена и в священной топографии Соловецкого архипелага, в которой наблюдается пространственное совмещение образов Нового Иерусалима и Вавилона. Если в других русских православных монастырях образ Вавилона имел абстрактный характер "града человеческого" ("мирского") вообще, то в сакральной топографии Соловков он был воплощен в конкретных архитектурных формах языческих святилищ. Функции Вавилона — великой блудницы, противопоставляемой Небесному Граду — Новому Иерусалиму, были присвоены лабиринту как центральному элементу языческих святилищ, которые соловецкие иноки именовали "вавилонами". Благодаря этому соловецкие острова представляли собой то сакральное пространство, лежащее на краю мира, где во времена свершений пророчеств Иоанна Богослова разворачиваются апокалиптические события падения Вавилона и утверждения вечного царства Нового Иерусалима. Таков, на наш взгляд, богословский смысл включения древних языческих святилищ ("вавилонов") в единый сакральный ансамбль Соловецкого архипелага — острова спасения.

Экклезионимия и агиотопонимия Соловков, связанная с именем Петра, находит свои соответствия и в сакральном ономастиконе русского флота времен петровских преобразований. Подобная корреляция основана не только на семантическом и лексическом изоморфизме "храма" и "корабля", но и на явно выраженном стремлении Петра к созданию нового унифицированного ономастического и символического словаря-лексикона Российской империи. Естественно, что подобные устремления не могли не затронуть сердцевину петровского замысла о России — ее морской судьбы и океанического предназначения. Петр по праву является культурным героем — демиургом и ономатетом поморского флота. Культуртрегерские функции Петра — установителя технологии кораблестроительного искусства — зафиксированы как народным преданием, так и его реальным участием в создании Северного флота. В лодейнопольском историческом предании актуализирован мифологический образ Петра как "Первого строителя" "Первого русского корабля", что имеет прямые аналогии в архаической мифологии "морских" народов мира, которые строили свои корабли в полном соответствии с сакральным прецедентом — "Первым кораблем", построенным на небесах по модели (чертежу, проекту, канону), созданной верховным божеством. Вообще, как уже давно отмечалось нами, феномен судомоделирования, порожденный древними мифологическими концепциями, занимал очень важное место в конструктивном каркасе морской культуры, в реальном технологическом цикле поморского судостроения, основание которого народная мифологизирующая память связывает с Петром, поскольку, исходя из логики "петровского мифа", он во всем был "Первым".

В одном из беломорских преданий, воспроизводящем архаическую мифологему "Первого корабля", Петр представлен в образе бога-демиурга, творца-судомодельщика, создающего сакральную модель корабля, по образу и подобию которой должны строиться все поморские суда: "Петра Первого работы были в Соловках —

два судна, хороших, красивых. <...> Модель хорошая Петра Первого была. Интересно было смотреть на эти модели, красивые были, с парусами со всеми. <...> С Петровской работы стали брать чертеж вскоре после того, как они были сделаны Петром"²¹. Вероятно, не случайна (хотя в мифе вообще нет ничего случайного) и географическая привязка предания к Соловецкому острову: священный прообраз-эталон может и должен создаваться и навечно сохраняться в самом сильном сакральном пространстве, совпадающем с космологическим центром мира.

Мифологема Петра как культурного героя, устанавливающего технологию корабельного искусства, созвучна с петровской семиотической революцией поморского флота. В соответствии с его указами 1714—1719 гг. поморам запрещалось строительство "староманерных" судов (лодья, кочи, карбасы, соймы, шняки) и впредь повелевалось строить корабли на "новый" иноземный манер (галиоты, гукоры, флейты, пинки и т.д.). Нарушение запрета каралось каторжной ссылкой, а суда, построенные по старому образцу, подлежали уничтожению. Петровские преобразования поморского флота необходимо рассматривать в одном парадигматическом ряду с реформой азбуки, бритьем бород, перемены платья, созданием регулярной армии и регулярных сословий и т. п.

Все они имели прежде всего не "технологическую" (утилитарную, функциональную), но семиотическую (знаковую, символическую) природу, поскольку в "русском изводе" петровских преобразований (совпадающем со "словесным" характером существа русской культуры) сотворение нового мира представлялось в форме переобозначения, переименования старого. "Словесное" всегда предшествовало "вещному", предопределяло его. В силу сугубой неконвенциональности "русской идеи", принципиальной архаичной нерасчлененности в ней денотата (сигнификата), знака (имени), концепта (десигната), другими словами, свернутости всех сторон "треугольника Фреге" в единую точку, любая русская революция всегда начиналась со словесного переустройства (деноминации, инверсии) старого мира. Когда,

например, большевики переименовывали "бывшую" синильную фабрику в "Красную синьку", то они, исходя из особенностей российского семиозиса, полагали, что в Советской России даже синька является или должна быть "красной". Подобным образом и Петр, принимая революцию поморского флота, связанную с внедрением новоманерных эталонов и образцов, имплицитно руководствовался мифологической логикой русского имяслова, в соответствии с которой перемена имени означает и полное изменение сущности предмета (вещи, денотата). Поэтому для него деноминация старой номенклатуры типов и классов поморских судов была синонимичной реальному строительству новоманерных кораблей. Семиотическая революция поморского флота дополнялась и закреплялась внедрением нового корабельного ономастикона, связанного с реализацией "петровского мифа". Во время первого приезда Петра в Архангельск в 1693 г. специально для его плавания по Белому морю была построена тезоименная ему яхта "Св. Петр". В это же время Петр собственноручно заложил первый отечественный морской транспортный корабль, который был спущен на воду 20 мая 1694 г., а 29 июня в день апостолов Петра и Павла новый корабль получил имя "Св. Павел". Петр, принимавший личное участие в праздновании крещения-имянаречения новорожденного корабля, сообщал в Москву, что день их "совместных" с кораблем именин "Марсовым ладаном довольно окурен, причем не забыт был и Бахус".

С "петропавловским" ономастиконам кораблей, построенных в петровскую эпоху на архангельских верфях, тесно связано имя апостола Андрея Первозванного. Родоначальником "андреевской" династии поморского флота явился корабль-флейт "Андрей Первозванный", заложенный на Вавчужской верфи братьев Бажениных. Подобное имянаречение первого "божественного" корабля было глубоко символичным, поскольку оно устанавливало прямые ономастические соответствия между родовым древом Бажениных и династией построенных ими кораблей. Имя основателя рода знаме-

нитых поморских корабелов Андрея Кирилловича Баженина воплотилось в имени их первого родового корабля. Однако личностный аспект ономастической связи судна, судовладельца и судостроителя как универсальное явление морской культуры не должен затемнять (замещать) те глубинные смысловые сдвиги, которые в петровские времена привели к актуализации образа апостола Андрея Первозванного — покровителя России. Апостол Андрей, родной брат Петра ("ловец человеков"), — евангельский рыбак, воплощающий в себе "водный" и "рыбный" символизм христианства, первым принес Слово божественного Откровения на Русь. Его апостольское путешествие по землям славян от берегов Русского (Черного) моря по днепровско-волховскому речному пути до берегов Варяжского (Балтийского) моря явилось одновременно и прообразом (предзнаменованием) исторического пути русского народа "от моря через сушу к морю", стало промыслительным пророчеством о морском предназначении России. В деяниях апостола Андрея на Руси проповедь христианства облекалась в исконно русские водно-морские символы, которые в петровские времена превратились в государственные геральдические эмблемы и знаки. Андреевский собор стал главным морским храмом новой столицы России, а Андреевский крест лег в основу иконографии ордена Андрея Первозванного и флага российского военно-морского флота.

В образе Андрея Первозванного Петр усматривал и другие конгениальные (родственные) ему смыслы, связанные с идеями пророчества — просветительства и инициальности ("первости"). Петр ощущал себя пророком новой России, ее "перво-призванным" учеником и учителем. Пророческий и учительный пафос петровской эпохи, ее осмысление самой себя как "начальной", "первой" получили отражение и в ономастике кораблей, построенных на архангельских верфях. В 1694 г. по заказу Петра на верфи голландского города Роттердама строится 44-пушечный фрегат, который по прибытии в Архангельск был наречен Петром весьма знаменательным для морской судьбы России именем — "Св. Пророчество". В 1696 г.

братья Баженины, остро чувствовавшие идеологические, религиозные, ономастические "запросы" Петра, строят три корабля-флейта: "Св. Пророк", "Андрей Первозванный", "Креститель Иоанн". В этой ономастической триаде сокрыты важнейшие идеологемы и мифологемы петровского времени, ориентированные на восприятие Петра как "первого монарха", пророчащего великую грядущую славу России, учащего русский народ и предвидящего ее крестные исторические пути.

"Пророческий" ряд ономастикона поморских кораблей дополняется образом пророка Илии, чье имя получают суда, построенные в Холмогорах (1703 г.) и Вавчуге (1712 г.) В имени пророка Илии сочетаются два разных, но взаимосвязанных семантических раздела списка поморских кораблей, воспроизводящих, с одной стороны, энергичный накал, творческое горение, напор и стремительность эпохи великих петровских преобразований (фрегаты "Св. Дух", "Курьер", построенные в 1702 г. на Холмогорской верфи), а с другой — ономастическое пространство "основного мифа", воплощенное в имяславии архангельского чина (корабли "Гавриил", "Рафаил", "Михаил", "Уриил", "Селафаил", "Варахаил", "Ягудиил", возведенные с 1713 по 1715 гг. в Соломбале). "Архангельский" и "архангелогородский" миф о космическом поединке Громовержца с его хтоническим противником на краю времени и пространства, о последней апокалиптической брани предводителя небесного воинства Архистратига Михаила с мировым змеем — драконом ("И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним") (Откр. 12.9) был чрезвычайно созвучен маргинальной природе Петра с его стремлением разрушить старую "срединную" Русь и построить новую Россию на пределе, на краю, на берегу открытой и усмирненной им древней хтонической стихии моря-океана.

Примечания

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции "Москва — третий Рим" в идеологии Петра Первого" // Художественный язык средневековья, М., 1982. С. 242—244.

² Криничная Н. А. Северные предания: Беломорско-Онежский регион. Л., 1978. С. 133.

³ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции... С. 242.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Петр Великий на Севере: К 200-летию юбилею Полтавской победы над шведами. Архангельск, 1909. С. 54.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Барсов Г. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края. М., 1872.

⁸ Скарбек И. Ю. За Тридевять Земель. М., 1988.

⁹ Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С. 106.

¹⁰ Там же. С. 137.

¹¹ Мелетий (архимандрит). История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 116.

¹² Лебедев Л. Богословие Русской Земли как образа Обетованной Земли Царства Небесного // Тысячелетие крещения Руси. М., 1989. С. 161.

¹³ Скопин В. В. На Соловецких островах. М., 1990. С. 137.

¹⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции... С. 243.

¹⁵ Там же. С. 240—241.

¹⁶ Досифей (архимандрит). Топографическое и историческое описание Соловецкого монастыря. М., 1834. С. 164.

¹⁷ Там же. С. 164.

¹⁸ Двукратные посещения государем Петром Великим Соловецкого монастыря. Архангельск, 1902. С. 37.

¹⁹ Досифей. Указ. соч. С. 19.

²⁰ Криничная Н. А. Северные предания... С. 149.

²¹ Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 221.

*НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТРОИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ
КРЕСТНОГО (ОНЕЖСКОГО) МОНАСТЫРЯ
В XVII—XIX вв.
(ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)*

КРЕСТНЫЙ монастырь основан на острове Кий в Белом море по грамоте царя Алексея Михайловича, данной 13 июня 1656 г. Инициатива строительства монастыря принадлежала патриарху Никону, иноческий путь которого начался на Севере. Он был пострижен в Троицком Анзерском скиту Соловецкого монастыря (1636—1639); затем был монахом, потом игуменом Богоявленского монастыря на Кожозере (1639—1646). На Кий острове Никон побывал трижды: в 1639 г., во время переезда из Анзерского скита к реке Онеге; в 1652 г., когда ездил в Соловецкий монастырь за мощами Филиппа — митрополита Московского (Колычева), и в 1660—1661 гг., в период строительства Крестного монастыря.

Крестный — один из трех монастырей, основанных по личной инициативе Никона. Кроме него, были Иверский монастырь на Валдае (основан в 1653-м) и Воскресенский Новоиерусалимский под Москвой (1656). Эти монастыри стали оплотом власти патриарха, последовательными проводниками его идей.

История формирования ансамбля Крестного монастыря неординарна и достаточно интересна. Необычные строительные материалы, стилистическое своеобразие архитектурных памятников — от объемно-пространственного построения до отдельных деталей — выделяют сооружения Крестного монастыря среди других архитектурных памятников Русского Севера. Вполне естественно, что этот ансамбль давно привлекал внимание исследователей.

Дореволюционная библиография почти исчерпывающе выявлена В. В. Зверинским¹. Первые сведения о постройках монастыря опубликованы И. К. Шушериным².

В XIX в. появляется обширная литература, посвященная русским монастырям. Она носит в основном описательный характер³. Открывает эту серию архимандрит Лаврентий, издавший в 1805 г. "Краткое известие о Крестном Онежском Архангельской епархии монастыре"⁴.

Не менее интересные описания монастыря созданы в конце XIX—начале XX в.⁵ Одно из них — в книге К. Случевского — наиболее полное, сопровождающееся рисунками⁶. Сочинение священника И. Л-ова, подробно излагающее историю Крестного монастыря, претерпело несколько переизданий. Основной акцент в нем делается на истории обители, а сооружения монастыря лишь перечисляются с указанием даты строительства⁷.

В дореволюционной периодике опубликованы очень важные подборки документов из архива Крестного монастыря. М. Г. Поповым изданы челобитные патриарху Никону с его собственноручными решениями⁸, И. Легатовым — "Грамоты патриарха Никона в Крестный монастырь"⁹. В них есть сведения о каменщиках, плотниках, иконниках Крестного монастыря, об отправке строителей из Крестного в Воскресенский монастырь и другие. Сведения о том, что каменщики Крестного монастыря работали в Иверском монастыре, донесли до нас "Акты Иверского монастыря"¹⁰. На этом в основном исчерпывается дореволюционная библиография об истории строительства Кийского Крестного монастыря. Можно было бы назвать еще ряд источников¹¹, но они лишь повторяют сведения перечисленных выше изданий, отнюдь не дополняя их.

Приоритет в исследовании архитектурных памятников Кий-острова в советский период принадлежит двум известным историкам архитектуры — М. А. Ильину и Г. В. Алферовой.

М. А. Ильин побывал на острове в 1945 г., в результате чего в "Истории русского искусства" под ре-

дакцией И. Э. Грабаря впервые появилось профессиональное искусствоведческое описание архитектурных памятников Крестного монастыря¹². Свои выводы М. А. Ильин изложил также в статье, полностью посвященной Крестному монастырю¹³. Он считает, что строительство основных каменных зданий на Кий-острове происходило в 1659—1660 гг., а до этого велись лишь подготовительные работы, так как Никон был занят на строительстве двух других своих монастырей. На основании сравнительного анализа архитектурных памятников Иверского и Крестного монастырей исследователь приходит к выводу, что их строителем был "каменных дел подмастерье" Аверкий Мокеев. Однако он тут же оговаривается, что мы ничего не знаем о жизни Аверкия Мокеева и подтвердить факт пребывания его на Кий-острове ничем нельзя. В письменных источниках, проанализированных автором статьи, имя Мокеева не встречается.

Около двадцати лет занималась изучением и реставрацией памятников Крестного монастыря Г. В. Алферова, которая активно выступала за сохранение ансамбля на Кий-острове, предпринимала практические шаги для его возрождения, руководя в 1968—1970 гг. ремонтно-реставрационными работами. Г. В. Алферова неоднократно выступала в местной периодической печати, желая привлечь внимание общественности к судьбе памятников¹⁴. Основные же научные выводы сделаны ею в двух статьях, опубликованных в "Архитектурном наследстве"¹⁵. Автор рассматривает вопросы организации монастырского строительства и роль в нем патриарха Никона, считая при этом, что "решить, кто был зодчим, при отсутствии прямых указаний можно... только путем рассмотрения процесса строительства каждого монастыря в хронологическом порядке, опираясь на архивные документы". Сравнивая памятники Воскресенского, Иверского и Крестного монастырей, она приходит к выводу о том, что "видимо, Никон был зодчим всех трех монастырей, а каменных дел подмастерья Аверкий Мокеев, Василий Наумов и Иван Семенов выполняли определенную, строго ограниченную часть работ..."¹⁶.

В связи с большим интересом к архитектурным памятникам Русского Севера в 1960—1970-е гг. был издан ряд популярных материалов, касающихся памятников Кий-острова¹⁷.

Необычайно важное значение для изучения архитектурных памятников имеют письменные источники. Основной фонд архивных материалов Крестного монастыря хранится в Российском государственном архиве древних актов, а также и в других архивах страны — Архангельской и Новгородской областей, Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории Российской Академии наук, Российском государственном историческом архиве.

Довольно разнообразен и изобразительный материал, отражающий историю формирования архитектурного ансамбля Крестного монастыря: карты, схемы, чертежи, фотографии, гравюры. Первые панорамные виды Кий-острова, рисованные с натуры в конце XVIII в., включены в "Атлас Архангельской губернии 1797 г."¹⁸. В XIX в. в Архангельске, в Троице-Сергиевой лавре печатали цветные литографии с видами Крестного монастыря¹⁹, издавались открытки²⁰. В фотоархивах Музея архитектуры им. А. В. Щусева и Института истории материальной культуры хранятся уникальные фотографии конца XIX—начала XX в. с видами обители, предметами церковной утвари²¹.

Обмеры, планы, чертежи архитектурных памятников Крестного монастыря, выполненные в 1940-е и в 1960—70-е гг., хранятся в фонде Музея архитектуры²², а также в Производственной группе по охране памятников Комитета по культуре и искусству при администрации Архангельской области, в архиве Архангельской СНРПМ.

Несмотря на наличие большого материала, история формирования и развития ансамбля Крестного монастыря пока недостаточно освещена в литературе. Имеются многочисленные письменные и изобразительные источники, которые в ходе дальнейшего натурного исследования памятников и реставрационных работ помогут воссоздать более полную картину становления этого уникального ансамбля.

Собранные и систематизированные в данной статье письменные источники позволяют существенно дополнить строительную историю Крестного монастыря. При этом автор останавливается на ряде спорных проблем, поднятых в предшествующих исследованиях.

Строительством первых сооружений на Кий-острове руководили старцы Никон и Исая, а также стольник Василий Парамонович Поскочин, направленные патриархом Никоном. Крестный монастырь возводился в несколько этапов:

I период. **Начало строительства Крестного монастыря (1656—1661).** Возводятся первые деревянные сооружения: Воздвиженская церковь с трапезной и келарской (1657—1658), с 1661 г. переименованная в церковь Собора Архистратига Михаила; монастырская ограда со Святыми воротами и надвратной Иверской церковью (1658—1659); церковь Всех Святых (1661); жилые и хозяйственные постройки. Строятся первые каменные храмы: Воздвиженская церковь (1657—1661), церковь Происхождения Честного и Животворящего Креста Господня (1661).

II период. **Формирование ансамбля Крестного монастыря (с 1661 до конца XVII в.).**

Продолжается каменное строительство: возводятся церковь Рождества Богородицы с трапезной и келарской палатами в одной связи с колокольной и усыпальницей (1689); каменные погребя и квасоварня (1693).

III период. **Дальнейшее развитие ансамбля Крестного монастыря в XVIII—XIX вв.**

Каменное строительство почти не ведется. Исключение составляют лишь каменные кельи, возведенные в 1753 г. на каменных погребях XVII в. Каменные постройки монастыря часто ремонтируются и поновляются, особенно после пожаров. Крупные пожары в монастыре зафиксированы письменными источниками в 1715, 1741, 1855 гг. Большой ущерб нанесен памятникам пожаром 1975 г.

Из многочисленных некогда деревянных и каменных построек Крестного монастыря сохранились лишь Крес-

товоздвиженский собор (1657—1661), церковь Происхождения Честного и Животворящего Креста Господня (1661) с примыкающими к ней каменными кельями (1753) на погребках (1693), церковь Рождества Богородицы с трапезной и келарской палатами и примыкающими к ним колокольней и усыпальницей (1689), деревянная церковь Всех Святых (1661), фрагмент деревянной монастырской ограды с башней (1871), деревянный Настоятельский корпус (1871) и деревянный Братский корпус (1903).

Производство строительных работ в Крестном монастыре в XVII в. находилось на высоком уровне. Сведений о зодчих, к сожалению, найти не удалось, тем не менее следует согласиться с мнением Г. В. Алферовой, что патриарх Никон не только выбрал место для строительства монастыря, но и сам был автором многих архитектурных замыслов.

В 1656 г. из Сырьяна монастыря (на реке Онеге) был отпущен старец Пахомий, чтобы "учинить чертеж" Кий-острову²³. Однако чертежи зданий монастыря дошли до нас только со второй половины XIX в. Первые из них были составлены после пожара монастыря 1855 г. На следующий год для осмотра обгоревших зданий по распоряжению Архангельской губернской строительной комиссии был командирован архитектор Иванов, который составил акт "о состоянии этих зданий и проект на возобновление оных"²⁴.

В возведении монастыря участвовали мастера различных специальностей: плотники, каменщики, кирпичники, кузнецы, иконописцы, резчики. Работы по строительству рядовых построек из дерева (бань, амбаров, пр.) обычно выполнялись за один сезон. На севере плотницкое дело считали "за обычай", поэтому даже первая деревянная Воздвиженская церковь была построена на Кий-острове за полгода небольшим числом плотников, приглашенных из Каргополя — Гришкой Георгиевым, Васькой Прокопьевым, Трушкой Яковлевым сотоварищи²⁵. Плотницкие работы велись в монастыре круглогодично, а каменные — только в летнюю половину года. Некоторые каменные сооружения строили

не один год. Так, на каменную Воздвиженскую церковь ушло три года — с 1658 по 1661 гг., хотя подготовительные работы начались еще в 1657 г.

Возведение крупных каменных сооружений во второй половине XVII в. требовало большого числа исполнителей. Большинство их набирали из жителей вотчин Крестного монастыря. Вотчинные земли простирались в Поморье по Онежскому берегу, а также вдоль реки Онеги, от низовьев до среднего течения. Крестьяне онежских волостей были основной рабочей силой на всех этапах строительства монастыря. Однако в 1657—1659 гг. письменные источники зафиксировали имена "пришлых" каменщиков и кирпичников — из Кириллова, Каргополя, Белозерска и даже из Иверского монастыря²⁶. Неудивительно, что к каменным работам привлекаются мастера из крупных художественных центров. Опыт каменного строительства в Поморье к этому времени был еще невелик. Ближайшим к Кий-острову местом, где каменное строительство велось с середины XVI в., был Соловецкий монастырь. Там был даже свой кирпичный завод. Но в середине XVII в. Соловецкий монастырь был накануне восстания, вызванного реформой русской церкви, и находился в оппозиции Никону. Это не позволило установить тесные связи между двумя монастырями Белого моря, близкими по географическому положению. Известно, однако, что много позже, в середине XIX в., Крестный монастырь обращался к Соловецкому с просьбой о закупке 15 000 кирпичей²⁷.

В XVII в. в устье реки Онеги на "Белом дворе", принадлежавшем Крестному монастырю, были выстроены печи для обжига кирпича. В 1658 г. у этих печей работали кирпичники Кириллова и Ферапонтова монастырей, из Каргополя, но самой значительной была бригада из 43-х кирпичников "вотчин монастыря Ставра... разных волостей" во главе с Мишкой Григорьевым. Ими было сделано для монастыря в том же году 262 тысячи кирпичей²⁸, которые с "устья Онежского... барками возили" на Кий-остров.

Кирпичи были прямоугольными в сечении, отлича-

лись относительно большими размерами. Для декоративных элементов кладки кирпич тесали. К примеру, таким образом изготовились валики полукруглого профиля на барабанах собора.

Доставка строительных материалов на Кий-остров была в XVII в. одной из трудных организационных проблем. Сложность перевозки, экономические соображения диктовали необходимость местных материалов, среди которых были камень, дерево, глина. Из каменных пород в дело шли темно-серый гранит и известняк. Выходы гранита образуют поверхность Кий-острова, высота же отдельных скал достигает 25 м над уровнем моря. Известняковые каменоломни находились далеко, в среднем течении реки Онеги, в районе Бирючевских порогов. Известна грамота патриарха Никона с указанием "камень... тесать в Крестном монастыре"²⁹. В 1657—1658 гг. известняк добывали в основном для строительства Воздвиженского каменного храма. В 1659 г. его запасы составляли: "белого камня 8830 камней да прежнего привозу, что в 1658 году, 700 камней и обоего в Крестном монастыре камня белого 9530 камней"³⁰. Там же, в районе Бирючевских порогов, жгли известь для монастыря. Строитель старец Исаия в 1657 г., даже не доезжая до Кий-острова, по пути из Москвы нанимает крестьян Усть-Мошского стана Михаила Леонтьева и Стеньку Григорьева с двадцатью товарищами "камени ломать и извести жечь в Бирючевских порогах две печи"³¹. Несколько позже к ним прибыли "извести жечь каменщик Сенка Васильев сын Кириловец" и другие³².

Как основной строительный материал известняк использован только при строительстве Крестовоздвиженского храма: из него сложена нижняя часть стен — до середины их высоты. В верхней части стен известняк применен лишь выборочно, для декоративного оформления фасадов (известняковые пояски на главах собора). Известняк — материал, легко поддающийся обработке. На Кий-острове его использовали преимущественно в архитектурных деталях: дверных и оконных перемычках, подоконниках, в фигурном оформлении

порталов, дверных проемов. Иногда известняковым блокам придавался несложный профиль.

Гранит, напротив, сложен в обработке. Его тесали до относительно ровной поверхности, но не шлифовали. Затем камни подгоняли к определенному участку кладки так, чтобы они вписались в нее по форме и размерам. При этом камни крупные и малые перемежались достаточно хаотично.

Глину для строительных целей брали в устье реки Онеги, на "Белом Дворе". Для кладки и обмазки печей в XVII—XVIII вв. использовали "глину коломенскую"³³.

В XVII в. в Крестном монастыре были изразцовые печи. Сохранилась челобитная патриарху Никону от печного мастеришки Степанко Мартынова, который пишет: "Труждался я, сиротка, в твоём государевом строении в Крестном монастыре восемнадцать недель и делал я, сиротка, в твоём государевом строении в Крестном монастыре семнадцать сот пятьдесят образцов мурамленных и белых тысяча полтораста образцов, да три печи клал, да твоих же государевых крестьян из Крестного монастыря трех выучил образцов делать и печей класть"³⁴. Возможно, что мастерами, которых обучил Мартынов, были вонгудские крестьяне Пронька Годовиков и Ларка Дудников, которые в 1672 г. "делали и обжигали образцов в монастырь на три печи"³⁵. Надо отметить, что деревня Вонгуда, находящаяся в нижнем течении р. Онеги, была издревле известна как центр гончарного производства. Изделия из грубой керамики вонгудских мастеров были широко распространены у населения реки Онеги и в Поморье. Они закупались и Крестным монастырем.

Строительный лес хвойных пород (сосна, ель) привозили на остров с материка. По р. Онеге и в Поморье находились тогда крупные лесные массивы. Древесина завозилась преимущественно в готовых к строительству формах. Так, например, в XVII в. на остров поставляли слези еловые, брус, тес, курицы, бревна сосновые. В XVIII в. крестьяне разных волостей по подряду поставляли в монастырь сосновый тес, не менее трех сажень длиной, а также сосновые бревна той же длины. Во

второй половине XVIII в., после секуляризации монастырских земель, монастырь лишился своих лесных угодий на материке. Поэтому в XIX в. он "крайне нуждается в строевом лесе для построек монастырских, а тем более в дровах. Правда, монастырь имеет небольшую лесную дачу, находящуюся на материке в 25 верстах от монастыря, но лесного материала для построек крайне недостаточно, а дров вовсе нет"³⁶. В XIX в. г. Онега становится крупным лесопромышленным центром, и монастырь приобретает лес через Онежскую лесную контору.

Из подсобных строительных материалов широко использовались металл, слюда, стекло, в деревянном строительстве — мох для прокладок.

Известно, что последняя кузница построена на острове в 1870 г. (не сохранилась). Кузнецы работали в монастыре по найму, по мере надобности. К примеру, в 1657 г. каргопольский кузнец Ондрюшка Васильев "работал в монастыре... всякое кузнешное дело все лето", а в 1658 г. вонгудский кузнец Сергушка Федоров ковал "тридцать недель на монастырское строение у каменной церкви связи и гвоздье и всякое кузнешное дело"³⁷. В XVII в. изделия кузнечного ремесла приобретали для монастыря также в Каргополе и в монастырских вотчинах. Это были гвозди, оконная и дверная арматура: "крюки окошечные луженые с петлями", "кольца окошечные луженые с жуками", "скобы дверные луженые брусчатые с жуками"; гвозди "однотесные", "двутесные", "оконичные"³⁸. Среди поставщиков металла в XVII в. — каргополец Стефан Никитин, у которого куплено "на заслоны железа полишного", кузнец Никифорко Козьмин Порожской волости, продававший гвозди; кузнец Матюшка Евтихеев Устьянской волости, ковавший "три заслона печных" и другие³⁹.

Для заполнения оконных проемов в XVII—XVIII вв. использовали слюдяные оконницы, шитые оловом. Слюду покупали в Каргополе. На рубеже XVIII—XIX вв. древние слюдяные оконницы постепенно заменяются на оконные переплеты со стеклянным заполнением. В XIX в. слюдяные оконницы встречаются лишь как исключение.

В 1783 г. монастырь приобретает стекло у "онежского купца Николая Дьякова для зделания новых и для починки старых оконниц"⁴⁰. Покупали стекла и в Архангельске. В документах упоминаются не только "белые" стекла, но и зеленого цвета. Последние были приобретены в 1784 г. "в монастырские церковные окна и для починки в настоятельских и прочих кельях окончин"⁴¹.

О строительных инструментах удалось найти сравнительно мало сведений. Так, для добычи камня использовали кирку и лом. В 1660 г. монастырь заказал кирки и ломы кузнецу Трошке Устьмошанину, и он ковал их "на Биричеве"⁴².

Строительная практика Крестного монастыря формировалась во взаимодействии со строительной культурой сопредельных северных территорий (Каргополья, Белозерья), на основе богатейшего опыта плотницкого и столярного ремесла на Севере, в первую очередь — в монастырских вотчинах.

ДЕРЕВЯННЫЕ СООРУЖЕНИЯ КРЕСТНОГО МОНАСТЫРЯ

М. А. Ильин полагал, что первый храм монастыря был деревянным. Г. В. Алферова это исключала. Письменные же источники говорят в пользу первого мнения. Основание любого монастыря не обходилось без строительства традиционного комплекса церкви с примыкающей к ней трапезной, и Крестный не был исключением. Уже в марте 1657 г. опись монастыря упоминает "Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, а в ней крест"⁴³. Приходно-расходные книги подтверждают, что к лету 1657 г. деревянная церковь с трапезной была построена: "Июля в 26 день каргопольским плотникам Гришке Георгиеву, Ваське Прокопьеву, Трушке Яковлеву с товарищи дано в додаче тридцать рублей денег за работу, что оне делали церковь и трапезу по записи..., дано за потешенье и на дорогу пять рублей денег"⁴⁴.

Какова же судьба первого деревянного Воздвижен-

ского храма? После завершения строительства одноименной каменной церкви в 1661 г. деревянную переосвятили в церковь СОБОРА СВЯТОГО АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА. Как сообщают письменные источники, обе церкви — каменная и деревянная — были освящены в один день: 1661 г. "сентября в 4 день в новую каменную церковь... Воздвижения... к освящению церкви на престол и на жертвенник выдано пятьдесят восем аршин полотен... тонких, да к местным образом на пелены изошло полдевята киндяка разными цветами.

И того ж числа на освящение церкви Воздвижения Честного Креста и Михаила Архангела про церковный обиход выдано 38 гривенок больших и малых"⁴³. Переписные книги монастыря второй половины XVII в. упоминают церковь Михаила Архангела с келарской и трапезной, а в 1689 г. была построена новая теплая каменная церковь Рождества Богородицы с келарской и трапезной, которая пришла на смену предыдущему деревянному трапезному комплексу. Это подтверждает переписная книга 1693 г.: "Церковь Собор Архистратига Михаила с трапезою ветхая.., а чего налицо против прежних переписных книг... не объявилось, перенесено в каменную церковь и в трапезу Рождества Богородицы"⁴⁶. В 1694 г. "церковь Собора Архистратига Михаила деревянная с трапезою и келарскою обветшала и стоит ветха"⁴⁷. Последнее упоминание о церкви датировано 1699 г.⁴⁸ В 1708 г. освящен придел Архистратига Михаила, устроенный вновь на хорах Крестовоздвиженского собора. Скорее всего к этому времени первой деревянной церкви на Кий-острове уже не существовало⁴⁹.

Вторая деревянная церковь в Крестном монастыре — ИВЕРСКАЯ — построена в 1659 г. над Святыми вратами монастырской ограды.

Третья деревянная церковь — ВСЕХ СВЯТЫХ — освящена патриархом Никоном 8 сентября 1661 г. По сравнению с другими деревянными храмами Крестного монастыря у этой церкви самый длительный период существования: она стоит и сегодня.

Церковь Всех Святых претерпела многочисленные

перестройки и поновления. Причем последний ремонт в начале XX в. контролировался Императорской Археологической комиссией, которая заботилась о сохранении древнего вида памятника.

Церковь Всех Святых была выстроена на монастырском кладбище "для погребения мертвых". Это небольшой прямоугольный храм в плане, одноглавый клетский, с таким же алтарем. Глава была покрыта лемехом, а кровля тесом⁵⁰. Сейчас церковь под поздней обшивкой, неузнаваемо перестроена под жилье. Вблизи еще заметны кладбищенские холмы, надгробные каменные плиты. В начале XX в. кладбище было окружено деревянной оградой.

После 1661 г. на Кий-острове деревянных церквей больше не возводили, только часовни.

Одновременно с культовыми постройками шло и гражданское строительство. Наибольший интерес, несомненно, представляет ДЕРЕВЯННАЯ МОНАСТЫРСКАЯ ОГРАДА. Первая ограда была построена плотниками вотчин Крестного монастыря в 1658 г.⁵¹ Документы иногда называют ее "город рубленый", но никогда не именуют "крепостью". Однако элементы крепостного сооружения присутствовали: "Да в том городе в стенах и по углам семь башен рубленые, а внутри по стене городской от башни до башни переходы, в стенах и в башнях бойницы, а тот город и башни покрыты тесом с зубцами, да в тех башнях и под башнями оружие восемь пушек железных в станках"⁵². Рубленые башни были крыты шатрами. Одна из башен — проходная⁵³.

В 1782—1784 гг. монастырская ограда была значительно перестроена. Сначала полностью разобрали восточную стену и на ее месте возвели новую, из соснового леса. При этом были использованы бревна в три печатные сажени⁵⁴. Строили этот участок ограды мещанин г. Онеги Иван Федоров Вдовицын и крестьянин с. Покровского Иван Александров Макаров⁵⁵.

В первой половине XIX в. ограда имела четырехугольный план длиной 276 сажень. По углам возвыша-

лись четыре башни, и одна была в центре восточной стены⁵⁶.

Во время пожара монастыря 1855 г. деревянная ограда сгорела. Но в 1871 г. она полностью восстановлена на старом фундаменте и в старых формах: "Ограда деревянная крашенная.., в ограде трои ворота створные и три калитки.., на башнях утверждены шпили с флюгерами..; длина всей ограды с башнями 250 сажен"⁵⁷. До нашего времени сохранился лишь небольшой участок этой восстановленной в 1871 г. ограды с четырехгранной башней — к юго-западу от комплекса каменных сооружений.

Деревянные ограды, столь широко распространенные в древности, теперь крайне редкое явление на Севере. Нам известны лишь кладбищенская ограда XIX в. на Почозере в Плесецком районе Архангельской области да три ограды на погостах: Ильинском на Водлозере в Пудожском районе Карелии, Георгиевском в д. Поржинская Плесецкого района и Рождественском в д. Гимрека Ленинградской области. Среди монастырских ансамблей, имевших в древности деревянные ограды, аналогов Крестному монастырю не сохранилось.

До середины XVIII в. все кельи в монастыре были деревянными. Они подразделялись в зависимости от назначения: "келья соборная", куда "архимандрит с соборной братиею приходят на собор для монастырских дел"; келья шваленная, где "портные и чоботные швали живут"; келья для псаломщиков и другие.

Из поздних деревянных построек стоит отметить лишь два памятника жилой архитектуры. Первый из них — **НАСТОЯТЕЛЬСКИЙ КОРПУС** 1871 г. Это двухэтажное здание с мезонином, прямоугольное в плане, на валунном фундаменте. Второй — **БРАТСКИЙ КОРПУС** 1903 г.⁵⁸, возведенный на месте прежнего деревянного Братского корпуса с частичным использованием старого материала. Двухэтажное, прямоугольное в плане здание с коридорной системой размещения помещений построено из сосновых бревен с прокладками из мха, проконопачено паклей. Стены под обшивкой, выкрашены. Кровля и водосточные трубы металлические.

Многочисленные амбары, бани, скотные дворы, сараи строились в монастыре также из дерева. По мере старения они заменялись новыми аналогичными сооружениями. Хозяйственные постройки, связанные с монастырским рыбным промыслом, животноводством, заготовками леса, строились из дерева и обновлялись на протяжении всей истории монастыря.

КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КРЕСТНОМ МОНАСТЫРЕ

Начало каменного строительства в монастыре относится ко времени правления в нем старца Исаяи, который был направлен сюда Никоном из Москвы в январе 1657 г. Уже в марте 1657 г. он был на Кий-острове. По дороге к Белому морю Исаяя делал многочисленные остановки — в Вологде, Каргополе и других местах для закупки строительных материалов. В Кириллове и Белозерске он размещает заказы на изготовление кирпича, в Бирючеве — на добычу камня.

К строительству каменной ВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ приступили в 1658 г. Приходно-расходная книга за сентябрь 1658 г. упоминает "монастырское строение у каменной церкви"⁵⁹. В 1659 г. "в церковь изошло 7034 камня да извести, да кирпичу, что на устье Онежском, всего 400 тысяч кирпичей..; извести 400 бочек бричевской"⁶⁰.

1660—1661 гг.— решающий период каменного строительства в Крестном монастыре. Он связан с пребыванием на острове самого патриарха. Н. К. Шушерин пишет о нем: "И тамо поживе мало не годишное время и сотвориша вновь соборную церковь велику каменную во имя Воздвижения"⁶¹. Г. В. Алферова считает, что каменный храм был построен уже в 1657 г., а в 1660 году, по распоряжению Никона, лишь частично разобран и перестроен. Этим она объясняет и своеобразное членение стен на две части: нижнюю — белокаменную и верхнюю — с преимущественным использованием гранита.

Как уже сказано выше, письменные источники сообщают, что первый Воздвиженский храм 1657 г. был

деревянным. Каменная же Воздвиженская церковь освящена 4 сентября 1661 г. и вскоре после освящения храма, 16 сентября, Никон навсегда покидает Кий-остров.

Чем же все-таки объяснить двухчастное членение стен собора? Прямых указаний в документах на этот счет не найдено. Выскажем предположение. Монастырские каменоломни находились на материке, далеко от острова, в то же время он по существу весь состоит из гранита. К 1660 году, т. е. к приезду Никона, какая-то часть Воздвиженского храма была уже построена из известняковых блоков. Возможно, Никон счел доставку белого камня издалека нерациональной, тем более что он был хорошо знаком со строительной практикой Соловецкого монастыря, где гранит с успехом использовался в строительстве еще с XVI в. Во время пребывания Никона на Кий-острове именно этот материал стал основным в каменном строительстве. К примеру, надкладезная церковь сложена преимущественно из гранита, да и в более поздних каменных сооружениях также использовался местный камень. Что же касается известняка, то в качестве основного строительного материала ни в одном из каменных сооружений, кроме Воздвиженского храма, он более не использован.

Остановимся на спорном вопросе о первоначальном завершении Крестовоздвиженского собора. Г. В. Алферова и М. А. Ильин храм реконструировали с трехглавым асимметричным завершением. Г. В. Алферова объясняла нетрадиционное асимметричное трехглавие волеизъявлением Никона, а также невозможностью разместить каменные барабаны с западной стороны собора из-за внутрстенных лестниц и хор, находящихся в этой части храма. Однако создание трехглавого храма во второй половине XVII в. противоречило бы установке Никона на традиционное пятиглавие. В настоящее время под кровлей собора, помимо центрального кирпичного барабана, видны остатки только двух кирпичных барабанов с восточной стороны. На известных нам изобразительных материалах собор представлен трехгла-

вым, за исключением чертежей на его ремонт, составленных после пожара 1855 г.⁶² Согласно им, "вместо обгоревших деревянных двух глав с западной стороны, таковые же главы предполагается устроить вновь из стоек обрешетки и с обивкою листовым железом, наружным видом согласно существующим двум каменным главам с восточной стороны"⁶³. Также пять глав упомянуты и в описях монастыря за 1823 и 1839 гг.: "Пять глав, у большой из них и у двух меньших с восточной стороны шеи каменные, а у других последних с западной стороны деревянные, отбелены"⁶⁴.

Следовательно, и до пожара монастыря середины XIX в. собор был пятиглавым. При этом найдена возможность имитировать каменные барабаны в деревянных формах. Естественно, что во время пожаров именно эти два деревянных барабана с главами погибали в первую очередь. Известно, например, что две западные главы погибли при пожаре 1741 г., а затем долгое время не восстанавливались. Об этом сообщает опись 1743 г.: "В монастыре церковь соборная Воздвижения Честного Креста Господня каменная, на ней пять глав крыты чешуею, кресты деревянные, на церкви Воздвижения Креста Господня после пожару кровля в один тес тонкий крыта начата, а не совершена, глав не строено"⁶⁵.

К сожалению, наиболее ранние описи монастыря, относящиеся к XVII в., не содержат сведений о количестве глав собора. Впервые об этом сообщает лишь опись 1736 г.: "В монастыре церковь соборная Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня каменная, на ней пять глав крыты чешуей, кресты деревянные"⁶⁶.

Из документов XVIII в. следует, что главы на соборе были покрыты лемехом — "чешуею". В 1823 г. "куполы на всех деревянные дощаные, крашены червленью, а шейки под ними обиты чешуей"⁶⁷. После пожара 1855 г. главы были обиты листовым железом.

Кровля собора первоначально была устроена "в два тесу". В описи 1839 г. отмечено, что "на середине крыши фронтон в виде треугольника"⁶⁸. Можно думать, что

он был устроен на кровле собора перед входом в центральный барабан — для прохода на верхние хоры, находившиеся на внутреннем выступе барабана. Сейчас вход на хоры находится под кровлей собора. Однако первоначально кровля была устроена ниже современной и не скрывала дверной проем, ведущий на хоры. Это и привело к необходимости сооружения перед входом своеобразного выступа с фронтоном.

Первоначально в соборе, включая и алтарь, было "двадцать окончин больших и малых... шиты белым железом"⁶⁹. К 1699 г. на окнах и дверях собора появляются железные затворы, при этом у соборных дверей и больших окон затворы были "двухстворчатыми".

В XVII—XVIII вв. барабан собора был световым, а после пожара 1855 г. "фонари на всех церквах глухие"⁷⁰. Не случайно в описи 1839 г. окна в центральном барабане не упомянуты⁷¹.

Входы в собор расположены с трех сторон: северной, южной и западной. Архивольты перспективных порталов сложены из тесаного известняка. Порталы имеют характерное килевидное завершение. Аналогичный по форме портал — в церкви Рождества Богородицы Феррапонтова монастыря (1492 г.).

Помимо внутренних железных дверей, в XIX в. в соборе были и наружные, деревянные⁷². С западной стороны — каменное крыльцо, над которым "на четырех столбах устроен купол с главой и крестом"⁷³. После пожара 1855 г. к трем внешним дверям пристроены деревянные крыльца⁷⁴.

В интерьере собора отдельно стоящие опоры сложены из смешанного материала: западные — с использованием кирпича и гранита, восточные столбы — из белого камня. Существует мнение, что храм двухстолпный⁷⁵, при этом предполагается наличие только двух восточных столбов. Однако с западной стороны есть такая же пара столбов, между которыми на каменных арках утверждены западные хоры. Сейчас эти столбы плохо читаются в интерьере храма из-за поздних перестроек. Есть основание предполагать, что две стены, закрывающие арочные проемы хор и выходящие к центру

зала а также две внутренние стенки — перегородки на западных хорах — не первоначальные. Видимо, они появились не ранее XVIII в., когда на хорах были устроены приделы: придел Архистратига Михаила, освященный в юго-западной части хор 25 июля 1708 г., и придел Филиппа Митрополита Московского в северо-западной части хор, освященный 27 августа 1710 г.⁷⁶ После пожара монастыря 1855 г. на хорах оставлен только один придел Архистратига Михаила, а в северо-западном углу устроена "палатка для хранения драгоценностей и суммы монастыря"⁷⁷. Весьма вероятно, что хоры собора первоначально не имели внутренних перегородок и были открыты тремя пролетами к центру храма.

В Воздвиженском соборе не одни хоры, а двое. Вторые, как уже отмечалось, находятся вверху, на внутреннем выступе центрального барабана, и отгорожены деревянными перилами.

В разных частях собора в стенах были устроены ниши. В двух восточных столбах собора размещены две кладовые палатки, закрываемые железными дверьми⁷⁸. На северной стене алтаря, в углублении, шкафчик для хранения церковной утвари, закрываемый стеклянными дверцами. В западной части собора, в арке северной стены,— шкафчик "для умывальницы", закрываемый двумя створными деревянными дверцами⁷⁹.

Существующие деревянные полы собора не первоначальные. Описание монастыря 1785 г. свидетельствует, что "пол был каменной, чугунной, ныне деревянной"⁸⁰.

Второй каменный храм Крестного монастыря — **ЦЕРКОВЬ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕСТНОГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ**, или иначе "церковь над кладезем". Литературные и письменные источники расходятся в датах освящения этого храма. Обратимся к источникам, современным строительству. Приходно-расходная книга Крестного монастыря за 1661 г. сообщает: "Сентября в 16 день в церковь Происхождения Честного и Животворящего Креста Гос-

подня, что над кладезем, на престол и на жертвенник выдано двадцать аршин полотна тонкого.., да на освященье процерковный обиход 23 гривенки"⁸¹. Таким образом, 1661 г. можно считать годом построения храма.

Стены церкви сложены из гранита и кирпича, свод — кирпичный. Алтарь отделен поперечной стенкой с тремя арками на двух столбах. На этой стенке размещался тябловый иконостас. Прямую аналогию такому членению храма находим в Успенской церкви Соловецкого монастыря (1552—1557 гг.).

Храм над кладезем несколько раз ремонтировался. В 1823 г. "алтарная стена с востока отошла от свода на три верха... сделан снаружи контрафорс и покрыт тесом, щель заделана"⁸². Во второй половине XIX в. церковь отделили от паперти поперечной стеной "для отдела ее от черного помещения при колодезе и поддержки арки свода"⁸³. В числе изменений, внесенных в здание после пожара 1855 г., следует назвать и устройство белокаменных плит. Одна установлена над колодцем, на ней изображен Крест с орудиями страстей на Голгофе. Другая — с внешней стороны апсиды, с текстом об основании и освящении монастыря. Обе плиты имеют форму четырехконечного креста с расширенными концами. Плита с текстом широко известна, воспроизводилась в литературе. М. А. Ильиным и Г. В. Алферовой она определена как "закладной крест", современный строительству храма. Письменные источники утверждают, что обе белокаменные плиты установлены во время ремонта храма в 1870—1871 гг."⁸⁴

Церковь над кладезем одноглавая, с каменным барабаном. По описи 1736 г. "каменная глава крыта чешуею"⁸⁵. Деревянное перекрытие не раз гибло во время пожаров, и во второй половине XVIII в. церковь перекрыли "белым железом"⁸⁶. В начале XIX в. кровля вновь стала "деревянная, крыта на два ряда тесом на три ската"⁸⁷. Во второй половине XIX в. ее вновь покрыли на три ската железом.

Сейчас оконные пролеты в церкви заложены, хотя некоторые хорошо читаются. Монастырская переписная

книга 1666 г. указывает, что в церкви, включая алтарь, "пять окончин слюдяных больших и малых"⁸⁸.

В надкладезной церкви вплоть до начала XIX в. были каменные полы. Существующие деревянные появились позже, возможно, даже после закрытия монастыря.

С западной стороны к церкви примыкает каменный **КЕЛЕЙНЫЙ КОРПУС НА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОГРЕБАХ**. Датировка постройки спорная. По литературным источникам — 1693 г. Однако переписная книга монастыря за 1694 г. сообщает, что "вновь построены каменные погреба о трех жирах..., да квасоварня каменная"⁸⁹. О каменных кельях речи не идет. Описи конца XVII — начала XVIII в. также не упоминают каменных келий в Крестном монастыре, зато опись 1839 г. сообщает, что кельи каменные построены только в 1753 г.⁹⁰ Это пока единственное известное нам упоминание о дате строительства каменных келий. Оно, несомненно, требует дополнительного подтверждения.

Каменные кельи построены над каменными погребями, существовавшими с 1693 г. Опись 1772 г. сообщает: "Настоятельские кельи каменные в одних сводах на погребях в пяти покоях с сеньми и чуланы..., покрыты тесом на четыре ската... В оных кельях и в сенях четырнадцать окончин слюдяных больших ветхих"⁹¹.

Каменные кельи на погребях первоначально стояли к западу от надкладезной церкви, но отдельно от нее. В 1774 г. "близ Происхождения Честного Креста Господня церкви три кельи и поварня настоятельские, под оными кельями погреба и квасоварня"⁹². В 1785 г. настоятельские покои упоминаются уже "при сей церкви"⁹³. Видимо, в этот промежуток времени церковь была соединена с кельями, и потому все дальнейшие документы отмечают, что кельи находятся "при церкви" или "в одной связи" с ней. Указанный переход хорошо виден при осмотре памятника. Сохранилось подробное описание каменных келий монастыря за 1823 г., позволяющее детально их реконструировать⁹⁴.

Создание каменного комплекса **ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ С ТРАПЕЗНОЙ И КЕЛАРСКОЙ** и примыкающими к ним **КОЛОКОЛЬНОЙ И**

УСЫПАЛЬНИЦЕЙ завершает формирование ансамбля Крестного монастыря в конце XVII в. Комплекс датируется по времени окончания строительства 1689 г. М. А. Ильин усомнился в подлинности этой даты, названной многочисленными литературными источниками. Документы же утверждают, что каменная трапезная с церковью пришла на смену деревянной в 1689 г. В переписных книгах за 1693 г. об этом сказано так: "Церковь Рождества Богородицы каменная с трапезою и келарскою, построена вновь при бывшем архимандрите Иоиле в прошлом 1689 году"⁹⁵.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ двухъярусная, с одной полукруглой апсидой. Стены и своды сложены из кирпича и гранита. Храм Рождества Богородицы размещался в верхнем этаже, а в нижнем в 1769 г. освящен престол Дмитрия Ростовского. В 1796 г. нижняя церковь переосвящена в церковь Рождества Христова, а после пожара 1855 г. "для избежания значительных издержек" церковь сначала освятили только в нижнем этаже. В 1870—1871 гг. в помещении верхней трапезы в одностолпной палате разместились еще два придельных храма. Верхние церкви были теплыми, отапливались двумя печами.

В XIX в. церковь Рождества Богородицы подвергалась значительным перестройкам, особенно в 1822 г. Они коснулись второго яруса церкви: разобран свод и заменен деревянным "накатным потолком". Причиной тому послужил свод, который "вмещал в себя много дикого камня и своим грузом раздавил все здание церковное от чего явились трещины"⁹⁶. Южный угол церкви разломали до нижнего свода и переложили заново, а южная и северная стены были скреплены металлическими связями.

Опись 1743 г. свидетельствует, что "церковь одноглавая, глава покрыта лемехом"⁹⁷. После устройства в 1870—1871 гг. придельных церквей на кровле появились еще две главы. Все три в конце XIX—начале XX в. были покрыты металлом. Первоначальное перекрытие церкви — двускатное, "в два тесу". Во второй половине XIX в. сделали металлическую кровлю.

К северо-западу от церкви Рождества Богородицы каменная КОЛОКОЛЬНЯ. Стены ее сложены из кирпича и гранита. Камень применен в основном в нижней части здания. Вверху размещалась площадка для колоколов, а под колоколами был устроен деревянный помост. На уровне площадки в стенах восемь арочных проемов. В XVIII—XIX вв. на колокольне было 10 колоколов. В XVIII в. колокольня завершалась восьмигранным шатром, на нем — главка, крытая лемехом⁹⁸. После пожара XIX в. на шатре была металлическая кровля, устроенная по деревянным стропилам и обрешетке.

В северной стене колокольни прямоугольное углубление — колодец для часов. Часы упоминаются при колокольне всеми монастырскими описями, начиная с 1693 г.: "Часы заводные, стан и одиннадцать колес больших и малых железныя, которыя и минуты являют"⁹⁹.

Во второй половине XIX в. с восточной стороны колокольни построен портик на четырех колоннах.

С западной стороны к церкви примыкает двухэтажная ТРАПЕЗНАЯ с келарской, ризницей, библиотекой и архивом, а также с поварнями и кладовыми на первом этаже. Назначение помещений трапезного комплекса неоднократно менялось. Например, ризница и архивная палатка Крестного монастыря длительное время находились вне трапезной, в Воздвиженском соборе.

Для братской трапезы долгое время использовалось помещение верхней палаты. В 1870-е годы братская трапезная разместилась в нижнем этаже. Обе трапезные одностолпные, находятся одна над другой, а столбы — на одной оси. Аналогичное размещение двух одностолпных палат, одна над другой по одной оси, встречается в Сушиле, памятнике XVI в. в Соловецком монастыре.

Одностолпные каменные трапезные палаты были распространены в северных монастырях. Они известны не только в Соловецком, но и в Александро-Ошевенском, Сийском монастырях, однако их сопоставительный анализ до сих пор никем не проведен.

Итак, каменные здания Крестного монастыря возведены в течение небольшого периода. Его архитектурный облик создавался под непосредственным влиянием ини-

циатора строительства патриарха Никона. Формирование же ансамбля на Кий-острове завершилось лишь к концу XVII в. Ансамбль занимает небольшую территорию, и потому памятники необычайно компактны по внутренней планировке. Отличительной особенностью каменного строительства на Кий-острове является использование местного строительного материала — гранита. Зодчие и строители Крестного монастыря использовали опыт каменного строительства на Севере, сложившийся к XVII в. Однако этот опыт был трансформирован применительно к местным условиям.

Архитектурный ансамбль Крестного монастыря — это не только уникальные архитектурные памятники, но и самобытная природа, составляющая их неотъемлемое окружение и среду. Изучение ансамбля еще нельзя считать законченным.

Примечания

¹ Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1892. С. 191—192.

² Шушерин И. К. Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784.

³ Амвросий. История Российской иерархии. М., 1812. Т. IV. С. 816—864; Молчанов К. Описание Архангельской губернии... СПб., 1813. С. 264—268; Глаголев. О древних зданиях и святынях Крестного монастыря на острове Кий // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1841. № 7; раздел "Смесь". С. 1—7; Никольский И. Онежский Крестный монастырь // Архангельские ведомости. 1845. № 46—47.

⁴ Краткое известие об Онежском Крестном Архангельской епархии монастыре архимандритом Лаврентием изданное. М., 1805.

⁵ Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1871; Россиев П. А. Светлое Поморье // Исторический вестник. 1907. № 10. С. 230—254; Крестный монастырь, основанный патриархом Никоном в Онежском уезде Архангельской губернии. СПб., 1894; Суслов В. В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб., 1888.

- ⁶ Случевский К. По Северу России. СПб., 1866. Т. 2.
- ⁷ Л-ов И. Историческое описание Крестного Второклассного монастыря Онежского уезда Архангельской губернии. Архангельск, 1890.
- ⁸ Попов М. Г. Челобитные патриарху Никону с его собственноручными решениями // Русский архив. 1894. № 3. № 11.
- ⁹ Легатов И. Грамоты патриарха Никона в Крестный монастырь // АЕВ. 1907. № 16. С. 528—537.
- ¹⁰ Леонид (архимандрит). Акты Иверского Святозерского монастыря (1582—1700) РИБ. СПб., 1878. Т. 5.
- ¹¹ Пушкарев И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. СПб., 1845. Т. 1. Кн. 2; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России. М., 1852; Макарий, епископ Архангельский. Записка об Онежском Крестном монастыре // ЧОИДР. М., 1880. Кн. 3.
- ¹² История русского искусства (Под ред. И. Э. Грабаря). М., 1955. Т. IV. С. 172—173.
- ¹³ Ильин М. А. Крестный монастырь на Кий-острове // АН. М., 1962. № 14. С. 89—104; Ильин М. А. К истории архитектурной композиции некоторых монастырей // Ежегодник Института истории искусств.— М., 1954.
- ¹⁴ Алферова Г. В. 1. Варварское отношение к жемчужине Беломорья // Правда Севера. 14 августа 1965. С. 3; 2. О чем "говорят" стены Кийского монастыря // Советская Онега. 28 августа 1965; 3. Древнее и вечно молодое // Правда Севера. 29 января 1965.
- ¹⁵ Алферова Г. В. 1. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // АН. М., 1969. № 18. С. 30—44; 2. Ансамбль Крестного монастыря на Кий-острове // АН. М., 1976. № 24. С. 83—93.
- ¹⁶ Алферова Г. В. К вопросу... С. 30, 44.
- ¹⁷ Алферова Г. В. У Белого моря // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1983. С. 129—130; Гунн Г. П. Каргополье — Онега. М., 1974; Кий-остров. Архангельск, 1976.
- ¹⁸ РГВИА. Фонд ВУА. Д. 18558. Л. 16—20. Л. 79 об. Л. 80.
- ¹⁹ "Изображение Онежского Крестного монастыря на острове Кий". Литография. 1896 г. ГНИМА. РШ 6182; "Изображение Онежского Крестного монастыря на острове Кий". Литография Троице-Сергиева монастыря. 1877 г. РГБ. Отдел ИЗО. № 15331.

- ²⁰ Открытка "Онега. Кийский Крестный монастырь".
АОКМ. № 12309.
- ²¹ ГНИМА. Архангельская область, уникальные фотографии: XIII 1634—1651; ИИМК, негатив: П-14006-7; фотография 0.667.55.
- ²² ГНИМА. № РУ 3758 (Чертежи архитектора З. Шуляк).
- ²³ Краткое известие... С. 27—28.
- ²⁴ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1722. Л. 5 об.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 1. Л. 55 об.
- ²⁶ Там же. Д. 28. Л. 16 об.—17.
- ²⁷ Там же. Ф. 1195. Оп. 6. Д. 50. Л. 4.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 111, 111 об.
- ²⁹ Легатов И. Грамоты патриарха... С. 533.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 3. Д. 78. Л. 1.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 32 об., 33.
- ³² Там же. Л. 45 об., 46.
- ³³ Там же. Оп. 4. Д. 289. Л. 38 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 9. Д. 194. Л. 29.
- ³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 192. Л. 37.
- ³⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 7034. Л. 6.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 1. Л. 74, 120 об.
- ³⁸ Там же. Д. 4. Л. 46.
- ³⁹ Там же. Д. 1. Л. 64, 78.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 5. Д. 14 а. Л. 4.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 448. Л. 8 об.
- ⁴² Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 38.
- ⁴³ Там же. Д. 4. Л. 2 об.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1. Л. 55 об.
- ⁴⁵ Там же. Д. 29. Л. 2—3.
- ⁴⁶ Там же. Д. 477. Л. 22—23.
- ⁴⁷ Там же. Д. 507. Л. 26.
- ⁴⁸ Там же. Д. 607. Л. 22.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 4. Д. 415. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Д. 417. Л. 10.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об.
- ⁵² Там же. Д. 150. Л. 57 об.
- ⁵³ Там же. Л. 58.
- ⁵⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 5. Т. 1. Д. 14. Л. 91.
- ⁵⁵ Там же. Л. 92.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 2. Л. 9.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 1195. Оп. 9. Д. 154. Л. 7.
- ⁵⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 8512.

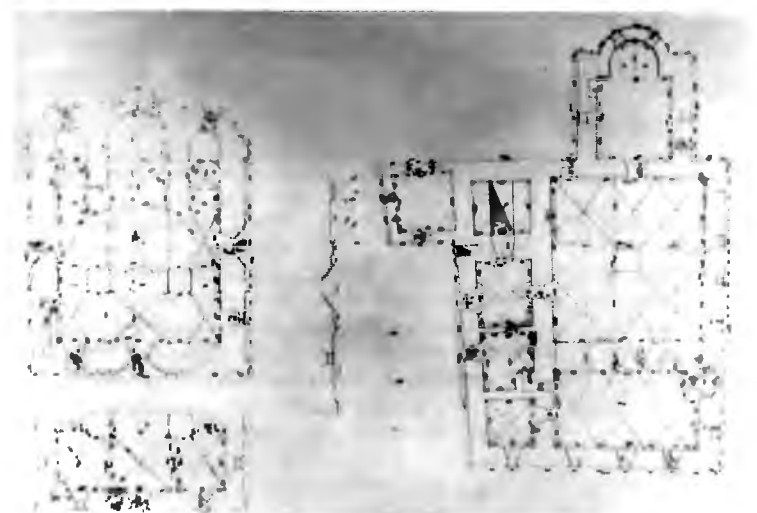
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 1. Л. 120.
⁶⁰ Там же. Оп. 3. Д. 78. Л. 1.
⁶¹ Шушерин Н. К. Указ. соч. С. 60, 61.
⁶² РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1722.
⁶³ Там же. Л. 11 об.
⁶⁴ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 9. Д. 150. Л. 1; ГААО. Ф. 29.
Оп. 31. Д. 218.
⁶⁵ Там же. Оп. 4. Д. 55. Л. 1 об.
⁶⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 367. Л. 1 об.
⁶⁷ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 673. Л. 2.
⁶⁸ Там же. Оп. 9. Д. 150. Л. 1.
⁶⁹ Там же. Оп. 1. Д. 112. Л. 1 об.
⁷⁰ Там же. Оп. 5. Д. 232. Л. 33 об.
⁷¹ Там же. Оп. 9. Д. 150. Л. 1.
⁷² Там же. Оп. 4. Д. 673. Л. 2.
⁷³ Там же. Оп. 9. Д. 150. Л. 1 об.
⁷⁴ ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 318. Л. 5.
⁷⁵ Молчанов К. Указ. соч. С. 265.
⁷⁶ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 415. Л. 6.
⁷⁷ Там же. Оп. 5. Д. 232. Л. 22.
⁷⁸ Молчанов К. Указ. соч. С. 266.
⁷⁹ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 264. Л. 1.
⁸⁰ Там же. Оп. 4. Д. 457. Л. 2 об.
⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 11 об.
⁸² Там же. Оп. 4. Д. 673. Л. 25.
⁸³ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1722. Л. 15 об.
⁸⁴ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 5. Д. 232. Л. 22.
⁸⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 367. Л. 10.
⁸⁶ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 415. Л. 8; Д. 487. Л. 25.
⁸⁷ Там же. Ф. 1195. Оп. 9. Д. 150. Л. 5.
⁸⁸ Там же. Оп. 1. Д. 112. Л. 13 об.
⁸⁹ Там же. Д. 507. Л. 81.
⁹⁰ Там же. Оп. 9. Д. 150. Л. 96.
⁹¹ Там же. Оп. 4. Д. 417. Л. 26.
⁹² Там же. Д. 429. Л. 1 об.
⁹³ Там же. Д. 457. Л. 4.
⁹⁴ Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.
⁹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 477. Л. 25 об.
⁹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 673. Л. 18 об.
⁹⁷ Там же. Д. 55. Л. 1 об.
⁹⁸ Там же. Д. 415; Д. 417. Л. 24 об.
⁹⁹ Там же. Д. 55. Л. 35.

Ил. 1. Вид Крестного монастыря. Атлас Архангельской губернии. 1797 г. Экспликация "Вида Крестного монастыря с западной стороны из пункта В". 12. Монастырская ограда с башнями. 13. Настоятельские кельи и прочее монастырское строение. 14. Соборная церковь Воздвижения честнаго Креста Господня. 15. Колокольня. 16. Церковь Рождества Богородицы. 17. Каменные кельи с церковью над кладезем Происхождения Честных Древ. 18. Часть залива Белого моря.
РГВИА. Ф. ВУА. № 18558

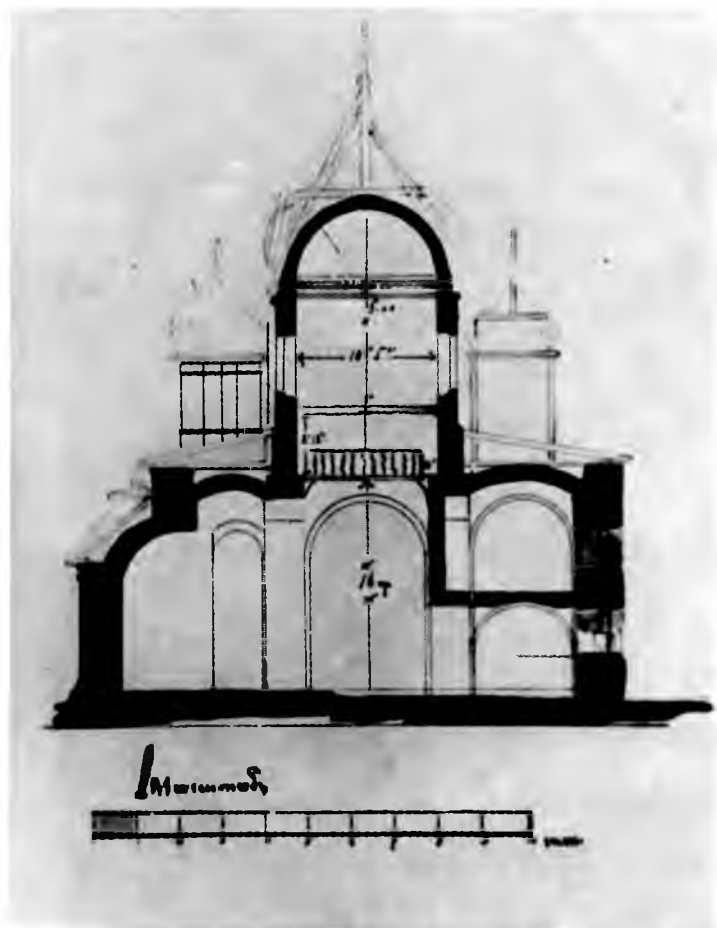
*Ил. 2. Реконструкция центрального ансамбля
Крестного монастыря. Рисунок З. Шуляк. 1945 г.
ГНИМА. РУ. № 3758*

*Ил. 3. План Крестовоздвиженского собора
и трапезного комплекса с колокольней.
Чертеж З. Шуляк. 1945 г.
ГНИМА. РУ. № 3758*

*Ил. 4. Крестовоздвиженский собор.
Рисунок З. Шуляк. 1945 г.
ГНИМА. РУ. № 3758*

Ил. 5. Крестовоздвиженский собор.
Разрез.
ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 482

*Ил. 6. Фрагмент деревянной ограды
Крестного монастыря.
Акварель З. Шуляк. 1945 г.*

АВТОРЫ СБОРНИКА

Брумфилд Уильям Крафт, профессор славистики Тулейнского университета (Новый Орлеан, Америка).

Воскобойникова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, палеограф I категории РГАДА (Москва).

Дмитриева Зоя Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбФ ИРИ РАН (С.-Петербург).

Кольцова Татьяна Михайловна, кандидат искусствоведения, заведующая отделом древнерусского искусства АОМИИ (Архангельск).

Крохин Владимир Анатольевич, архитектор Карельского специального научно-реставрационного управления (Петрозаводск).

Медведев Павел Петрович, кандидат архитектуры, доцент, преподаватель ПГУ им. О. В. Куусинена (Петрозаводск).

Мельник Александр Гаврилович, заведующий архитектурным отделом Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника (Ростов).

Мильчик Михаил Исаевич, кандидат искусствоведения, главный специалист С.-Петербургского филиала института "Спецпроектреставрация" (С.-Петербург).

Петров Дмитрий Аркадьевич, архитектор, научный сотрудник Института реконструкции исторических городов (Москва).

Попова Людмила Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения ПГУ им. М. В. Ломоносова (Архангельск).

Скопин Владимир Владимирович, главный искусствовед института "Спецпроектреставрация" (Москва).

Теребихин Николай Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и религиоведения ПГУ им. М. В. Ломоносова (Архангельск).

Уткин Николай Николаевич, главный архитектор АГМДЗ (Архангельск).

Чистиков Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбФ ИРИ РАН (С.-Петербург).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГВ	— Архангельские губернские ведомости
АЕВ	— Архангельские епархиальные ведомости
АГМДЗ	— Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства
АОКМ	— Архангельский областной краеведческий музей
АОМИИ	— Архангельский областной музей изобразительных искусств
БАН	— Библиотека Академии наук (с 1992 г.— РАН) (С.-Петербург)
ГААО	— Государственный архив Архангельской области (Архангельск)
ГАВО	— Государственный архив Вологодской области (Вологда)
ГАНО	— Государственный архив Новгородской области (Новгород)
ГНИМА	— Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. акад. А. В. Щусева (Москва)
ПГУ	— Петрозаводский государственный университет им. О. В. Куусинена
ПГУ	— Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
ПКНО	— Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)

- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
- СА — Советская археология
- СГИАПМЗ — Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (Соловки)
- СПбФ ИРИ РАН — С.-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук
- СЭ — Советская этнография
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук
- ЧОИДР — Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
От составителя	5

Часть первая

Попова Л. Д. Отражение общерусских стилевых направлений в архитектуре Архангельска XVI—начала XX в.	9
---	---

Дмитриева З. В., Мильчик М. И., Чистиков А. Н. Два документа из ранней истории Архангельска	43
---	----

Часть вторая

Воскобойникова Н. П. Церкви Кеврольского уезда XVI—XX веков (материалы для изучения)	57
--	----

Уткин Н. Н. Теплые церкви Архангельского Севера (предварительный обзор)	94
---	----

Медведев П. П. Бани Беломорского Поморья (конец XIX — начало XX в.)	116
---	-----

Крохин В. А. Возможные способы расчета соотношений и достижения точности при построении архитектурной формы в русском деревянном зодчестве XVI—XVIII вв.	140
--	-----

Брумфилд У. К. Архитектура Каргополя и его окрестностей (проблемы сохранения памятников).	176
---	-----

Часть третья

Петров Д. А. Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря в его отношении к новгородской архитектуре первой половины XVI в.	193
Мельник А. Г. О некоторых приемах трансформации архитектуры Соловецкого монастыря в трех его изображениях конца XVI—начала XVII в.	218
Скопин В. В. Часовни на Соловецких островах	234
Теребихин Н. Н. Образ Петра I в ономастике сакральной архитектуры Русского Севера (храмы, лабиринты, корабли)	246
Кольцова Т. М. Новые данные о строительной истории Крестного (Онежского) монастыря в XVII—XIX вв. (по письменным источникам).	266
Авторы сборника	298
Список сокращений	300

Научное издание

**ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ
РУССКОГО СЕВЕРА**

Сборник статей

Ответственный за выпуск *В. П. Базаркина*
Редактор *Л. Н. Рогова*
Корректор *Н. Н. Коноплева*
Художник *Р. С. Климов*
Технический редактор *В. М. Личутина*
Фото на шмуцтитуле № 1 *В. В. Крехалева*

Изд. лиц. № 020050 от 23.12.96. Сдано в набор 1.07.98

Подписано в печать 5.10.98. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага писчая белая. Гарнитура "Таймс".

Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 15,116. Тираж 1000 экз. Заказ № 1333

Издательство Поморского государственного университета
имени М. В. Ломоносова.
163006, г. Архангельск, пр. Ломоносова, 6

Издательско-полиграфическое предприятие "Правда Севера".
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32, тел. 65-37-65